

К Д

ПОЕЗДКИ ЗА ГОРОД

12 том

(пред-предисловие)

Москва

От составителя

В 12 том ПЗГ собраны акции с 24-11-2011 по 12-2-2015 годы.

Стержневым для этого периода акций была дальнейшая активация "лесного" *дискурса времени*, продолжение "Библиотеки" в новых "закопах" уже дигитальных данных на электронных носителях ("Зимовка в земле на просеке Хайдеггера", "Подземная пятилетка"). Невидимые поля и линии времени окончательно заменяют геометрию пространства Киевогорского (и других) полей предшествующих периодов работы (и путешествий) КД. Возникает новый инструментарий видеодискурса: видеорегистратор и GoPro.

Описательные тексты этих акций и некоторые статьи к ним опубликованы в качестве приложения в издании БМК "КД. Поездки за город. 4-5. + 11-13", 2016 г. Как и в 11 томе, я поместил в 12 том QR-коды для просмотра видео акций со смартфонов или планшетов, что значительно уменьшает "разнесённость" между полиграфией тома ПЗГ и видео акций, помещенных на YouTube. На титуле - QR-код видео "Путь как пустота, Пустота как путь" (съемка на GoPro 24 февраля 2015 года в Сокольниках) - своего рода "пред-предисловие", на основе которого я написал собственно Предисловие к этому тому.

А. М.   14. 01. 2018

Хождение по тимирязевским могилам по указанию призрака студента Ивана Иванова

Смысл всех последних акций КД (и не одно десятилетие уже) - только в поддержании самого "путешествия", пути, в продолжении мифа группы. Отдельно, сами по себе эти акции не имеют никакого значения.

В 70-е годы для моего творческо-эстетического самоощущения (его комфортности, интереса) важны были три работы Кабакова: "Бердянская коса" (1970), "По краю" (1974) и альбом "Пирамида" (1978). Эти формалистические работы, затрагивающие фундаментальные эстетические блоки, такие как "рама и изображение", "край и центр" и т.д., до сих пор остаются для меня актуальными. У него есть и другие отличные работы, но камертон пути в моем его понимании и экзистенциальном переживании был запущен именно этими тремя вещами. Они как бы организовали путь, дорогу мифа, ее обочины, маршрут и саму возможность развертывания ряда, все остальное, то, что было дальше в этом ряду - это просто движение по пути с разного рода встречами на нем, интересными или не очень, не важно.

У Кабакова есть и до этих работ, и после очень интересные и сильные вещи, но лично для меня именно те три работы являются и всегда были "направляющими", задающими тон, значимый и для моего творчества тоже. Великолепные (для меня) работы, сделанные до "Бердянской косы" - это "Автомат и цыплята" (1966) и "Диван-картина" (1967), работы после 78 года - это "Крылья защищают белое от трещины" (1978), серия Картин-объяснений (текстовых, 80 -84 гг, куда входит и "Виноватая?" 1982), "жэковская" серия "Четыре столпа", с открытками (1983), инсталляция "Человек, улетевший в космос" 1983, инсталляция "Вверх" 1986 (с белыми человечками), картины для инсталляции "Три ночи" 1988 (особенно № 3), серия картин 1989 года с "наползающей" на изображение одеждой и картина "Автобусное расписание" 1989 (с белыми курами), Триптих 1999 года "Шарль Розенталь "Урожай прибыл"" и другие работы из этой серии белых холстов с карандашными рисунками в ящиках, "Вертикальные картины" № 10 и № 12 2012 года. (Надо сказать, что сам прием повторов ранних работ от лица вымышленных художников 30-х и далее годов, с "подрисованными символами преисподней" в литературном смысле очень интересен, но в собственно эстетическом впечатлении на меня не произвел - что, по замыслу автора, скорее всего и должно было произойти, эта

"непроизводность", невозможность "выведения из потаенного" прошлого).

Есть ли у меня такие работы, которые до сих пор важны для меня? Странно, но для меня важны акционные объекты "Пушка" 1975, "Палец" 1977 и "Дыхалка" 1977, которые объективного, общезначимого смысла в себе не несут. А вот работа "Куча" 1975 года, которая для меня не так важна, напротив, уже не один раз воссоздавалась на разных выставках, то есть имеет объективное, внешнее значение жанрообразующей работы - прото-инсталляция, прото-акция, прото-идеология "Все- мусор", которая позже разрабатывалась Кабаковым через фигуру "ничего не выбрасывающего" персонажа и т.д. И именно в этой работе "Куча" впервые была использована фактография (листок с текстом "Документального подтверждения участия"), которая потом как заключительный элемент использовалась практически в каждой акции КД, начиная с "Появления".

Акционный объект "Палец" слишком сложен (несмотря на свою внешнюю простоту и минималистичность) в семантическом смысле. С точки зрения субъектно-объектной модели акта восприятия, через "Палец" происходит объективация субъекта (зрителя, использующего этот гаджет), он становится сам для себя объектом восприятия, а коробка "Пальца" - только устройством для акта феноменологической редукции привычного объекта-произведения с одной стороны, с другой - ее механизм выстраивает новый, чисто умозрительный субъектно-объектный уровень второго порядка, новую модель, позицию наблюдения-созерцания: зритель "раздваивается" для самого себя, и понимание-переживание этого "раздвоения" возможно только с третьей стороны, с площадки наблюдения "третьего уровня", не обладающего визуальностью, которая и возникает в этой акции с "Пальцем".

Можно и так сказать, что акция с объектом "Палец" (просовывание в него руки с указующим на себя пальцем) - это своего рода семантическое селфи: объективирующая субъект восприятия коробка "Пальца" выступает в роли фотоаппарата, точнее - видеорегистратора.

Но все это достаточно сложно и переживается сугубо индивидуально, в одиночном контакте с объектом, чтобы обрести черту всеобщей значимости, в отличие от простого жеста "Кучи", которая является социально "общим делом" (ее "кормления" и "выращивания").

У КД тоже есть три акции такого начального, фонового и камертонного (для меня) уровня - "Появление" (1976), "Лозунг-77" (1977) и "Время действия" (1978). Наиболее популярна акция "Лозунг-77", ее фотографию уже несколько раз брали как заставку в фб, использовали в блогах, в своих художественных проектах и т.п.

Вот эта бóльшая значимость (для меня исключительно) ранних работ и у Кабакова, и у КД, и у меня самого по сравнению с поздними можно

объяснить следующим образом, продолжив интерпретацию объекта "Палец".

Там объект так устроен, что он как бы "втягивает" в себя субъект через его реальный палец, через указательный жест пальца на самого себя, т.е. сама коробка "Пальца" - это рама, фон для объективированного субъекта восприятия. Возникает новая субъектная позиция созерцания-восприятия внутри первой обычной (традиционной) субъектной позиции "на дистанции" ("смотрение на..."), с расстояния. В акции это расстояние уничтожается гаджетом "Пальца" и остается (возникает) только умозрительное **"внутреннее"** расстояние. "Проваливание во внутреннее" - это одновременно и погружение сознания в объемы-пространства накопленности текстов и опыта жизни (в прошлое, уход с горизонта реальности "здесь и теперь", с горизонта прямого восприятия и действия).

В начале пути (жизни, творчества), когда молодой человек активно воспринимает ВНЕШНЕЕ, весь внешний мир, он связан с ним многочисленными нитями восприятия и реагирует на него через колебания этих нитей, как паук в паутине (это все о творческом, конечно, мире речь идет), он участвует в реальной жизни - ловит реальных мух, пеленает их, сосет и т.д. Потом, когда с возрастом этот "шар внутреннего" раздувается от количества "добытого" в виде текстов, произведений искусства, суждений и т.д., эти нити, связывающие его с внешним реальным миром, обрываются под тяжестью внутреннего "шара" и внутренняя полость, объем заменяет собой внешнее пространство реальности. Все дальнейшее в творческой жизни человека начинает происходить уже внутри этого раздутого шара "накопленности", в котором царствует не пространство, а время (причем чаще всего - тёмное). Так что гаджет "Пальца" можно рассматривать и как метафору опасного проваливания внутрь себя, как пограничный столб между внешним и внутренним. Вообще внешне этот объект напоминает скворешник, из которого "внутренне" может вылететь как райская птица "царства божия внутри нас", так и темные знаки преисподней.

И тут уже можно, чисто умозрительно повесив на дерево в Тимирязевском парке объект "Палец" в виде скворешника, перейти к последней акции, точнее к приложению к акции "Кашей бессмертный Коллективных действий", лично мне напоминающее компьютерную игру в жанре RPG.

В день "приложения" (прогулки в Тимирязевском саду по плану М. Сумниной и А. Кузькина с найденными Кузькиным яйцом и самописцем) я сначала поехал в магазин Букинист на Преображенском рынке и купил томик стихов Хераскова в синей Библиотеке поэта за 1000 рублей (цена здесь важна, поскольку на alib.ru он стоит от 2500 р

до 4500 р, и я искал эту книгу - вместе с книгой Хемницера тоже в БП - не один месяц). Просматривая книгу в вагоне метро, я наткнулся на басню "Комар" и у меня возникла идея прочесть эту басню, стоя перед могилой Вильямса в Тимирязевском парке.

Встретившись у метро Дмитровская с Машей и Кузькиным, мы поехали в парк. Сначала мы там попали к сказочному (и одновременно техническому) домику, над единственным окном которого устройство с бегущей строкой показывало, кроме времени, некое значение 0.06 МЭД мкЗв/ч.

(В Москве я узнал, что это:

Измерение МЭД фотонного излучения $0,05 \square 3$ МэВ в двух режимах работы — поиск и изменение.

Диапазон измерения:

мощности эквивалентной дозы, мкЗв/ч — 0,10–99,99;
мощности экспозиционной дозы, мР/ч — 0,01–9,999.

Здесь МЭД — мощность эквивалентной дозы в мкЗв/ч или мощность экспозиционной дозы в мкР/ч.)

Оттуда мы направились к могиле якобы академика Вильямса в южной части парка, недалеко от входа со стороны улицы Вучетича (напомню, что Институт кормов, которому принадлежит наше киевогорское поле, имени Вильямса). Но оказалось, что это могила сына академика, профессора Н. В. Вильямса. Он похоронен там в 1946 году (как я прочел потом в воспоминаниях его сына математика Н.Н. Вильямса, могила была тогда же вскоре разрыта и с покойника был украден костюм).

Я позвонил Даше, чтобы она посмотрела, где же находится могила старшего Вильямса, академика, она посмотрела в сети и сказала, что и его могила в Тимирязевском парке, в дендрологическом саду имени Шредера, но как там найти этот сад, мы не поняли.

Поскольку не было уверенности, что мы найдем правильную могилу, решили провести акцию-приложение здесь, на могиле сына. Сначала я прочел перед памятником басню Хераскова "Комар". Затем Кузькин водрузил красное яйцо (в виде фаберже на ножках) на вершину памятника-колонны, а желтую коробку с иглой самописца завернул в черный полиэтиленовый пакет и засунул метрах в 15 от могилы на запад в раздвоение дерева на два ствола, замаскировав закладку сучьями и ветвями. Самописец-измеритель температуры в коробке был вполне себе действующий, на свежей батарееке, рассчитанный на работу в течение 75 суток.

После чего мы двинулись на север в поисках могилы академика, спрашивая по дороге, где находится дендрарий имени Шредера. Нас направили в сторону пруда (с гротом, в котором 21 ноября 1869 года произошло убийство студента Иванова Нечаевым - история, описанная в романе Достоевского "Бесы") и улицы Пасечной. Рядом с этой улицей, отделенной бетонным забором от парка, в самом парке находится маленькое красивое кладбище могил на 20 за низкой оградой, похожее на кладбище внутри Пятницкого кладбища со стелой Грановского, семейством Щепкиных и декабристами, фигурирующее в нашей акции "130" (<http://conceptualism.letov.ru/130/index.html>). На этом маленьком кладбище (в Тимирязевском парке) похоронены профессора и преподаватели сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Среди них есть могила некоего Грицюка, на памятнике которого интересная надпись: «Прыжок — трансформатор энергии потока», могила профессора Худякова, который - по воспоминаниям внука Вильямса - был блестящий лектор и любимец студентов (он перед каждой лекцией выпивал стакан водки) и т.д. Но наиболее сильный "инсайт" у меня вызвала могила профессора Фортунатова А.Ф. в сочетании с находящейся рядом плитой с надписью "Академик Лисицын". Вот эти три буквы "Ф" у Фортунатова и рядом фамилия "Лисицын" (от "лиса") так сработали в текстовом "внутреннем" поле моего давно и тяжело катящегося "шара" (о котором я писал выше), что я тут же вспомнил известное и ничего не значащее выражение про лису: "Я лиса, я ничего не хочу, только фыр фыр фыр!".

Подходя ко рву, по которому протекает река Жабёнка (из пруда с гротом), на сарае я увидел надпись черными буквами "призрак".

И тут мы видим, по рву идет высокий молодой человек в черном пальто и черных очках. Мы у него спрашиваем, где находится дендрарий имени Шредера. Он говорит, - "подождите", поднимается со дна рва к нам и объясняет, что нужно идти по Пасечной улице на восток. Уже после этой прогулки у меня возник еще более дикий и глубокий инсайт с этим молодым человеком в контексте слова "призрак" на сарае и направлением, откуда он появился в нашем поле зрения (от того самого грота 18 века и пруда того же времени). Я метафоризировал его как призрак убитого Нечаевым студента Ивана Иванова (просто как текстовой отблеск на то событие, событийно-сюжетная аллитерация фоновых деталей нашего путешествия по парку).

19 век во все этой истории промелькнул фоном еще на самом мельчайшем уровне в сочетании трех букв: слово "РОВ" (по которому течет Жабенка и откуда появился "призрак студента Иванова") и инициалы американского основателя семейства Вильямсов, отца нашего академика инженера Роберта Оливера Вильямса - тоже "РОВ", который в 19 веке приехал из Америки строить Николаевскую железную дорогу (есть предание, что все мосты этой дороги построил он).

Итак, по Пасечной улице мы подошли к воротам Дендрария имени Шредера, они были заперты на замок, но есть кнопка дистанционного звонка. Появился сторож, мы сказали, что мы художники и нам нужно на могилу Вильямса - тут ли его могила? Он сказал - да, тут, и пустил нас. Прошли через снег метров 150 и подошли к могиле с барельефом нашего академика.

Там самое главное для меня впечатление, это что напротив могилы, метрах в 25-ти к востоку, на полянке стоит большой дуб. Этот факт (и вид) дуба у могилы отлично вписался в сюжет со схемой защиты Кащей нашей акции "Кашей Бессмертный КД": - ведь ДУБ - первый уровень защиты на схеме, использованной в акции, - дуб, на котором висит сундук и т.д. А сам Вильямс (его портрет) - самый последний уровень защиты, на этой схеме он закрывает собой иглу, в случае поломки которой Кашей перестает быть Бессмертным.

То, что сторож так легко нас пустил на закрытую территорию, я могу объяснить тем, что мотивация "мы художники"(? - ну и что, не агрономы же и не ботаники!) "активировала" на бессознательном уровне фигуру племянника академика Вильямса - театрального (и довольно известного) художника Петра Вильямса ("родственники-художники навещают могилу почвовед").

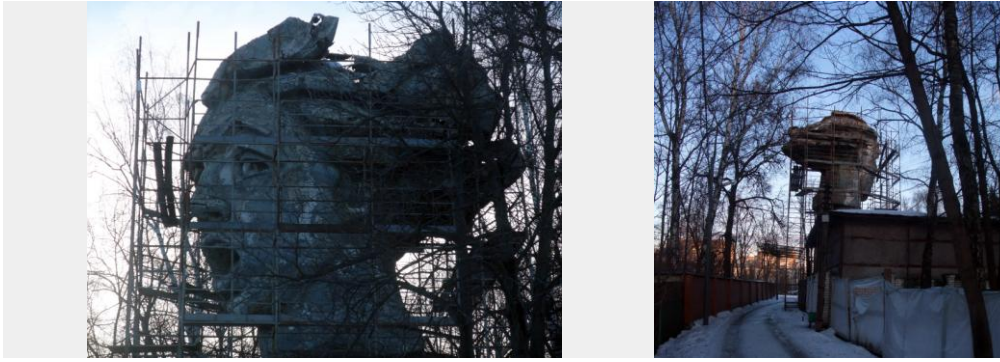

(слева на фото могила Вильямса, справа - дуб)

В принципе, именно на этой могиле я должен был по замыслу прочитать басню КОМАР Хераскова. Но она уже была прочитана мной на могиле сына Вильямса (последняя строчка этой басни звучит довольно странно: "Но бойся, злой язык, судьбины Комаровой" - "Судьбина Комарова" - это как женское имя-фамилия).

Я стал листать книжку стихов Хераскова, чтобы выбрать другой стих для чтения. В итоге остановился на стихотворении РАЗУМ и прочитал его (хотя сказал на камеру, что буду читать стих Хемницера почему-то, но в конце показываю обложку книги, где ясно видно, что это Херасков). Наверняка мой выбор стихотворения был определен тем (на бессознательном уровне), что вся эта местность Тимирязевского парка, где мы находились, в 18 веке принадлежала графу К.Г. РАЗУМовскому. Очевидно, что кроме 19 века, текстовый фон 18 века тоже был важен для нашего путешествия: Херасков, Разумовский, сам парк с гротом XVIII века, где в XIX-м был убит студент Иванов.

В итоге вся эта тема почвы, *земли*, профессоров и академиков-почвоведов-аграриев вывела нас на созерцание впечатляющей по размеру и grimase огромного орущего рта гигантской головы от скульптуры Вучетича "Родина-мать" (*сыра земля....*) (бетонный макет в настоящую величину), которая возвышается над территорией деревянных домиков на улице Вучетича (точнее - Тимирязевская,33, мемориальная мастерская скульптора).

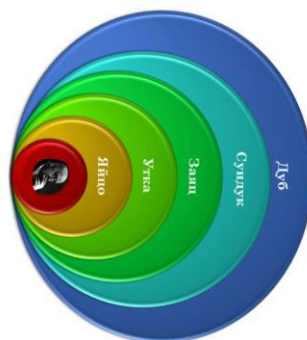

Подобного рода нагромождения деталей и символов, текстовых "инсайтов" и контекстов типичны для акций КД последних лет 20 как минимум и ясно, что все эти "событийные" ряды, в отличие от ранних минималистских акций, никто не помнит и не знает, они быстро забываются даже самими авторами - путешественниками по этим текстовым дорожкам в данном случае Тимирязевского парка. Они **незаметны** и недолговечны по сравнению с ранними акциями КД, хотя в них много чего напихано и часто не маленького размера (я имею в виду апроприированные в событийность акции экспозиционные предметы вроде этой гигантской головы Вучетича).

Эти акции, действительно, как компьютерные игры, где прежде всего важна категория **играбельности**, сам процесс игры, путешествия по увиденным мирам **внутри** катящегося шара....

1.03.2015.

PS

могила

дуб

Все-таки невероятно и загадочно это полное соответствие расположения реальной могилы Вильямса и дуба в дендрарии им. Шредера - нашей схеме защиты Кашея, которая использовалась в акции! На могильной плите - портрет Вильямса именно такой, как на схеме и расположен он точно напротив дуба! Мы ведь понятия не имели об этом дендрарии с могилой и дубом перед ней! И то, что мы смогли проникнуть на эту закрытую (тем более зимой) территорию - тоже не так просто объяснить!

...

«Железный круг 70 см в диаметре с черными цифрами 128 по белому полю представляет собой объект КД, маркирующий пространство (место) и время акции КД «128», акции, названной по порядковому номеру списка акций КД, который можно посмотреть по адресу: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html>

Смысл акции состоит в активации места (пространства) и времени как особой акционной событийности этим кругом с цифрами «128».

Там, где находится круг – там и происходит акция «128».

Этот круг с цифрой 113 по зеленому полю первый раз был использован в акции КД «Пересечение-2» (30.6.2008), затем в акции «Перемещение-3» (12.4.2009). После чего в рамках акции «Ларьки» (17.10.2011) круг был снят с дерева, на него были нанесены новые цифры 128 черным цветом по белому полю и в таком виде он был сдан на комиссию в галерею М'АРС по адресу Москва, Пушкирев переулок, д. 5, где с момента помещения туда круга и началась акция КД «128».»

Этот текст вместе с самим описанным в нем кругом с цифрой 128 действительно был сдан на комиссию в галерею М'АРС 24.11.2011 на срок 1 год с ценой 10 000 \$.

(Акция входит в акционный триптих: «128 (круг)», «129 (квадрат)», «130 (треугольник)»).

Москва, галерея М'АРС

24. 11. 2011

А. Монастырский, Е. Елагина, И. Макаревич, С. Хэнсен, Н. Панитков, С. Ромашко

№ 113
(Пересечение-2)

№ 119
(Перемещение-3)

№ 127
(Ларьки)

“The metal circle, 70 cm in diameter with the black number 128 on a white field, comprises a CA object marking the space (place) and time of the CA action *128*, an action named in sequential order of the list of CA actions that can be viewed at the address: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html>

The meaning of the action consists in activating the place (space) and time as a special action event using this circle with the number “128.”

Wherever the circle is – that is where the action *128* takes place.

This circle with the number 113 on a green field was first used in the CA action *The Crossing-2* (06.30.2008) and then in the action *Translation-3* (04.12.2009). After which, in the framework of the action *Market Stalls* (10.17.2011), the circle was removed from a tree and inscribed with the new number 128 in black lettering on a white field, and in this way it was delivered on commission to the gallery M’ARS at the address: Moscow, Pushkarev pereulok, d.5, where the moment of placing the circle was the beginning of the CA action *128*.”

This text along with the circle itself and the number 128 was really placed on commission at the gallery M’ARS on 11.24.2011 for a period of 1 year and the price of \$10,000.

(The action is part of the action triptych 128 (circle), 129 (square), and 130 (triangle)).

Moscow, Gallery M’ARS
11.24.2011

A. Monastyrski, E. Elagina, I. Makarevich, S. Hänsen, N. Panitkov, S. Romashko,
D. Novgorodova.

129

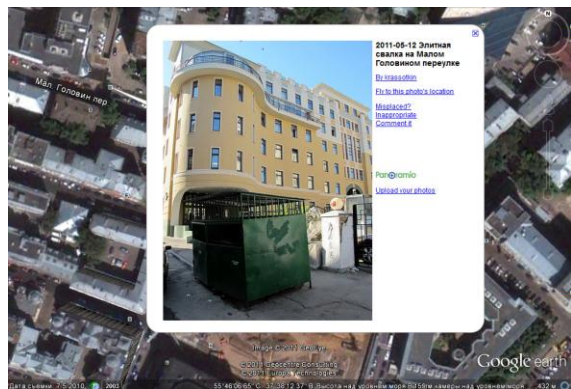
Железный квадрат 70x70 см с черными цифрами 129 по белому полю представляет собой объект КД, маркирующий пространство (место) и время акции КД «129», акции, названной по порядковому номеру списка акций КД, который можно посмотреть по адресу: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html>

Смысл акции состоит в активации места (пространства) и времени как особой акционной событийности этим квадратом с цифрами «129».

Там, где находится этот квадрат – там и происходит акция «129».

(Акция входит в акционный триптих «128 (круг)», «129 (квадрат)», «130 (треугольник)»).

А. Монастырский, Е. Елагина, И. Макаревич, М. Сумнина,
С. Хэнсен, Н. Панитков, С. Ромашко

(декабрь 2011)

На Пятницком кладбище города Москвы В. Захаров (ничего не знающий о сюжете акции) был сфотографирован у стелы на могиле Т.Н.Грановского (1813-1855) с треугольником в руках, на котором черными цифрами по белому полю написано «130» (см. фото). По плану акции такую же фотографию с треугольником предполагалось сделать и у стелы на могиле Б.А. Верховского, но по техническим причинам нам это сделать не удалось (соответствующие материалы см. [здесь](#) (для сайта Летова)).

В тот же день, приехав в Зоологический музей, мы направились в костный зал музея, где через наушники В. Захаров прослушал «фонограмму-заместитель» (для акции было записано две фонограммы – «фонограмма-оригинал» и «фонограмма-заместитель», которую слушал в музее Захаров и в которой было сказано, что фонограмму-оригинал он, Захаров, сможет прослушать [здесь](#) (для сайта Летова), на документационном горизонте акции «130»).

Выйдя из музея, мы двинулись по Романову переулку (с 1920 по 1993 – улица Грановского) и, останавливаясь у мемориальных досок на 5 доме Советов (19 штук), фотографировали Захарова у этих досок с треугольником в руках. Последнюю такую фотографию мы сделали на Воздвиженке у памятника Ф.М. Достоевскому.

В качестве фактографии акции В. Захарову был вручен заламинированный коллаж с изображениями энтомологов Г.А. Кожевникова и Н.Н. Плавильщикова и сам акционный треугольник с цифрой 130.

(Железный треугольник со сторонами 82 см с черными цифрами 130 по белому полю представляет собой объект КД, маркирующий пространство (место) и время акции КД «130», акции, названной по порядковому номеру списка акций КД, который можно посмотреть по адресу: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html>

Смысл акции состоит в активации места (пространства) и времени как особой акционной событийности этим треугольником с цифрами «130».

Там, где находится этот треугольник – там и происходит акция «130».

(Акция входит в акционный триптих «128 (круг)», «129 (квадрат)», «130 (треугольник)»).

Москва

25.4.2012.

А. Монастырский, Н. Панитков, И. Макаревич, Е. Елагина, В. Захаров, МК, М. Сумнина.

At the Pyatnitsky Cemetery in the city of Moscow, V. Zakharov (knowing nothing about the narrative of the action) was photographed beside the stele at the grave of T.N. Granovsky (1813-1855) with a triangle in his hands on which “130” was written in black numerals on a white ground (see photo). According to the action’s plan, a similar photograph with the triangle was to be taken at the stele beside the grave of B.A. Verkhovsky, but due to technical reasons, we were unable to carry this out (for related materials, see [here](#)).

On that same day, having arrived at the Zoological museum, we headed to the museum’s hall of bones where V. Zakharov listened to the “replacement soundtrack” (two soundtracks were recorded for the action – the “original soundtrack” and the “replacement soundtrack,” to which Zakharov listened in the museum and in which it was said that Zakharov could listen to the original soundtrack [here](#), on the documentary horizon of the action 130).

Exiting the museum, we moved along Romanov Lane (from 1920 to 1993 – Granovsky Street) and, stopping at the memorial plaques of the 5th House of Soviets (19 in all), photographed Zakharov at these plaques with the triangle in his hands. We took the last of these photographs on Vozdvizhenka by the monument to F.M. Dostoevsky.

As factography, V. Zakharov was presented with a laminated collage of images of the entomologists G.A. Kozhevnikov and N.N. Plavil'shchikov and the action triangle itself with the number 130.

(The metal triangle measuring 82 cm on each side with the black number 130 on a white ground is a CA object marking the space (place) and time of the CA action *130*, an action named according to the numerical order of the list of CA action, which can be seen at the following address: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html>

The meaning of the action consists in the activation of place (space) and time as a distinct action event using this triangle with the number “130.”

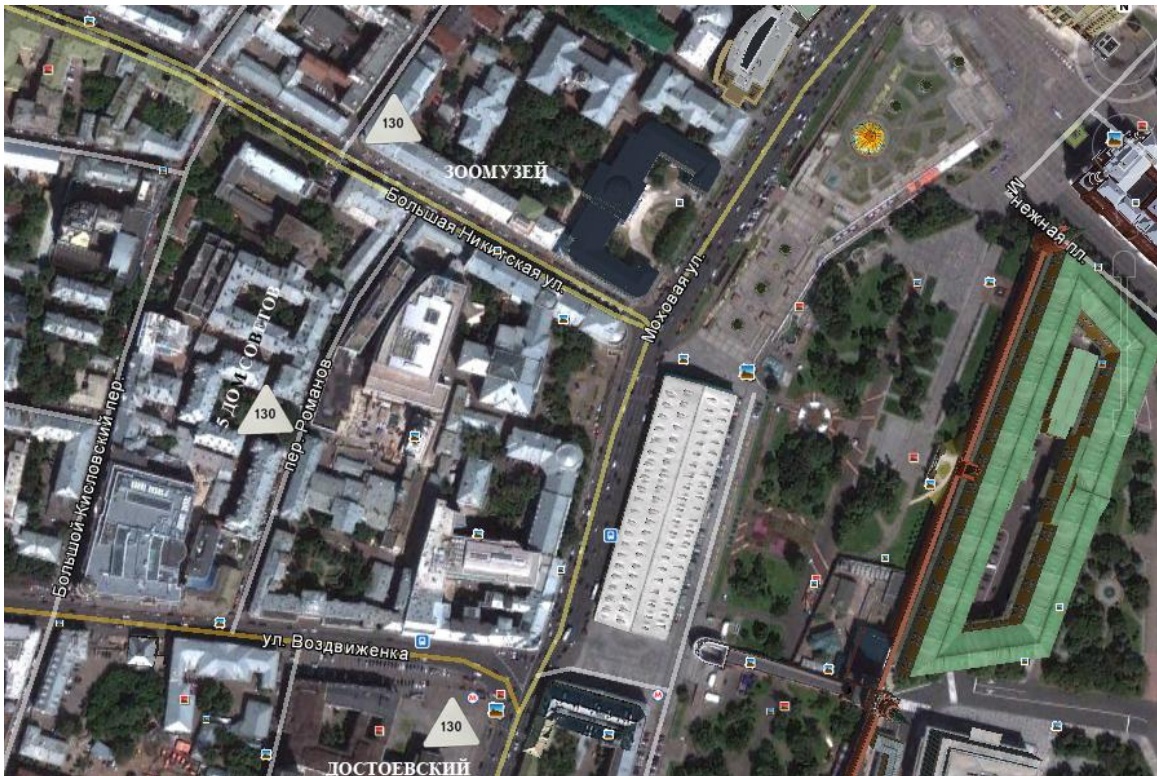
Wherever this triangle is located is where the action *130* takes place.

(The action is part of the action triptych *128 (circle)*, *129 (square)*, and *130 (triangle)*.)

Moscow

4.25.2012.

A. Monastyrski, N. Panitkov, I. Makarevich, E. Elagina, V. Zakharov, MK,
M. Sumnina.

фонограмма - оригинал

фонограмма - заместитель

О Плавильщикове и Кожевникове:

В 1921 г. Н.Н. Плавильщиков вынужден был уйти из МГУ и не появлялся там вплоть до 1941 г. Причина этого — его, мягко выражаясь, экстравагантное поведение по отношению к Г.А. Кожевникову: «Дорогой Андрей Петрович, лежу в хирург[ической] лечебнице д-ра Бакунина на Остоженке, простреленный 2 пулями в голову и диктую письмо своей жене. Одна пуля засела в затылочной кости, не пробивши ее глубоко, другая, ударившись под самым глазом о кость, рикошетировала в толще щеки и вышла в углу нижней челюсти, не повредивши ни одного крупного сосуда, ни одного нерва. Опален выстрелом (почти в упор) левый глаз, в котором сильное кровоизлияние и повреждение роговой оболочки. Стрелял в меня, как это ни удивительно и ни ужасно, хорошо известный вам Ник. Ник. Плавильщиков, о работах которого по Cerambycidae вы были хорошего мнения. Как это ни странно и ни позорно, цель покушения на убийство было ограбление. Одновременно 2 пулями в голову ранена моя служанка, находящ[аяся] теперь в клинике. В газетах это сообщение было передано весьма неточно, а московские слухи создали совершенно фантастические легенды, котор[ые] могут дойти до Петрограда в еще более искаженном виде, а потому я считаю полезным сообщить вам совершенно объективно изложенные события не только лично для вас, но и для широкого осведомления петерб[ургского] ученого мира, в особенности моих добрых друзей и знакомых. Отделом животноводства Наркомзема было ассигновано о[бщест]ву Акклиматизации, коего я председатель, 1.700.000 рубл. на нужды Измаил[овской]. Опыт[ной] Пасеки. Т.к. ассигновка была не именная, то надо было указать какое-нибудь лицо, котор[ому] общество доверяет получить, причем это должно было быть скреплено моей подписью, следов[ательно] нельзя было указать себя. Плавильщиков ежедневно бывал в музее, а получать деньги надо было в здании бывш[ей] город[ской] управы очень близко от у[ниверсите]та; ему я доверял, в честности его не имел сомнения; раньше он вполне благополучно получил для меня 170.000 р[ублей], и я не колеблясь выбрал его для получения 1.700.000 руб. 9-го сентября он предупредил меня, что на след[ующий] день деньги будут им получены, и я в начале 2-го часа дня, когда по моим соображениям он уже получил деньги из казначейства, отправился в лабораторию и спросил его, получил ли он деньги. Он сказал: «получил». После этого мы обменялись несколькими замечаниями относительно книг, разборкой которых он занимался, а затем я сказал ему: давайте деньги. Он ответил: «здесь неудобно, пойдемте к вам». Предполагая, что предстоит длительный счет, и что деньги имеют большой объем, я нашел вполне естественным, что неудобно заниматься счетом денег в лаборатории, хотя мысленно несколько удивился, не видя у него в руках ни большого свертка, ни какой-либо сумки. Потом оказалось, что деньги были в чрезвычайно компактной форме лежали все в боковом кармане куртки, не выпячиваясь заметным образом. Совершенно спокойно прошел я с ним через пустой музейский корридор 2 этажа и пустую верхнюю залу ко мне на квартиру и вошли в мою библиотечную комнату, где я сел на диван спиной к окну, а он, стоя передо мной, вынул деньги из кармана, передавая мне 4 запечат[анные] пачки (3×500.000 и 1 в 100.000), сказал: «эти считать не нужно», и прибавил, передавая мне 5-ю распечат[анную] пачку в 100.000 р.: «Эту сосчитайте». Это были зелененькие 1000 р. нового образца, не бывшие в употреблении и наверное распечатанные специально для того, чтобы занять меня счетом. Пока я считал, он сделал несколько шагов по комнате и очутился сзади меня, так что я его не видел. Я услышал оглушивший меня звук и, совершенно не понимая, что случилось, спросил: «что это?» Это был выстрел из револьвера мне в затылок, но я настолько был далек от мысли чего-либо подобного, что немедленно построил в своем воображении фантастическое представление, что у него в руках взорвался охотничий ружейный патрон, который мог оказаться в этой комнате. Быстро переменяя место, он сейчас же выстрелил в левую сторону лица почти в упор и моментально исчез из комнаты. Обливаясь кровью, я вскочил с дивана и тотчас же запер дверь на крючок, предполагая, что он может вернуться добивать меня. Деньги остались на диване, кроме последней пачки, кот[орую] я продолжал сжимать в руке. Я слышал крики и визг убиваемой горничной, потом все стихло. У меня была только одна мысль: я могу истечь кровью, могу упасть в пустой квартире, и никто не придет помочь мне. Тогда я взял линейку, разбил ею 2 оконных стекла (окно не было выставлено с зимы) и начал кричать во двор о помощи. Прибежало несколько студентов [под окно. — К.М.], я выбежал в другую комнату, схватил полотенце зажал рану на щеке, оставивши затылочную без всякого внимания и выскочил во двор, прося о помощи. Побывал в гистологическом институте, рассчитывая найти там врача, видел много удивленных студентов и студенток, не соображавших, чем они могут мне помочь. Откуда-то появились подозрительная вата и стакан с какою-то жидкостью, но я благоразумно уклонился от помощи в такой обстановке, побежал в другой двор в правление, отыскал экзекутора, сел вместе с ним в стоявший тут шарабан

подрядчика, и мы поехали в лечебницу. Первая лечебница недалеко от ун[иверсите]та оказалась закрытой. Тогда я сообразил, что на Пречист[енском] бульваре в центр[альном] упр[авлении] охоты работает хирург Бакунин, лечебница которого неподалеку на Остоженке. У подъезда центр[ального] упр[авления] охоты мне пришлось, вызывая удивление прохожих, одной рукой зажимать рану, другой держать возжи, т.к. экзекутор побежал искать Бакунина. Обе раны оказались стерильными. По рассказам очевидцев и по данным следствия, Плавильщиков по совершении преступления, упорно не сознавался в нем, сочинил фантаст[ический] рассказ о несуществующем анархисте, кот[орый] был вместе с ним и, лишь благодаря искусному допросу следователя, сознался и указал спрятанный им в музее револьвер. Прислуга моя жива, но очень опасна, т.к. ее раны гнойные с высокой t°" (письмо Г.А. Кожевникова А.П. Семенову-Тянь-Шанскому от 16 сент. 1920 г., СПб отд-е Архива РАН, ф.722, оп.2, ед.хр.498, л.331-335). «Все поведение Плавильщикова было настолько странно и настолько его поступок не был ничем обусловлен..., что в Чека очень скоро догадались прибегнуть к медицинской экспертизе. ...Был констатирован типичный острый припадок шизофрении. Плавильщикова препроводили в психиатрическую лечебницу, из которой он через какое-то время вышел. Но, конечно, продолжать работу в музее он уже не мог» (Кузин, 1999, с.57).

[http://molbiol.ru/wiki/\(%D0%B7%D0%BC%D0%BC%D1%83\)_1917-1931](http://molbiol.ru/wiki/(%D0%B7%D0%BC%D0%BC%D1%83)_1917-1931)

О Верховском:

В 1897 году от Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиб) начали строить южную ветку к русскому Приморью. Потянули ее не вдоль дуги русскокитайской границы, а по договору с Китаем напрямую по территории Маньчжурии. В историю она вошла как КВЖД. Китайско-Восточная железная дорога способствовала быстрому экономическому развитию прежде отсталого региона. Но ее история не раз сопровождалась трагическими для России событиями. В Китае конца XIX века зрел бунт. Страну разоряли европейцы, американцы и японцы, безраздельно пользовавшиеся ресурсами страны. Очень раздражали китайцев многочисленные миссионеры, чья религия шла вразрез с местными верованиями. Ко всему в начале 1890_х годов на страну обрушились засуха и эпидемия холеры. И суеверные китайцы считали, что болезнь на них насылают «заморские дьяволы», как они называли иностранцев-христиан. В 1898 году началось движение ихэтуаней (многие повстанцы занимались боевыми искусствами, почему и были прозваны англичанами «боксерами»). Гнев восставших был направлен на иностранцев, в которых они видели главную причину своих несчастий. Заодно недовольство китайцев обрушилось и на русских, приехавших строить КВЖД: путейцев, телеграфистов, железнодорожных рабочих и военных. Истязали и китайцев-христиан. Правда, сначала им предлагали отречься от Христа. Твердо стоящим в вере вспарывали животы, отрубали головы, трупы рубили на куски... С 1902 года Русская православная церковь начала отмечать 24 июня память 222 православных китайских мучеников. Борис Верховский окончил Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге. Затем работал на постройке участка Павелец — Москва Рязанско-Уральской железной дороги. Весной 1899 года молодой инженер прибыл на строительство КВЖД, попав в самый разгар восстания. 23 июня китайцы атаковали все русские посты вдоль железной дороги. В ночь на 24 июня служащие и стражники железной дороги начали отступление из Мукдена. Отряд, в котором шел Борис Верховский, начал с боями пробиваться на юг. Они рассчитывали на помощь русского отряда в Ляояне. Однако когда Верховский с товарищами пробрался сквозь китайские посты к железнодорожным зданиям, то увидел там только обезглавленные и изуродованные трупы русских. Помощи ждать было больше неоткуда... Небольшая группа с инженером Верховским решила отделиться от отряда и пробиваться самостоятельно, но это им не удалось. Бориса Верховского с товарищами схватили и казнили в Мукдене. После казни его голову вывесили в клетке на стене Ляояна. После подавления восстания останки замученных и казненных служащих дороги и стражников с почестями предали земле. В августе 1901 года останки Бориса Верховского по просьбе его матери перезахоронили в Москве на Пятницком кладбище. На опознание ездил его родной брат Глеб. Захоронили останки 23 августа (по н.ст.) 1901 года. — Имя Бориса Верховского было занесено на мемориальную доску Института инженеров путей сообщения в Петербурге, но до наших дней она не сохранилась, — продолжает Петр Захаров. — Поэтому, на территории России единственным памятником кровавых событий 1900 года в Китае остается надгробие на Пятницком кладбище. На самом деле, ихэтуани были даосами (точнее — радикальными даосами, для которых практика была важнее созерцания). Классический даосизм отличается от классического буддизма довольно сильно. Для буддиста главное — как можно быстрее освободиться от всех привязанностей в этом мире, подавить в себе все желания и достигнуть нирваны — состояния бессознательной

умиротворенности. Даосы, напротив, очень ценили жизнь и всегда занимались поисками эликсира бессмертия. Жизнь на небе от жизни на земле для них отличалась только тем, что боги и духи обладают большими способностями по сравнению с людьми. Даосы чтили не Будду, а Юй-ди — Яшмового государя всех 36 Небес, повелителя трех миров, «заведующего» министерствами (так это и называлось) грома, дождя и моровых поветрий. За ним шел бог войны Гуань-ди. Он беспощадно карал всех, кто нарушал законы Поднебесной. Из-за того, что он постоянно пребывал в гневе на многочисленных преступников, лицо у него было ярко красным. Скорее всего именно поэтому ихэтуани носили красные повязки. За Гуань-ди шел бесчисленный список святых и духов, с которыми даосы всегда могли найти общий язык при помощи заклинаний.

А. Монастырский
Между Грановским и Достоевским
Об акции "130"

Ввести в акцию фонограмму-заместитель меня заставил страх. С утра за день до акции я закачал в плеер фонограмму с письмом Кожевникова 20 года, где он описывает историю с Плавильщиковым, послушал ее начало и впал в ужас — настолько подробно он описывает случившееся со стрельбой, раной и т.д., именно как, видимо, он привык описывать во всех подробностях строение насекомых. Я даже решил, что акцию делать не будем как неудачную по замыслу и сюжету. Но вскоре придумал формальный ход с фонограммой-заместителем, которая построена на самоописании без нарративов, и все встало на свои «дальние» места: психопатический сюжет со стрельбой отъехал в моем сознании куда-то к горизонту и перестал пугать и вызывать отвращение. Да и вообще в свете этой фонограммы все смыслы акции — общественно-политические, топографические и т.д. потеряли для меня актуальное значение. Путешествие от могилы либерала Грановского (прототипа старшего Верховенского в романе Достоевского «Бесы») до памятника автору этого романа и консерватору Достоевскому превратилось в путешествие по семантическому лесу, в котором были «найжены»: две надгробные стелы — Грановскому («Верховенскому») — красная, и Верховскому — черная, с головой самого Верховского, привезенной из Китая в 1901 году, скелеты животных, два энтомолога, причем в сюжете, как будто взятом из романа Достоевского, большевики и памятник Достоевскому. Такое вот смысловое нагромождение в беспросветном лесу русской части палестинского канона. Формалистическая фонограмма-заместитель, прослушанная Захаровом в музее, представляется мне чистой, большой поляной в этом темном и непролазном лесу, стоя на которой можно увидеть небо над головой.

Надо сказать, на Пятницком кладбище «древнеегипетская», высокая стела Грановского производит очень хорошее, светлое впечатление. Причем она расположена в ограде, где похоронены Щепкины (включая актера), два декабриста (Раич, учитель Тютчева) и другие деятели культуры 19 века, в основном. При первом посещении этого места на кладбище у меня возникло такое «видение» как бы (как фантазия), что вот эти все десятки тысяч «бытовых» могил вокруг этих культурных могил 19 века — это как бы такое «море тьмы» реальных людей, в подавляющей массе неизвестных, имена, погруженные в неизвестность, и вот они родились, жили, учились, работали, ругались, болели и умерли — все это реальные жизни. И как будто там какой-то мучительный процесс

жизни еще не завершен, в этих могилах, в этом «океане тьмы», он продолжается, какие-то перерождения и т.д., а вот этот островок культуры с Грановским в центре, со стелой – это не реальное, как будто там реальных могил и людей в них – нет, это просто такие памятники для туристов, такое облегченное что-то, беспроблемное, завершенное как культура, а не реальность, не жизнь. Но это, конечно, такое «настроенческое видение», не имеющее отношения к действительному положению дел. Возможно, это чувство «освобожденности» культурных могил возникло у меня еще и из-за того, что они – люди 19 века, уже полностью истлели их останки, да и родственников уже, может, и нет и поэтому их смерть давно уже не переживается как актуальная, «живая». Кроме того, и памятники «культурных» очень отличаются от типовых черных плит «бытовых» могил вокруг.

Сфотографировать Вадика с треугольником 130 у могилы Верховского мы не смогли потому, что там рядом на соседней могиле производилась ее очистка довольно грубыми и скандалистами на вид (как нам показалось) мужиком и бабой. Мы просто прошли мимо стелы Верховского и стали гулять по кладбищу в надежде, что эти скоро уйдут, но они долго не уходили и мы решили упустить эпизод с Верховским из сюжета акции. Так что никакого выхода из палестинского канона в дальневосточный через эту историю с головой Верховского и китайскими боксерами-даосами на уровне события акции практически не произошло, но на уровне документации (там же, где находится и фонограмма-оригинал с энтомологами) он существует – текст об этом происшествии с головой и фото стелы Верховского. И вот эти два трагических и кровавых эпизода в духе Достоевского, два эпизода хоррора – стрельба одного энтомолога в голову другому и отрубленная голова инженера путей сообщения, не попали на актуально-событийный горизонт акции, а промелькнули документационным фоном среди камней и костей, из которых была построена пространственно-временная сюжетика акционной событийности.

История с энтомологами произошла в 1920 году в той квартире, в которую можно было попасть, пройдя через костный зал зоомузея, где во время акции Захаровым прослушивалась фонограмма-заместитель. Сохранилась дверь, которая вела из этого зала в квартиру Кожевникова.

И в этом же, 1920 году, Шереметевская улица, начинающаяся прямо от здания зоомузея, была переименована в улицу Грановского и оставалась таковой до 1993 года. То есть все эти главные большевики, чьи мемориальные доски задействованы в сюжете акции, жили и умирали именно на улице Грановского, в пятом доме Советов. Когда Троцкого изгнали из Кремля и до его отъезда из Москвы, он тоже жил в этом доме. Жил там и Н. С. Хрущев, но почему-то его мемориальной доски на доме нет. Удивительно, что практически все большевистские маршалы, военное начальство жило в этом доме: Фрунзе, Буденный, Ворошилов, Тимошенко и т.д.

Для пластики акции важна интенсивная кучность скелетов в костном зале зоомузея и такая же кучность большевистского начальства в соседнем с зоомузеем доме на Грановского – как кучность проживания их самих в свое время, так и кучность мемориальных досок в их честь – 19 штук на одном доме!

28.4.2012.

131 (Перемещение-4)

Железная черепаха, установленная в 2005 году на поляне акции «Библиотека» (97) была вырыта из земли, перенесена примерно на 500 метров на юг по лесу и вбита на штыре в землю на «Просеке Хайдеггера» (см. акцию «Лозунг-2003») между деревьями, на которых затем были повешены два портрета астронавтов (50x60 см в рамках под стеклом): слева – портрет Ульфа Дитриха Мёрбольда (по общему списку астронавтов - № 131), справа – портрет Джеймса Крейга Адамсона (по американскому списку астронавтов - № 131). Перед уходом участников акции с места действия портреты были закрыты фиолетовой тканью с этикетками: take one – на левом портрете, take two – на правом. В конце акции участникам была роздана фактография, представляющая собой заламинированный отпечаток 13 x 18 см двух фреймов заключительного эпизода фильма Дж. Форда «Могамбо» (два момента отплывающей от берега лодки).

Моск. область, лес рядом с Киевогорским полем
30.8.2012.

А. Монастырский, С. Хэнсен, Н. Панитков, М. Сумнина, Д. Новгородова, А. Чернозатонская, М. Лейкин, Ю. Овчинникова, А. Кузькин.

131 (translation-4)

The metal tortoise installed in 2005 on the clearing from the action *The Library* (of 1997) was dug up, moved through the forest approximately 500 meters to the south, and driven into the ground on its spike. It was installed in “Heidegger’s Clearing” (see the action *Slogan-2003*) between some trees on which were then

hung two portraits of astronauts (50 x 60 cm in glazed frames): to the left, a portrait of Ulf Dietrich Merbold (#131 on the list of all astronauts), and to the right, a portrait of James Craig Adamson (#131 on the list of all American astronauts). Before leaving the place of action, the participants wrapped the portraits in violet fabric and added the labels: “take one,” on the left portrait; and “take two” on the right. At the end of the action, the participants were given factography in the form of laminated print-outs sized 13 x 18 cm each of two frames from the concluding episode of the John Ford movie *Mogambo* (two views of a ship leaving the shore).

Moscow Region, the forest near the Kievogorsky Field
8.30, 2012.

A. Monastyrski, S. Hänsen, N. Panitkov, M. Sumnina, D. Novgorodova, A. Chernozatonskaya, M. Leykin, Yu. Ovchinnikova, A. Kuzkin.

А. Монастырский
БУРЯ В ЛЕСУ
(об акции КД «131»)

Еще в прошлом году я обратил внимание, что в лесу вокруг красной намотки моего объекта «Путешествие на запад» как-то ненормально много поваленных деревьев, в то время как в другой части леса никаких таких завалов не наблюдается. А в этот раз, когда мы приехали делать акцию «131» и сначала подошли к этому объекту, я увидел, что поваленных деревьев стало еще раза в два больше, как будто время от времени в этом месте проходит *буря в лесу* и валит деревья. Можно подумать, что в пространстве аллюзий этого объекта происходят какие-то битвы духов, персонажей романа У Чен Эня «Путешествие на запад»: Сунь У Кун пытается спасти своего наставника Танского монаха (= Веллес в нашем случае, *Egon Joseph Wellesz*) из пещеры оборотней и ведет с ними битву у входа в эту пещеру. Отсюда и поваленные деревья вокруг.

Если в романе эта сцена может занимать 5 минут, то в реальности нашей акции она длится вот уже 5 лет (объект был повешен на дерево в 2008 году). Как говорится, за то время, как на горе Пэнлай остынет чашка чая, на земле успеет согнуть рукоятка топора.

Сюжет акции «131» наверняка был мотивирован желанием переместить железную черепаху предыдущих акций с полянки «Библиотеки», с этого беспокойного и ставшего мрачным места, на более светлое и приятное место на «просеке

Хайдеггера», тоже там рядом в лесу у поля, метров на 500 южнее. Что мы и сделали в акции «131». (Черепаша эта, стоявшая там с 2005 года, также мыслилась в том числе и аллюзией на персонаж из того же китайского романа «Путешествие на запад», главы 96 – 99).

Портреты астронавтов в этой акции можно рассматривать как своего рода «ворота масштабирования» пространства, расстояния: в астрономическом контексте эти 500 метров перемещения черепахи на юг могут рассматриваться как, например, 500 световых лет. Другие масштабы и времени, и пространства, их «искажения» контекстами акций, возможно, и есть предмет изображения акции «131».

Сразу после акции на краю поля мы нашли странный объект: на высокой металлической пружинистой ножке металлический же набалдашник в виде согнутой пластины, который интересно было раскачивать из стороны в сторону (смотри видео <http://www.youtube.com/watch?v=3PFk3dzDo7g>). В каком-то смысле этот странный объект – увеличенный вариант нашей металлической черепахи: тоже на ножке-штыре металлическая пластина в форме черепахи). Можно сказать, что все это - как бы фрагменты Большого сюжета КД, начиная с 76 года (37 лет), который имеет свою протяженность, свои масштабы и свое смысловое звучание:

*Смыслы должны звучать,
значение их всегда ничтожно
и приводит в тупик.
Надо это понять
со временем.*

То есть со смотровой площадки каждой отдельной конкретной акции мы можем увидеть только какие-то куски, фрагменты этого Большого сюжета, понять который, конечно же, невозможно в рамках масштабов отдельной акции.

(Астронавты, их портреты, появились в этом Большом сюжете КД раньше, чем на акции «131». Сначала в середине июня 2012 г. в контексте сайта Летова среди материалов некоторых акций КД были размещены портреты астронавтов со ссылками об их полетах на википедию: акция «Юпитер» - шатл **STS-51-D** 12-19 апреля 1985 года (акция Юпитер – 13 апреля 1985 года); портрет астронавта Джозефа Персивала Аллена 4-ого с порядковым номером 113 в общем списке астронавтов-космонавтов - среди материалов акции № 113 «Пересечение-2», и т.п.).

14.10.2012.

Андрей Кузькин.

кд. 131. Рассказ зрителя.

Об акции рассказала Маша Сумнина, и так получилось, что меня позвали.

Я первый раз присутствовал на акции КД. Где-то год назад Маша тоже звала меня, но я в день акции стал рисовать одну картинку, и так увлекся, что обо всем забыл.

Я приехал на место на машине вместе с Мишей и Машей. Уже потом отметил, что по дороге обратил внимание на номер, то ли на доме, то ли еще где-то - "31" и стал думать о его значении, пробовал проанализировать его по своей системе ТЭВЧ (Теория Эмоционального Восприятия Чисел) Но ничего особо интересного не получалось и я бросил. В моей системе "3" это материя, типа "трения" у Хлебникова, а 1 это "я" то есть "эго", получается какое-то "трение эго", где трение, то есть "материя" превалирует, что-ли. По дороге встретили подругу Маши, Шуру, она тоже поехала с нами. Маша была слегка рассредоточена. Пока ждали Шуру на стоянке у шоссе, машина произвольно покатила и чуть не врезалась в забор, затем в одном месте проехали на красный свет.

Получается, что я как будто жалуясь, но я просто отмечаю какие-то вещи.

Приехали на место.

Вылез.

Первое и пожалуй самое сильное впечатление - запах леса в начале осени и приятный солнечный свет. В детстве я с дедом много времени проводил в лесу загородом, да и сейчас люблю лесные прогулки... Лес тут смешанный, классическая картина, вдоль поля березы, а глубже всё подряд - елки, осины, ольха...

Закурил - сразу запаха не стало.

Народ толпился у машин, вытаскивали необходимые вещи, мешки с едой и тд.

Мне поручили нести две картины в рамках под стеклом. Они были повернуты лицом друг к другу и подглядывать я не стал, хоть и было немного любопытно. Хочу отметить, что нести их было очень удобно, потому что к ним были прибиты две петельки из сиреневого шнура. Панитков, которого мне почему-то все время хочется назвать Ромашкой, (хотя я знаю, что это Панитков, правда, как выглядит Ромашко, не помню), видимо, потому, что он высокий и напоминает этот цветок, на протяжении всей акции был занят сбором грибов и нашел их довольно много и, в основном, белые. Мне тоже хотелось поискать грибы, но я стеснялся.

В общем, мы отошли от поля в лес метров на 100-200 по тропинке, а затем свернули в чащу. /подумал, что любой рассказ идеализирует ситуацию, хочется писать "как же хорошо там было", да и читатель ждет примерно этого. Видимо, это устройство нашего сознания - идеализировать прошлое - сохранять самое хорошее, вытирать плохое или никакое. Так, например, практически весь школьный период моей жизни почти напрочь стерт из памяти/. Конечно, основной вопрос, нужно ли пытаться быть объективным в рассказе, и возможно ли это? Хочу просто сказать, что ничего такого идеального в этом не было на самом деле. То есть всё было "ну так", как всегда, немного то, немного это...

Значит, мы вошли в чащу. По дороге Монастырский втыкал в некоторые деревья разноцветные кнопки с пластиковой головкой - делал метки.

В небольшой ямке между елок нашли ржавую черепаху, которую воткнули сюда в 2005-ом году, а в 1997-ом где-то тут была зарыта библиотека КД. В этот раз черепаху нужно вырыть и перенести в другое место. Такова задумка автора.

Прежде, чем начать отрывать штырь с черепахой, решили посмотреть на красную намотку на одном из деревьев, оставшуюся от предыдущей акции. Вокруг этого места страшный бурелом, приходится перешагивать и перелезать через поваленные деревья. Монастырский говорит, что в прошлый раз этого не было, хотя кажется, что деревья упали давно, они подгнившие и местами во мху.

Красная намотка приоткрыта, под ней портрет в рамке 15x20 под стеклом (стекло разбито), какого-то композитора, соратника Шенберга, фамилию забыл (Веллес – прим. АМ), с подписью про то, что "они зажали меня в каком-то зассаном углу..." В общем атмосфера довольно жуткая. Монастырский говорит, что портрет не взяли, потому что подумали, что тут была какая-то этническая разборка, и может кого-то убили... В общем перед глазами такая стоит живопись, по цветам типа Грюневальда - черное зеленое красное, вихрь из поваленных гнилых деревьев во мху, а посередине кроваво красное пятно с портретом внутри и текстом про какое-то насилие. Что-то романтично-барочно-театральное. Оперы еще какие-то вспоминаются.

Возвращаемся к черепахе. Начинаем рыть. Лопата, которой роем, 1916 года выпуска, на ней выбит этот год, саперная, по всей видимости немецкая. Миша говорит, что ее принес его дедушка после войны (первая мировая? или вторая? Когда рыл, думал всё время что "первая", а теперь засомневался, "первая" это же 14-год). Сначала роют девушки, потом берусь я. Сначала рою с интересом, потому что думаю, что под штырем зарыты книги. Потом Монастырский говорит, что это только знак, а книги где-то вокруг, и отрывать их не надо. Интерес сразу ослабевает. Отдаю опять лопату Машке, она все время говорит "дай покапать". Маша с Шурой роют. Штырь никак не выдергивается. Черепаху уже сняли, она оказалась вставлена на более тонкой и короткой ножке внутрь металлического квадратного профиля, который уже вбит в землю основательно. Монастырский начинает рассуждать, что он такого не помнит, что штырь с черепахой был цельный, что это кто-то здесь все поменял. Предполагает совершенно фантастическую версию, что это местные школьники - пионеры (почему пионеры?), найдя случайно это место, испытали мистический трепет и решили улучшить конструкцию черепахи, чтобы она дольше тут проторчала. Отрывается какой-то кусок фольги и осколки, что-то про них вспоминают, что, да, их клали, еще кто-то руку порезал. Наконец штырь выдергивается. От него посередине круглой ямы сантиметров в 40 глубиной остается аккуратная квадратная дырочка. В дырочку вставляется короткий кусок алюминиевой трубки, который тоже был обнаружен в процессе раскопок. Нас с Мишей фотографируют в героических позах со штырем и лопатой.

Ромашка-Панитков все это время ищет грибы на опушке леса.

Начинаем перенос черепахи на юг. Монастырский идет впереди и несет черепаху и штырь, я несу по-прежнему картины. В какой-то момент Монастырский предлагает понести мне штырь, я соглашаюсь. Недолго несу штырь, но он холодный, ржавый и грязный и нести его неприятно, могильный холод какой-то от него исходит, семь лет в земле проторчал все-таки и я предлагаю понести его Маше. Маша соглашается. И скептически говорит что "я отказываюсь нести штырь КД". Я ничего не отвечаю.

Идем дальше. Сначала двигаемся по грунтовой дороге вглубь леса, затем сворачиваем без дороги направо в лес. Двигаемся по лесу. Народ растягивается. Панитков отстает больше всех их из-за поиска грибов. Минут через 15 - 20 выходим на просеку, точнее вырубку под ЛЭПом (по Монастырскому "аллея Хайдеггера"), перелезаем через канаву и оказываемся на месте.

Это сухой (в других местах здесь довольно сыро) пригорок, на котором растут две большие березы метрах в трех друг от друга. Тут светло и приятно. Ждем, когда

подтянется весь народ. Монастырский призывает Паниткова отвлечься от сбора грибов.

Между березами, ровно посередине, Панитков вбивает штырь, в который вставляется черепаха. Идут рассуждения, достаточно ли хорошо он вбит, на достаточную ли глубину, не возможно ли его выдернуть. После в березы вворачиваются два крючка на уровне поднятой руки, правда, уровень поднятой руки Монастырского и Паниткова разительно отличается, и это мешает по началу выверить одинаковое расстояние от земли. Выбирается уровень поднятой руки Монастырского. С удивлением обращаю внимание, что Монастырский, пытаясь вбить крючок в березу, начинает бить острой стороной молотка (неужели никогда раньше ничего не прибывал?) Все говорят о том, чтобы он перевернул молоток.

На крючки за петельки из сиреневых шнурков вешаются картины, которые я нес. Это оказываются два цветных фотопортрета космонавтов, один немец и один американец. Монастырский сообщает, что это 131 акция КД, и что немец - это 131 космонавт из общего списка космонавтов планеты земля, а американец - 131 космонавт из американского списка космонавтов. В России космонавтов меньше, чем 131, (на тот момент 113 – прим. АМ), поэтому русских тут нет.

Все выстраиваются между берез, под космонавтами и фотографируются. После портреты снимаются и Маша аккуратно заворачивает каждый портрет в сиреневую материю, скрепляя ее модными английскими булавками с пластиковой белой застежкой.

Все предыдущее действие с развеской портретов меня как-то не трогало, однако это заворачивание, стало навевать опять какие-то могильно-погребальные ассоциации. Спеленывание. То есть я мысленно попрощался с этими веселыми улыбающимися парнями на портретах, подумал, что я больше никогда их не увижу. Я испытывал тоже, что испытываешь на похоронах, стоя перед гробом, который вот-вот опустят в землю.

Миша тут же сказал о каких-то подобных ассоциациях, что будто бы они тут умерли, и я порадовался тому, что не одинок в своих чувствованиях. Монастырский же сказал, что они тут упали с неба.

После портреты уже в запеленутом виде были повешены на прежние места. Все опять сфотографировались под ними.

После достали еду и стали есть и выпивать. Все расслабились. Пили дорогой вкусный коньяк, ели бутерброды с сыром и колбасой. Где-то посередине пикника Монастырский вспомнил, что забыли повесить этикетки на портреты, что и было сделано. Вниз каждого портрета приклеили бирки с надписью "TAKE ONE" и "TAKE TWO" соответственно. Монастырский объяснил, что это обращение к случайному зрителю. Что, так как портреты все равно заберут, то пусть знают, что брать можно. Он был явно доволен. Много фотографировался. А потом позвонил Макаревичу и Елагиной в Германию (в Черногорию – прим. АМ) и сообщил в двух словах о том, что тут происходит.

Коньяк быстро выпили, и Монастырский стал всем предлагать пиво, но после коньяка пиво никто не хотел. Мне тоже не очень хотелось пиво, но коньяка было мало и я согласился. Закончив с едой и выпивкой, все двинулись в обратный путь. Миша стал всех спрашивать, что бы они делали, если бы здесь вдруг появилась цепь немцев с собаками. Имело бы смысл лезть на дерево или прятаться в кустах? Я сказал, что я бы просто побежал, добежал бы до деревни и спрятался в доме или сарае. Мы довольно быстро вышли на поле и пошли полем. Тем временем солнце скрылось за тучи и подул сильный ветер, стало прохладно. Монастырский с компанией своих друзей сели в машину и уехали. Мы же с Мишей, Машей и Шурой

остались. Я хотел, пользуясь случаем, отснять еще один сюжет для своего фильма "Явление природы или 99 пейзажей с деревом", но это уже другая история. На обратном пути в Москву мы остановились у придорожного кафе, где вся компания Монастырского дружно выпивала и закусывала. Там нам была вручена факторграфия акции. Это была двусторонняя заламинированная карточка с кадром из какого-то фильма, название забыл. На переднем плане этого кадра на нас идет человек вдоль берега моря, за ним же видна большая лодка, стоящая у берега. Наверное, она собирается отплыть. Вся лодка заполнена какими-то аборигенами. По бокам карточки с помощью иголки выдавлено КД 131.

Снятие красной намотки

По глубокому снегу зрители и организаторы акции были приведены в лес к объекту «Красная намотка» акции АМ «Путешествие на запад» (она была сделана в 2008 году в рамках группы «Капитон»). Вытоптав снег перед объектом, по краям площадки организаторы установили колонки портативных плееров: колонки «синий ангел», «заяц» и «робот» - на снегу на небольших картонных коробках, четвертый плеер DE1125 – на дереве над «Красной намоткой». Все четыре плеера воспроизводили одну и ту же фонограмму (время звучания - 1 час 13 секунд), составленную из двух тем видеоигры 1990 года *Zelda (Link)* композитора Кодзи Кондо: несколько раз повторенная «Дворцовая тема», затем на 29 минуте 19 секунде – один раз «Тема Верхнего мира» и потом опять несколько раз «Дворцовая тема».

Метрах в 10 от этой основной полянки места действия был инсталлирован «филиал» акции. На четырех коробках на снегу были установлены: колонка еще одного плеера с фонограммой из документального фильма «Долина дзогчен» (фрагмент службы в монастыре), видеорегистратор, направленный на стоящие перед ним статуэтки Мао Дзе Дуна (из белого гипса) и сидящего на троне неизвестного древнекитайского полководца с двумя топорами (покрашенный черной краской гипс с золотыми блестками). Сначала предполагалось, что это или Сунь У Кун из «Путешествия на запад», или Ли Куй из «Речных заводов», но скорее всего это просто какой-то собирательный образ полководца.

После того, как началось воспроизведение фонограмм из 5 колонок, на расставленном в снегу этюднике недалеко от «красной намотки» был устроен стол с коньяком и закусками.

Когда фонограммы закончились, «красная намотка» была раскручена и снята с дерева, сама лента разрезана на куски и разложена по коробкам, на которых стояли колонки и объекты акции, и в качестве дополнительной фактографии эти коробки были розданы зрителям (портрет с Веллесом достался Ю. Альберту). Основная фактография, розданная зрителям и состоящая из ламинатов фотографий трех размеров – А3, А4 и А5 – представляла собой коллажи из разных документальных фотографий, связанных с этим местом акций КД и нескольких буддийских изображений (в каждую фотографию были вколлажированы изображения часов и линейки в качестве темы «измерения времени и пространства»).

Моск. обл, лес рядом с Киевогорским полем

21 марта 2013 года

А. Монастырский, Н. Панитков, С. Хэнсен

Зрители-участники акции: М. Сумнина, Д. Новгородова (фото), Ю. Овчинникова (видео), С. Загний, М. Бувайло (Buvailo), Г. Титов, И. Корина, А. Кузькин, Ю. Альберт, С. Ситар, О. Саркисян, И. Нахова, Д. Володин, Т. Пёникер, А. Буренкин, А. Забродин.

"филиал"

"снятие"

"вой над коробками"

The Removal of the Red Binding

The viewers and organizers were led through deep snow into the forest to the object "The Red Binding" from AM's action Journey to the West (carried out in 2008 within the group Kapiton). Having tramped down the snow around the object, the organizers set up portable speakers around the perimeter of the clearing. The speakers, in the form of "the blue angel," "the rabbit," and "the robot," were set up on small cardboard boxes in the snow, and a fourth player, a DE1125, was placed in the tree above the "Red Binding." All four music players produced the same soundtrack (length of recording: 1 hour and 13 seconds), composed of two themes from the 1990 computer game Zelda (Link) by the composer Koji Kondo: "The Palace Theme," repeated several times, after that "The Overworld Theme" for 29 minutes and 19 seconds, and finally "The Palace Theme" several times again.

10 meters from this main clearing of the place of action was installed an "affiliated branch" of the action. The following items were set up on four boxes in the snow: the speaker to one more music player with the soundtrack from the documentary film The Valley of Dzogchen (a fragment of a service in a monastery), and a video recorder aimed at a statue of Mao Zedong (made out of white plaster) and an unknown ancient Chinese military commander holding two axes (of plaster painted with black paint and gold sequins) seated on a throne. At first, it was supposed that this was either Sun Wukong from the novel Journey to the West or Li Kui from Water Margins, but most likely, it is simply an aggregate image of a military commander.

After the soundtracks on the five speakers began, a painter's easel was set up in the snow and used as a table with cognac and snacks.

When the soundtracks concluded, the "red binding" was unwound and removed from the tree. The ribbon itself was cut into pieces and placed in the boxes that had been supporting the speakers and action objects, and these boxes were distributed to the audience as additional factography (the portrait of Wellesz went to Yu. Albert). The main factography, distributed to the audience and made up of laminated photographs of three sizes (A3, A4, and A5), consisted of collages of different documentary photographs related to this place of CA actions and several Buddhist images (each photograph had an image of a clock and rulers representing the theme of "measuring time and space" collaged into it).

Moscow Region, the forest near the Kievogorskoe Field
March 21, 2013

A. Monastyrski, N. Panitkov, S. Hänsgen

Viewer-participants in the action: M. Sumnina, D. Novgorodova (photo), Yu. Ovchinnikova (video), S. Zagny, M. Buvailo, G. Titov, I. Korina, A. Kuzkin, Yu. Albert, S. Sitar, O. Sarkisian, I. Nakhova, D. Volodin, T. Peniker, A. Burenkin, A. Zabrodin.

ZELDA *фонограмма*

А. Монастырский

Тема «Путешествия на запад» в «Поездках за город» КД

Об акции "Снятие красной намотки"

Когда мы перемещали черепаху в акции «131! (30.8.2012) и подошли посмотреть на «красную намотку» (см. фото «Буря в лесу»), мне стало окончательно ясно, что пора снимать этот объект. Но я долго не мог придумать форму этого снятия – просто ли снять и отдать кому-то в коллекцию (Г. Титову, например, или А. Рябовой для ее сайта «артистприватколлекшн»; в итоге портрет в рамке взял Альберт в свою коллекцию) или сделать это в виде акции КД. В итоге возник план акции, где содержанием было не показывание чего-то зрителям, а сам путь на акцию (преодоление снега), пикник с едой и выпивкой и просто снятие объекта с дерева как элементарное действие.

Фактографию я придумал после того, как написал в своем дневнике следующее:

27.1.2013.

... возникли рассуждения по поводу чисел и геометрии пространства-времени, которые нам даны через числа, причем пространство – линейка, отрезок прямой, а время – круглый циферблат часов (хотя понятно, что «большое время» истории тоже

дано как «линейка» годов из прошлого в будущее). Наглядность «вечности» времени в часах больше присутствует, чем наглядность «бесконечности» пространства в линейке. И момент движения (через стрелки часов) тоже привязан к времени, а не к пространству, в пространстве мы сами движемся по линейке, а время движется само по себе по кругу часов. Круг (время) и Прямая (пространство), и все это через числа, цифры и там, и там. То есть можно сказать, что именно через числа мы закоординированы в хронотопах, в пространстве-времени. Из-за того, что нас постоянно сопровождают числа на пути, они могут и определять направление нашего движения и дальше, в будущем, и в этом смысле «определять судьбу», предпочтения, избирательность. То есть дигитал действительно как стихия, пусть и вторичная (субъективно мы входим в мир без чисел, хотя объективно нас сразу вычисляют – наш вес, рост, когда и во сколько родились и т.д., и потом мы уже сами подключаемся к этому внешнему координированию, но внутренне мы всегда пребываем «без чисел», в вечности и бесконечности, в этом и есть один из аспектов нашей глубинной дочисловой природы будды: недигитальность).

Из этого рассуждения возникли коллажи для фактографии с часами и линейкой. Сначала я хотел их делать все размером А3 (такие большие ламинаты мы еще не делали в качестве фактографических подарков), но потом Сабина предложила сделать их трех размеров – А3, А4 и А5. Мне сделали ламинаты в печатном салоне «Оттиск» на Мясницкой.

Вскоре после этого у меня сбилась одна стелька в сапоге, я ее вынул – и вот что обнаружилось на ее внешней стороне:

(купил сапоги за 1300р 27 ноября прошлого года в обувном на Цандера над Пятерочкой)

Сапоги – китайские, и по И Цзину этот знак – 666 - обозначает триграмму «земля» - три шестерки – над быком, то есть как бы «земляной бык», каковым я и являюсь по китайскому календарю по рождению – 1949 год.

А по христианскому толкованию это вообще знак «антихриста» - жена на багровом звере, число которой 666.

Это можно проинтерпретировать так, что акция по снятию красной намотки иллюстрирует 61 главу «Путешествия на запад», где идет сражение за Танского монаха с «Князем с головой быка, который писал знаки киноварью».

В том эпизоде важным атрибутом силы у князя и его жены Лочи был веер. Я никак не мог сообразить (уже после акции, для вот этого рассказа), есть ли там, в акции, хоть намек на какой-нибудь веер, а потом вспомнил, что прежде, чем раздавать фактографию, я разложил ламинаты изнанкой вверх именно ВЕЕРОМ (как игральные карты), и так их раздавал. И потом уже отдельными листами – особенно большими А3 – зрители махали в воздухе (этим разобранным на части веером). Лоча (ЛЧ) представлена там Линейкой и Часами (ЛЧ) на фактографических листах, из которых и был составлен «ВЕЕР» (Лоча – мать Красного младенца, он же великий князь, Просвещенный младенец Ин, рожденный в пещере Огненных облаков, у горного потока Высохшей сосны, стекающего с горы Воплей – ранее побежденное Сунь У Куном существо). Вообще целиком этот эпизод в романе занимает три главы – 59,60 и 61.

Конечно, это все очень дальние и необязательные ассоциации, аллюзии и привязки к сюжету «Путешествия на запад». Но поскольку он был заложен в 2008 году, интересно выискивать его следы в реальной акции, которая совсем не строилась специально на этих деталях сюжета. Но механизм творческой избирательности при построении элементов сюжета акции так сработал, что их можно найти по типу аллитераций, как, например, в басне Крылова «Свинья под дубом»: ...Наелась желудей досыта, до отвала... - ела-....-елу-...-ала-.. . И так почти в каждой строчке этой басни. Вообще хорошие стихи обычно насыщены такими внутренними рифмофонетическими аллитерациями. В случае же нашей акции мы имеем дело со своего рода «атомарной» аллитерационно-семантической структурой сюжета (на уровне букв, например, как в случае с «лч»). Я считаю, что в документацию акции не лишним будет ввести файл с текстом всей главы № 61 из этого романа У Чен Эня.

В практике КД такое «заимствование» из старокитайских романов было и раньше, например, на уровне первого тома в акции «Картины» 1979 г удаление организаторов акции в поле от зрителей интерпретировалось на одном из конвертов как: «л) - Бао Юй возвращается на небо в сопровождении двух монахов» - сцена из романа Ши Най Аня «Сон в красном тереме».

Вообще несмотря на всю непохожесть и даже противоположность старых акций и этой, новой, – раньше у нас были огромные пустые поля, дали и перспективы, тут же - зажатость в маленьком пространстве (пещеры?) – даже побочные обстоятельства этой акции схожи с таковыми же 70-х годов. После акции я, как и в 79 году после «Места действия», заболел сильным бронхитом (и тогда, в 79, из-за этого не смог поехать на досъемку). Во время этой акции и сразу после нее мы (в основном я) страшно орали и «пели» - так обычно бывало и накануне акций в 70-е и 80-е: мы для подготовки приезжали на дачу НП накануне, там выпивали и пели, орали «дикие песни нашей родины».

На акции весь этот сюжет «битвы духов и оборотней» разыгрывался исключительно на аудиальном поле (сначала через фонограммы на плеерах, потом через импровизационные крики и завывания – мои в основном, но не только – в качестве «заклинаний» и «мантр»).

В игре Зельда сражения героя Линка сопровождаются той самой «дворцовой темой», которая в нашем случае воспроизводилась с 4-х плееров. Эта музыка героического звучания, она создавала своего рода звуковую мандалу с колонками-воротами по сторонам света, в которой и происходила «битва». Пятый плеер располагался немного в стороне от полянки, из него доносились звуки буддийской службы. Эту

фонограмму можно рассматривать на этой звуковой карте как звучание, рёв и голоса оборотней-монстров и воюющих с ними добрых духов – с одной стороны, с другой как духовный штиммунг вообще для всей этой ситуации битвы за Танского монаха (в роли которого выступал композитор и музыковед Эгон Веллес, точнее – его портрет на дереве под красной намоткой).

Фигурки Мао и черного полководца с двумя топорами на троне я купил у китайцев на ВДНХ. Сначала я был уверен, что полководец – это Сунь У Кун, потом из-за топоров – Ли Куй, но кто это на самом деле – неизвестно. Сочетание двух скульптурок из гипса – черной и белой – меня как-то сразу заворожило, когда я их увидел первый раз в витрине. Мне показался важным акцент некоторой «европейскости» по манере исполнения и в той, и в другой скульптуре, они даже напомнили маленькие модели могильных памятников именно на европейских (а не на китайских) кладбищах. Для меня в акции они носили чисто созерцательный характер, просто как две мифологические формы. С точки зрения литературного сюжета «битвы» их можно расценивать как своего рода «командный пункт», но вот чей командный пункт – злых оборотней или добрых духов – непонятно. В этом смысле необязательного соответствия здесь все мерцает и переливается (семантически).

Важно было дойти до места действия через глубокий снег в лесу. В этом смысле очень помог Дима Володин – он шел первый и прокладывал нам всем путь. Я купил 15 упаковок по 10 штук в каждой черных 100-литровых пакетов для мусора и несколько скотчей – синего и оранжевого (красного) цветов. И пластмассовые стаканчики для коньяка тоже были двух цветов – синие и красные. То есть и на цветовом уровне было как бы разделение зрителей и участников на две команды: «синюю» и «красную». Но кто «за кого» играл в этой литературной «битве» – совершенно непонятно. Никаких персонификаций не было, только абстрактные структуры на уровне звуков и цветов (в августе прошлого года я посмотрел фильм Кинг Ху 69-71 гг «Касание дзен», там один генерал-злодей в желтом использует в битве как оружие длинную красную ленту, которая сначала намотана у него на пояс – я еще тогда заметил, что лента очень похожа на нашу намотку; в конце он там кончает самоубийством – бросается со скалы).

Коробочки (10 штук: 2 золотых, 2 синих и 6 бордовых), на которых сначала стояли объекты акции (плееры, видеорегиистратор и 2 фигурки) – от металлических животных-шкатулок – белых медведей, жирафа, быка, попугая и т.д., в которые я помещаю карты `miscod` для своих работ на микро-тему «огромного в малом». После разрезания красной ленты в них были положены ее куски и розданы некоторым зрителям как дополнительная фактография. Они – пластически важный элемент акции и кроме того в литературно-мифологическом смысле их можно проинтерпретировать как «пустые ваханы» (мифологические ездовые животные для божеств):

Вахана зачастую является и символом [божества](#), чьим ездовым животным является ([Нанди](#), бык, вахана [Шивы](#), олицетворяет мощь и т. д.). Ваханы, кроме того, умножают силу своих повелителей ([Дурга](#) не смогла бы победить демона [Махисасуру](#) без помощи своего ваханы — льва Манаштхалы) и обозначают злые силы и [пороки](#), которыми повелевает или которые подавляет божество ([Сканда](#), чья вахана — [павлин](#), обладает властью над тщеславием).

Правда, в акции все было не на уровне символов, а на уровне технического оборудования и инструментов, что важно подчеркнуть для понимания другого («пустого» в смысле шуньи) аспекта акции.

Из выпивки на акции было 2 поллитровых бутылки армянского коньяка, бутылка дагестанского коньяка, фляжка коньяка Лезгинка, фляжка виски и бутылка ликера амаретто. За микроавтобус ford на 16 мест я заплатил 9000 рублей (чуть больше 200 евро на тот момент) - с 12 утра до пол-восьмого вечера.

Через день после акции, 23 числа, повесился Березовский в Лондоне, что неприятно «подлипло» к интерпретациям (поскольку действие было вокруг дерева березы – на ней была красная обмотка с Веллесом и первый плеер). Кавказская тема тоже была центральной как в подписи под портретом у нас, так и в деятельности Березовского конца 90-х начала 2000 годов, все как-то вокруг этого было накручено на уровне «современной истории России» (среди прочего). Когда НП снимает красную ленту (слышно на видеозаписи) он говорит: «вот и березу освободили» - и на дереве отчетливо видна белая веревочная петля, которой был примотан плеер над портретом. То есть возникла такая провиденческая синхронизация и связь между этими двумя событиями – березой 21 марта и «Березой» (кличка Березовского) 23 марта. Если посмотреть на совсем тонкие дигитальные нюансы гексаграмм И Цзина по отношению ко всей этой истории, то мы обнаружим связь между «береза» и «березовский» через 61 гексаграмму (номер главы «Путешествия на запад»), которая называется «Внутренняя правда». При перекодировании этих двух слов у нас возникают «ворота» 6-1: б – это графически цифра 6, а последняя буква в первом случае – А- № 1, а во втором случае – Й- №11, то есть и в том, и в другом случае написания мы получаем весь набор чисел в «воротах» числа 61 – береза – 6 6 18 6 3 1, березовский – 6 6 18 6 3 16 3 19 12 10 11.

Вообще любопытно, что Березовский повесился 23.03.2013. Эта дата для него была роковой, поскольку он повесился скорее всего на почве своего разорения. А в этой дате присутствует 5 раз(!) цифра 23 (гексаграмма № 23 в И Цзине называется «Разорение»): само число- 23,

потом "ворота" числа и месяца - 23.03 - тоже 23,

потом большие ворота всей даты по краям – 23,

ворота самого года -2013- 23,

наконец пятое 23 – обратное в середине даты из 03.20... .

В ранних акциях – когда был минимализм одного какого-то элементарного жеста (появление, удаление, вытягивание веревки, хождение и т.д.), когда сиял свет пустых полей и далей, свет молодости, такого рода «подлипаний» и синхронизаций не было – там были первичные миры: просто время, просто пространство (как стихии и созерцания). В последних же акциях это уже какие-то десятиричные уровни напластований текстов и интерпретаций: все, что угодно, можно привязать одно к другому и сотому в мусорной яме литературных символов и ассоциаций. Было ли вообще на этой акции что-то незнакомое? Скорее всего этим «незнакомым» был просто «концерт в зимнем лесу», выпивка, еда, сам путь по глубокому снегу туда и обратно и время нахождения в этом экзотическом для городского жителя месте.

1.4.2013.

М. Бувайло

Рассказ об акции «Снятие красной намотки»

21 марта 2013 – холодный снежный солнечный день – собирались у метро Алексеевская, усаживались в микроавтобус – всё происходило достаточно неспешно, долго ехали «незнаюкуда» по городу, МКАДу, за город, близ сидящие переговаривались вполголоса, почти без общих разговоров. Было в этом знакомое, смутная память чего-то недавнего грустного, тревожившая, но как-то не проявляющаяся во вне, не формирующаяся во что-то определённое.

Вот. Приехали на окраину заваленного снегом подмосковного селения.

Обулись в черные мешки и цветные изоляционные ленты – на снегу очень красиво, особенно, когда много ног сразу. И если мешок не волочить как кандалы, а обмотать плотно вокруг (каждой ноги в отдельности), используя ленты не только как красоту, но и как крепёжный материал, то удобно и полезно. Эстетически выдержанное применение хозяйственных предметов в полевых условиях.

Много яркого чистого снега опять напомнило мне что-то – ускользящее, не дающееся.

Дошли по дороге до опушки леса и по нетоптаным сугробам гуськом направились в лес.

Красную Намотку я увидела первой (по-видимому «мне сверху видно всё»), по крайней мере, первой громко всех оповестила, как истинно вперёдсмотрящий – прямо по курсу! Проваливаясь в сугробы, добрались до дерева. На берёзе (??? так запомнилось, да и на фотографиях ствол светлый) – прикрученный красной повязкой портрет. Композитор Веллес – один из младших Новой Венской Школы композиторов.

Как-то вдруг всё встало на место – (моё личное параллельное выстраивание) это кладбище. Фигурки, расставляемые устроителями акции, – надгробные памятники. А мы присутствуем на похоронах, или скорее поминках, причём это конечно не по Веллесу, (его портрет здесь играет роль знака, иконы, обвитой красным полотенцем) поминки по нематериальному нечто. Звучала, как и полагается, музыка. Не Веллеса. Поминки не бывают без стола – на разложенном мольберте накрыли стол, коньяк, закуски. Потеплело, заговорили громче, выпили ещё, получили памятные фотографии, выпили, музыка закончилась, – сигнал к отправлению. Возвращаясь через поселение вместе с местными собаками а carpella исполнили реквием, завершив таким образом акцию.

Месяца за полтора до «снятие красной повязки» я была на таком же заснеженном, на как бы протоптанном захоронениями, участке леса. На настоящем кладбище, настоящих похоронах. Хоронили молодого композитора. Ну да, так же усаживались в автобус, тихо переговаривались, долго ехали. Такие же сугробы, холодно, друзья пели, пока опускали гроб, прощались, засыпали могилу. Время поминок.

Д. Володин

Об акции "Снятие красной намотки"

Нижеизложенные размышления о недавнем посещении акции К.Д. были задокументированы в результате настоятельности А. Монастырского. О событии нельзя сказать так, как обычно говорится о чем то едином, целом, потому как единства никакого я не увидел. Все детали, начиная с микроавтобуса, лиц заочно знакомых участников, унылых городских и пригородных пейзажей какие мы можем увидеть самой ранней весной, до самих действий и объектов акции обретают иллюзию целостности только сейчас, спустя две недели после произошедших событий. Но это обман, никакого единства не было, всё плясало как заколки в невесомости (даже хуже), а если во время акции и возникали интерпретации подобные образам животных, которых некоторые люди любят узреть в плывущих тучах или облаках, то от них сразу хотелось откеститься чтобы не сводить сложность к пошлости прилюдных ассоциаций.

Я решил исключить фактографию из этого письма, тем более что большая ее часть не обрела смысловой нагрузки к моменту настоящего изложения, чему послужило и то, что я старался до момента написания не знакомиться с поступившими уже в мое распоряжение текстами других участников, а именно Кузькина и Монастырского. Таким образом, за невключённостью в смысловое поле акции, я постараюсь предоставить моему читателю соображения которые как мне кажется могли бы быть универсальны, и возникнуть в результате любой другой акции КД.

Вернемся к семиотике, к контексту, к языку которым сшиваются тома Поездок за город. Этот уровень имеет мало общего с тем что происходит на акции, и этот описательный язык вовсе не поверхностен, он не оппозиция содержанию, внутренней, скрытой истине акции, этот язык создает иллюзию связности, смысла, плотности. Как мне приходится понимать, описание акции и есть единственная спекулятивная истина, возникающая в результате фокусировки зрителя на декорации, при невозможности сфокусироваться на пустоте действия. К тому же во время пребывания на акции мгновенное осмысление, во всяком случае для меня, было невозможно, потому что все происходящее было расслоено на множество совершенно бессвязных зудящих феноменов, фактур, при чем значительная их часть индивидуальна, и не подлежит формализации. Эффект усиливается за счет того что акции происходят в семантически стерильных пространствах, гомогенных и не размеченных, где даже завывание ветра хочется как то истолковать. Я бы этот эффект назвал монастырским зудом, ведь в монастыре, как мне представляется, все подчинено гомогенизирующему канону, замкнутость монастырской жизни приводит монахов в состояние восторженной семиургии, когда те забираясь на монастырские стены, всматриваются в окружающий мир как в северное сияние, как в хаос смыслов и нашептываний.

После окончания акции монастырский зуд постепенно (подобно растворению хирургических ниток) сменяется зудом селянина, в клопочущий гогочущий сельский зуд, зуд характеризующийся пропиской в которой обретается место и расстановка, зуд расстановки всего по местам, в какой то мере зуд предъявления порядка смыслов. При этом существует значительный риск объяснения в логике «театр - это театр», снимающей несхватываемую сложность тавтологическим удвоением, мол акция - это акция, акция это знак акции.

Стоит ли при этом говорить что остается невозможной корреляция сельского и монастырского зуда методом возгонки, минуя промежуточный труд(зуд), в соответствии с законом невозможности обратного зондирования незондируемого.

С. Загний.

Об акции «Снятие красной намотки»¹

Приглашая, Андрей сказал мне, что будет пять колонок, и попросил, чтобы я во время акции установил правильный между ними звуковой баланс.

О предстоящей акции я думал на этот раз не как о художественном событии, но как о некотором приключении. Встретимся, поедем, пойдём по лесу. Возможно, будем идти долго, по глубокому снегу, преодолевая препятствия и завалы, с непривычки я страшно устану, взмокну и простужусь...

Встретились, много знакомых людей, всем очень рад, холодный ветер продувает насквозь. Приятно едем в микроавтобусе. Интересно, я продолжал воспринимать происходящее именно как приключение. Никаких мыслей «об искусстве», о том, что ждёт «что-то важное». (Пока ехали, придумал объект: маленькое, не больше миллиметра, красного цвета, невозможно различить, что; рядом закреплено сильное увеличительное стекло, если смотреть через него, виден лондонский двухэтажный автобус; объект и инсталляция в целом называются «Микроавтобус».)

По лесу идти оказалось легко и приятно, на ногах мешки, на небе солнышко (трудно, наверное, было тем, кто шёл впереди и протапывал дорогу в глубоком снегу, то и дело проваливаясь по плечи, но я шёл совсем не первым и очень этому радовался). Там, куда пришли, к дереву был привязан маленький портрет в рамке, как сказали, Веллеса, композитора, которого я совсем не знаю. Вскоре появились колонки со встроенными в них плеерами. Четыре играли одну и ту же музыку в духе компьютерных игр двадцатилетней давности, наивную и трогательную, пятая — что-то другое. Мои труды по выстраиванию звукового баланса ограничились тем, что я чуть уменьшил громкость одной из колонок, той, что была ближе других. Вдруг появились еда и питьё: апельсины, шоколадки, пирожки, бутылки с коньяком... Стало совсем хорошо. Пили, ели, разговаривали. Андрей раздал присутствующим картинку (мне досталась «Магическая звезда» — берёза, две линейки, часы в середине). Встав напротив Веллеса, Андрей стал петь что-то мантрообразное, а я неожиданно для себя стал ему подпевать.

Андрей в какой-то момент сказал мне: другие фонограммы длятся минут по сорок, а в эта, которая в ближайшем плеере, — час, и что акция закончится, когда все плееры перестанут играть. Все, кроме ближайшего, уже молчали. А когда я минут через 20 снова подошёл к нему, таймер показывал 5 минут с секундами от начала. То есть стало понятно, что включён автоповтор, что музыка пошла по-новой и сама по себе не закончится никогда. Следовательно, никогда не закончится и акция... Надо было что-то делать. Мне, по крайней мере, оставаться в зимнем лесу на ночь не хотелось совсем. Стараясь не привлекать ничьего внимания, я подошёл к плееру и, не выключая его, ручкой громкости постепенно увёл звук в тишину. Минут через 10 тишину услышали, и мы стали собираться обратно. У края леса, где мы снимали мешки с ног, снова возникло спонтанное пение (начала, кажется, Сабина). Но теперь пели все или почти все, а удивлённые собаки с безопасного расстояния внимательно смотрели на нас и слушали.

11 апреля 2013

---

¹ Текст написан по просьбе Андрея Монастырского. Акция происходила 21 марта 2013 года.

А. Кузькин.

Рассказ зрителя об акции А.М. «Снятие красной намотки»

Бренные вопли
монастырский огурец
оранжевые и голубые драконы
синие и красные стаканы
любовь и фекалии
сон.

Монастырский хотел сильно заранее знать поеду ли я.

Об акции мне было сообщено недели за три до события, Марией Сумниной, дочкой А.М., с которой я последнее время много общаюсь.

Я сразу согласился. Это была третья акция, на которую, меня позвали.

На первую акцию, я не пошел, поскольку так увлекся рисованием одной картинки, что обо всем забыл.

На вторую (131 акция из общего списка КД (про космонавтов)) я приехал, и был в целом очень доволен. Тогда это был для меня новый опыт, и я как губка впитывал новые впечатления.

Обычно я так за долго не планирую свои действия,
и еще за неделю,

в предыдущий четверг,

думал, что уже нужно ехать.

Оказалось, что это только через неделю...

За день до акции, вечером, мы с подругой (художник Оля Кройтор) зашли в продуктовую палатку у метро Нагатинская купить хлеба. Перед продуктовым отделом в этом магазине располагается отдел, где продают цветы и семена. Там Кройтор показала мне упаковку семян «Огурец Монастырский», которую мы купили, чтобы я смог подарить ее А.М. завтра. Хочу отметить, что О. Кройтор уже знала о существовании этого магазина, и о существовании в нем «Огурца Монастырского» т.к. где то полгода назад уже заходила туда греться. Она утверждает, что даже говорила мне об этом, и что мы тогда вместе смеялись, о чем я, впрочем, совершенно забыл. Сейчас, когда она показывала мне эту упаковку семян, я долго не понимал шутки и говорил – «ну и чего, «Огурец Монастырский», ну и чего?...» Кроме «Монастырского огурца» мы купили в магазине черный хлеб с семенами, что-то типа бородинского, но не совсем... Другого хлеба там не было, а за день до этого я ел бородинский хлеб в гостях у мамы, но настоящий, и он мне очень понравился. Кройтор сказала, что такой хлеб покупала ее бабушка, потому что считала, что он полезен для сердца и не давала его есть остальным членам семьи, говоря, что это «мой хлеб». Однажды Кройтор, будучи непослушным и любопытным ребенком, втихаря отрезала кусок этого хлеба и стала его есть, ожидая, видимо, какого-то удивительного вкуса, но он ей совершенно не понравился, и она, пожав плечами, про себя сказала « - ну и не нужен мне этот ваш хлеб».

На следующий день я поехал на акцию, положив упаковку с «Огурцом Монастырским» во внутренний карман куртки, который располагается слева на уровне сердца.

В метро я всю дорогу стоял рядом с человеком, который играл в компьютерную игру на ноутбуке и я невольно следил за развитием событий в его игре. Это была игра наподобие стратегий, но не с обширной картой действия, как обычно в таких играх, а довольно малым фрагментом, изображающим кусок плана некоего замка, с парой залов и переходами между ними. Задача играющего состояла в том, чтобы провести группы своих воинов мимо оранжевых и голубых огнедышащих драконов, которых там было целое множество. И игроку никак не удавалось это сделать. Группы воинов, человек по пять-шесть, которые он направлял то этим, то тем путем, гибли от струй огня, и все начиналось сначала. Причем сначала там были, только оранжевые драконы, а потом появились и голубые... Я даже подумал, что голубые драконы пришли на помощь воинам, и сейчас помогут им справиться с поставленной задачей, но потом увидел, что они как и оранжевые уничтожают воинов, пуская из себя искрящиеся серебристые шары.

Человек с ноутбуком стоял слева от выхода из вагона, справа же, ровно напротив него, стоял человек, который читал газету. Я обратил внимание на оригинальный заголовок газетной статьи – «Любовь и фекалии». Я даже несколько раз перечитал его, потому что сначала подумал что ошибся, настолько странным мне показалось сочетание этих двух слов в одном заголовке.

Позже я вспомнил, что недавно видел тошнотно-шокирующее видео, которое выложил в фейсбук Макс Роганов, где один человек азиатского вида (китаец, кореец, японец?) испражняется на лицо лежащей женщины, а та пытается сесть его какашки и давится ими. Я знал о существовании подобных видео, но наткнуться на подобное в общей новостной фейсбучной ленте, согласитесь, достаточно неожиданно.

Таким же неожиданным мне показался на тот момент и этот газетный заголовок.

В общем, эти двое, один с красными и голубыми недружелюбными драконами, другой с «Любовью и фекалиями» стояли справа и слева от дверей, как стражники. Через эти двери я и вышел, доехав до метро Белорусская, и отправился к Маше Сумниной домой, чтобы уже оттуда на ее машине ехать на акцию.

Миша Лейкин, муж Маши ехать отказался, сославшись на то, что должен на следующий день улетать к своим родителям в штаты, и что у него много дел.

Маша с самого начала была довольно раздраженной, говорила о том, что ей сейчас хочется только лежать и отдыхать, а вот опять нужно куда-то ехать, что отец, находясь в предакционном возбуждении, разбудил ее не свет ни заря, и уже звонил раз пять, чтобы узнать ничего ли она не забыла, всё ли приготовила и так далее...

Ее раздражение можно было объяснить и тем, что они с Мишей на днях открыли собственную выставку в галерее XL, где сильно выложились, наобщались на открытии с разными людьми и потребность в социализации на данный момент была удовлетворена с лихвой. Здесь же опять ответственность, социальная роль и так далее...

Из-за того, что я опоздал минут на пятнадцать мы не стали пить чай, а довольно быстро, собрав все вещи, вышли из дома. Машина Маши стояла вся в снегу, и мне было поручено сметать с нее снег специальной щеткой, с алюминиевой раздвижной ручкой и черной щетиной. Я сам не автомобилист и не знал, с каких частей автомобиля счищать снег

обязательно, а с каких нет. Я спросил, « - что везде надо счищать?» Маша сказала, что да. А потом сказала «что я слишком стараюсь». Потом мы поехали. У метро Дмитровская мы остановились, чтобы подождать художницу Иру Корину, она тоже должна была ехать с нами.

Ира опаздывала.

Мы припарковали машину на боковом проулке около метро, но выходить не стали, потому что на улице было холодно. Тут на нас стал наезжать большой трактор, который очищал улицу от снега, с помощью крутящейся сзади него щетки. И Маше пришлось раза три переставлять машину, отъезжая то назад, то вперед, на уже очищенные трактором участки дороги.

Маша несколько раз созванивалась с Кориной, и была раздражена, что та опаздывает. Два раза звонил Монастырский, чтобы проверить, где мы есть. Он с остальной группой зрителей в это время уже приближался к киевогорскому полю на большом, специально заказанном по этому случаю микроавтобусе.

Наконец пришла Корина. Она объяснила своё опоздание тем, что по наставлению Маши готовила горячий чай, заливала его в термос и так далее...

Мы поехали дальше. Маша торопилась и ехала, что не характерно для нее, довольно быстро. Съехав с Дмитровского шоссе, уже относительно недалеко от пункта назначения, мы попали в затор перед железнодорожным переездом. Пока мы стояли там минут десять, справа от нас, пожилая полная женщина в сером ватнике и платке чистила снег перед своим деревенским домом. Я обратил внимание, что за зиму она накидала гигантскую гору снега, раза в два или три выше собственного роста. Корина сказала, что она замечательная женщина.

Когда переезд открыли и машины медленно поползли вперед, Маша стала шутливо кричать на них, чтобы они ехали быстрее, а также обратилась за помощью к маленькой рыжей собаке, которая пробежала справа от дороги.

Еще раз позвонил Монастырский, я разговаривал с ним по Машиному телефону, потому что в тот момент она рулила и не хотела отвлекаться от дороги. Он сказал, что они уже приехали и медленно сейчас пойдут в лес, и что Маша знает куда идти.

При подъезде к самому дачному поселку Киевы Горки, на обочине дороги нам попала длинная вереница гигантских автомобилевозов. Их было очень много (10-12 машин) на каждом помещалось по 6 новых легковых автомобилей, разных цветов и марок. Маша сказала, что они тут стоят, потому что им запретили днем въезжать в Москву, а я подумал, что эти машины здесь могут украсть, и как их здесь не боятся оставлять без присмотра...

Проехав через поселок, мы увидели вдалеке черный автомобиль Германа Титова, с тонированными стеклами на фоне березок. Это картина напоминала кадр из фильмов про бандитов. Где бандиты часто приезжают в лес, чтобы обсудить свои дела без посторонних, или просто кого-нибудь по-тихому убить.

Мы наблюдали издали как машина медленно, сдала задом и вжалась в сугроб, освобождая нам путь.

Мы подъехали.

Теперь девушкам пришлось ждать меня, потому что я взял с собой резиновые сапоги,

две пары шерстяных носок,
дополнительный свитер,
и болоньевые спортивные штаны,
к которым не прилипает снег,
и хотел, прежде чем идти,
переодеться во всё это,
предполагая, что придется лазить по сугробам.
Затем мне выдали «тяжелый рюкзак с едой»
и складной небольшой этюдник в синем пакете
и мы пошли в лес по тропинке.

Тропинка была очень ровная, точнее с ровными краями, и довольно утоптанная, я даже предположил, что Герман прислал каких-нибудь узбеков, и они тут заранее прочистили в лесу дорожки.

В районе полянки, где «по приданию» зарыта библиотека КД, от основной тропинки, уходящей прямым в лес, отделилась другая, более кривая, не аккуратная, идущая через глубокие сугробы, и мы пошли туда. Почти сразу за деревьями мы увидели силуэты людей.

Мы миновали полянку с библиотекой, откуда в прошлый раз забрали черепаху на металлическом штыре, и подошли к березе с красной намоткой и портретом этого соратника Шенберга, которого зажали в засанном углу.

С прошлого раза он никак не изменился, тот же потрет, с разбитым стеклом, примотанный к дереву красной лентой.

Вокруг толпилось довольно много народу - по ощущению человек 10 -15 (на самом деле: Мона -1, Панитков -2, Сабина -3, Саркисян -4, Ситар -5, Загний -6, Молодые ипсишники три парня и баба -7,8,9,10, Титов -11, Альберт -13, да и еще одна баба, такая небольшого роста с подкрашенными волосами красным, лицо знакомое, но не помню, -14, а, Даша, жена Мони нынешняя – 15, а еще Нахова, жена бывшая -16. Ипсишников правда могло быть и на одного парня меньше...)

Так вот
все толпились в снегу
в этом достаточно густом хвойном лесу
между поваленным диагональным деревом
и единственной в этом месте березой
обмотанной красной тесьмой,
с портретом соратника Шенберга
зажатого кавказцами в засанном углу.

Уф.

Потом Монастырский достал из бледно желтого леруамерленского мешка кучу коробочек, в которых обычно кладут мельхиоровые ложки, или украшения, в основном темно красно коричневого цвета и стал расставлять эти коробки под елками. Из них он извлекал разные предметы и ставил их на эти коробки как на подиумы. Предметы эти были в основном звучащие.

Сначала им была составлена такая композиция –

на коробке маленький цилиндрический красный динамик с обрезанным по диагонали верхом, из которого доносятся какие-то буддийские песнопения, сменяющиеся иногда выстрелами, взрывами, ором и шумом.

Перед ним на коробке, нечто напоминающее по форме космический корабль из звездных войн из черной пластмассы (как выяснилось позднее, это был видео-регистратор (камера)).

Перед космолетом на двух коробках белая мраморная статуэтка Маодзедуна и бронзовая статуэтка, какого-то индийского бога, или демона, я в них не разбираюсь.

Далее –

пластмассовый белый зайчик-динамик, из него доносится запись - то, что называется на современном сленге «восьмибитка» - музыка из первых компьютерных игр.

(Позднее Машка сообщит, что это музыка из игры «Зельда», в которую папаша одно время запойно играл. Играл на столько самозабвенно, что у него повредились мышцы на большом пальце руки, и он после надевал на этот палец специально изготовленный напальчник.)

Еще один пластиковый персонаж, бело-зеленый, типа инопланетянина, из которого та же восьмибитка.

Рядом с красной намоткой тоже небольшой плоский плеер с той же музыкой.

И еще один голубой, вытянутый прямоугольной формы с другой стороны из него что-то тихо играет, типа классики, но не разберешь, может этот зассанный композитор, хрен его знает.

Весь этот гам начинает меня слегка напрягать,
то есть я ожидал чего-то другого,
тишины сосредоточенности,
а тут полно народу и дискотека, блядь.

Пока папаша занимается расстановкой коробок, Машка ставит этюдник, в котором обнаруживается фляжка коньяка «Багратион». Затем она вываливает на раскрытый этюдник-стол гору апельсинов.

У меня мелькает мысль, что сейчас мы это всё здесь оставим и уйдем, по типу того как сделал Герман на своем заброшенном заводе.

/Мысль эта рождена, видимо, тем, что такого количества коньяка на всех любому не хватит, а апельсинов наоборот дохуя и они слишком красивы, чтобы быть просто закусью./

Но нет, появляется еще жратва. Монастырский, закончив с коробками и саундом, начинает тягать из сумки поллитровки с коньяком одну за одной.

Появляются синие и красные пластиковые стаканчики.

Я пытался уловить принцип раздачи красных и синих стаканчиков, то есть принцип разделения людей на группы с помощью раздачи одним красных, а другим синих стаканчиков.

/Кстати, как те драконы из игры у чувака в метро с утра – голубые и оранжевые, я тоже пытался понять, чем они отличаются, оказалось же, что они заодно и одинаковы в своем отношении к воинам, и те и другие мочат воинов одинаково./

Здесь этот принцип я тоже обнаружить не смог.

Я долго разглядывал людей «синих» и «красных» и не мог понять, что объединяет каждую группу, и в чем их различия.

Я даже поинтересовался на счет этого у Альберта.

Он сказал, что принцип гендерный – синие у баб, красные у мужиков.

/Кстати в роддомах наоборот, синее – мальчикам, розовое девочкам, а розовое это производное красного.../

Ну, он правда, тут же объяснил это тем, что сначала открыли синие и поэтому раздали бабам, а потом уже красные. Но приглядевшись к толпе, мы выяснили, что это не так. У меня, по-моему, вначале тоже был синий стакан, потом я его потерял и взял красный, правда, уже чей-то.

В общем, все бухают и закусывают.

Титов отказывается всё есть, поскольку у него типа пост. Я говорю, ну вот тут шоколад. А он говорит, что в шоколаде молоко, и он не может.

Машка достает ему какие-то сухие хлебцы и он начинает их грызть.

А потом он сообщает, что первый раз за четыре года «несколько капель алкоголя попало ему в организм».

Я спрашиваю – «Как, добровольно?»

Он смеется и кивает.

Я говорю, - «А как же пост?»

Он говорит – «Ну вот так.»

Саркисян, в своих в своих полупрозрачных чулках, начинает приплясывать под восьмидесятку у березы с намоткой.

Я постепенно напиваюсь и наедаюсь бутерами с сыром и колбасой.

Ну ничего, так нормально, весело...

Загний тянет стакан и жалостливо говорит – «Налеейте композитору...»

Машка отходит от тусовки, в сторону полянки библиотеки и смотрит оттуда на всё. Она не пьет, потому что сегодня рулит. Я тоже отхожу и смотрю. Потом иду обратно, чтоб еще немного выпить и пожрать.

Всё, больше не лезет.

Становится скучно.

Я отхожу от стола-этюdnика. Холодно. Многие замерзли, несмотря на алкоголь. Я решаю развести костер, скорее от скуки и безделья, чем из практических соображений тепла. Хоть какое-то занятие и в процессе согреешься. У елок снизу полно абсолютно сухих веток. Начинаю их отламывать. Машка замечает и говорит – «Ты чего костер собрался разводить?, Давай вон там...»
– «Там, так там, хорошо.»

Мне без разницы где. Она выбирает ось съемки видео-регистратора, который снимает статуэтки Мао и этого индийского божка.

Она хочет, чтобы костер вошел в кадр.

Развожу костер, сухие тонкие еловые ветки быстро разгораются.

Яму под костер не копаем и постепенно костер начинает проседать, вытаскивая под собой воронку.

Некоторые люди подходят к костру греться.

Мне тоже становится тепло.

Я и Корина ложимся на снег у костра и какое-то время лежим.

Батарейки в плеерах постепенно садятся, и музыкального шума становится меньше.

Буддийские песнопения лишь изредка говорят «Бу», не унимается только плеер с восьмибиткой привязанный к березе над красной намоткой.

Монастырский зовет всех фотографироваться.

Нас разморило, вставать и идти к березе лень.

Ждем, когда все остальные соберутся.

Загний глушит восьмибитку.

Монастырский еще раз призывает всех собраться для «группен фото».

Нехотя встаем, подходим к группе, расположившейся между березой и поваленным деревом.

Блин, там же была еще Юлия Овчинникова – 17, а Корина, Машка и я, итого 20, число же было 21 марта,- день весеннего равноденствия... , хотя уточнил в интернете, в этом году равноденствие - 20 марта.

Значит, подходим, фотографируемся, перед нами открытый этюдник.

Моня фотографирует.

Потом фотографирует Даша,

потом еще кто-то.

Потом Монастырский тем же движением что он доставал бутылки (движение это сродни выхватыванию шпаги из ножен) достает заламинированные фотографии с элементами компьютерного коллажа, собственного производства.

Часть фотографий А3-его формата, часть А4-го.

Все начинают кричать – Подарки, подарки... Кому, кому...

Я сижу и не высываюсь.

Самые большие фотографии расхватывают ипсишники, Кориной и Машке достаются одинаковые имиджи, только разного формата.

На большинстве фотографий присутствует береза с красной намоткой, но не на всех. Единственный элемент, повторяющийся на всех фотках это часы со стрелками показывающие 8 минут 11-го, лежащие на деревянной тридцатисантиметровой линейке между 9-ю и 19-ю сантиметрами.

Мне достается фотография станции московского метрополитена «Красные ворота», где композиция сделана так, что надпись красные ворота попадает между двух пролетов колонн так, что оказывается действительно в центре условных «красных ворот». Поверх фотографии на левой колонне белым шрифтом снизу вверх написано: «СЛАБО», на правой: «НЕ ПОКАЗАТЬ?»
Часы с линейкой расположены чуть выше и левее слова «СЛАБО».

Я писал этот рассказ ночью с 23 на 24 марта, с часу ночи до девяти утра. После девяти, стал засыпать, несмотря на кофе. Лег на второй этаж, недавно построенной кровати (на нижнем спала Кройтор) и уснул.

Приснился сон.

Сон.

Будто мы с Монастырским делаем совместную акцию. Мы направляемся к лесу (Битцевскому лесопарку) от Чертановской улицы по Сумскому проезду, тем маршрутом, которым я миллион раз ходил, когда жил у родителей по адресу Сумской проезд 9, да и сейчас хожу, когда привожу к ним сына..., почти каждую неделю хожу. Так вот, группа движется по этому самому Сумскому проезду, кто-то на машинах кто-то пешком.

Движение начинается примерно от церкви на углу Чертановской и Сумского.

Моя основная акционная часть тут, на пути, а у Монастырского в лесу.

Мы двигаемся параллельно – я, заходя на мостовую, он - только по тротуару и газону. На улице тепло и свежо, это весна, наверно май месяц. Свежие листики, кое-где еще есть мокрая земля, она дышит и пахнет, асфальт на мостовой уже сухой, но на тротуарах кое-где лужи. Запах листвы и влажности. Я иду, совершая большие зигзаги, иногда перебегаю на противоположенную сторону улицы, видимо разношу по местам или собираю какие-то предметы..., скорее разношу. Передвигаюсь, то ускоряясь почти до бега, то медленно, залипая, петляя, как собака на прогулке, повинуюсь будто бы неким запахам. Траектория перемещений челночная, рваная. В результате мы движемся в сторону леса очень медленно. Продвинувшись всего метров 200, я подхожу к черной машине Германа, которая еле-еле ползет по противоположенной от меня стороне улицы. Он сидит на заднем сиденье, очень довольный и ест сметану чайной ложкой из белого пластикового пол-литрового стакана. Все черное, кожаный черный салон автомобиля и у него в руках этот белый пластиковый стакан и мельхиоровая ложка, с чуть облезшим покрытием на самом черпачке. Такие ложки были в доме у моей бабушки и дедушки в Нахабино, где я жил в детстве. На ее ручке еще должен быть изображен памятник Юрию Долгорукому, но его я не вижу, поскольку ручка закрывается плотной розовой ладонью Германа. На ложке висит небольшой полуслизанный фрагмент сметаны.

Я говорю:

– сметана это очень важно, она не жидкая и не твердая (тогда для меня это действительно очень важно, как открытие - суть мира, суть того, что сейчас происходит)

Герман говорит:

- я знаю, ты мне об этом уже рассказал заранее, вчера.

Я говорю:

- а...

Монастырский будто бы сидит рядом с ним и ухмыляется, а может и нет.

Скорее подходит послушать разговор, в общем, его рожа, будто бы там тоже рядом маячит и ухмыляется.

Мы двигаемся дальше.

Дойдя до первого поворота направо - проулка ведущего к универсаму в Северном Чертаново - группы объединяются. Сразу за автомобильной стоянкой с двумя рыжими собаками, на лужайке толпится народ. В центре Герман и Монастырский и еще куча народа, что-то обсуждают. Я подхожу к группе и сообщаю, что одна баба, со своей великовозрастной дочерью ушли в Северное Чертаново по этому проулку. И что у этой бабы была камера, и она всё снимала. А потом решила просто свалить. Монастырский говорит, что ну и хрен с ней, у нас еще много камер. Я говорю, что у меня осталось еще последнее действие (может последний предмет, возможно, это завернутая в фольгу пробочка с петушком которую выбрал мой приятель Мачинский, на последней нашей с Машкой акции в Нахабино.

Тут подъезжает Машка, на своем «серо-синем автомобильчике», я совершаю какие-то операции со своими ногами, толи разуваюсь, толи обуваюсь. Возможно, что я был всю дорогу босой, а теперь просто вытираю ноги тряпкой от грязи. Присаживаюсь жопой в открытую дверь машины, а ногами наружу.

Тут ко мне подбегает куча баб с фотоаппаратами. В центре Ева Жигалова. Бабы присаживаются на корточки и начинают лезть мне своими объективами прямо в рожу, всё время фотографируя. Я высовываю язык и пытаюсь, как корова, облизнуть эти объективы, что мне даже немного удается. Потом я скручиваю объектив с одного из фотоаппаратов, он нехарактерного бледно песочного цвета, видать очень модный фотик, скорее всего «ЛОМО».

Я беру этот моднющий объектив и иду дальше по улице, и.... просыпаюсь.

Время 11- 45.

Сажусь записывать сон, дописал 12-54.

Во время писания Машка пишет в скайп:

– «Всё замечает!»

Я отвечаю:

– «Позже»

Возвращаемся к красной намотке.

Все фотографируются, уже держа перед собой заламинированные фотографии. Кто-то

держит фотографию кверху ногами, кто-то хочет держать ее лицом к себе, а белым оборотом на камеру, но ему запрещают это делать.

После собирают мусор в гигантский черный пластиковый мешок. Рассуждают по поводу того можно ли оставить объедки птицам и зверям.

Находят еще упаковку нарезки свинины и хлеб.

Раскрывают...

я подхожу и еще ем, хотя не особо хочется.

Затем Монастырский говорит

– «А сейчас, собственно, акция – снятие красной намотки».

Сообщает, что ее накручивал Лейдерман в 2008-ом году, после чего начинает истошно голосить -

Пять лет она была не снята!

Пять лет она была не снята!

Пять лет она была не снята!

Пять лет она была не снята!

Пять лет она была не снята!

И так далее...

Намотку в это время раскручивают, участвует в этом, по-моему, Панитков, возможно Альберт и парнишка с русой бородой из ипсишников. Намотка частично вросла в кору и поддается с трудом.

Монастырский устает голосить

и когда он замолкает, его подхватывает Загний, который в это время стоит у костра.

Потом они голосят какое-то время вместе.

Намотку, наконец, сняли. Освобожденный портрет зассанного композитора очень хочет забрать себе Герман, но Монастырский сопротивляется и отдает его Альберту.

К дереву остается, привязана какая-то грязно-красная веревка с парой узлов, которая уходит от дерева в землю, под снег. Ипсишник пытается ее выдрать, но у него ничего не выходит. Он говорит – « Глубоко зашла»

Монастырский подхватывает и начинает голосить -

Глубоко пошла!

Глубоко идет!

Глубоко пошла!

Глубоко зашла!

И так далее.

Я забыл сказать, что перед фотографированием, все динамики, статуэтки и коробки были собраны обратно в леруамерленовскую светло-желтую сумку.

Сейчас туда уложили и красную ленту.

Еще, над прикрученным к березе плеером и намоткой, дерево было перевязано белой хлопчатобумажной веревочкой, которую теперь отвязали, и она валялась на снегу прямо передо мной и никому была не нужна. Я поднял ее и сунул в карман.

После все двинулись гуськом к выходу из леса.

В конце тропинки перед площадкой, где были оставлены машины, появилась баба на лыжах в красных штанах, белой куртке и красной шапке. За ней, на самой площадке, стояла пара мужиков и несколько охристых собак. Собаки, увидев толпу, выходящую из леса, начали лаять. Впереди шел Панитков, за ним Альберт, потом Монастырский. На Монастырском была коричневая замшевая шапка с собачьими болтающимися ушами, на которую я раньше не обратил внимания, и поэтому, ища его взглядом, в веренице людей, идущих впереди меня, не сразу смог его идентифицировать.

Монастырский говорил Паниткову по пути - Давай уже здесь, давай на поле, там уже машины..., но Панитков его не слушал, шел вперед и ничего «не давал».

Когда все выбрались на расчищенную площадку, Монастырский заметался в поиске леруамерленовской светло-желтой сумки, и общими усилиями ее быстро нашли.

За это время баба на лыжах ушла в противоположенную от нас сторону в лес.

Собаки отбежали на безопасное расстояние по дороге в поселок, встали там и притихли. А мужики стояли на опушке леса метрах в 70-ти и наблюдали за нами.

Монастырский извлек из сумки моток красной ленты и коробки. Предварительно вытряхнув их содержимое просто так в сумку.

Я догадался, что он хотел положить этот моток в одну из коробок, но моток был довольно большой, и, ни в одну из коробок бы целиком не поместился.

Он тоже это понял и, помешкав пару секунд, пересчитал коробки.

Их оказалось 11.

Он поручил Альберту разрезать моток на 11 частей, и уложить каждую часть в свою коробочку.

Альберт спросил, нужно ли чтобы все куски были одинаковой длины, и что если это необходимо, то разделить ровно ленту будет достаточно проблематично.

Внятного ответа на свой вопрос он не получил и стал резать, как придется, при этом все же стараясь сделать куски более-менее одинаковыми.

Потом куски разложили по коробкам и Монастырский всем желающим предложил забрать себе по коробке. Ипсишники быстро расхватили каждый по коробке, остальные брали не так охотно. Когда коробок осталось три - четыре, я тоже подошел и взял себе одну, хотя не очень понимал, зачем она мне нужна, и что я с ней потом буду делать.

После этого Монастырский запел что-то такое тягучее, я не помню, что точно он там пел, какое слово или фразу, но все взрослые стали ему подпевать, тянуть что-то такое «о-о-о-о», Ситар стал изображать горловое пение.

Я же подпевать не хотел, я улегся на снег на обочину, закурил, и с удовольствием наблюдал за происходящим.

Даша, жена Монастырского, стояла рядом со мной и наклоняясь ко мне говорила —« где бас, не хватает баса» и сама пыталась тянуть басом. Я же на ее намеки не реагировал, а просто наблюдал, и мне было в тот момент хорошо.

Потом толпа двинулась к автобусу, который оставили в поселке, Герман погрузился в свою тачку и уехал, а мы стали паковать вещи в Машину машину.

Большой черный мешок с мусором никто не забрал и его надо было брать нам.

В это время один из мужиков, что до этого стоял в отдалении, подошел ближе и сказал – «Вы это заберите...» Я сказал, - «да, да конечно». После он спросил, - «У вас что здесь, корпоратив был?...» Я говорю – «Да, типа того...» А он говорит – « А как вы вообще узнали об этом месте?» Я говорю - «У нас многолетний опыт...» Второй из далека в это время сказал – «А чего, хорошо, люди отдыхают...» Первый же сказал - «Ну да, зимний лес, хорошо...»

Потом еще что-то было, мы куда-то ехали, я Машку по полю снежному за руку таскал как мешок, мы Ситара утрамбовывали в снег, но это уже было после, и наверно к делу отношения не имеет, по крайней мере, мне так кажется. И вообще я устал и мне нужно идти помогать Машке, грузить картины ее дедушки в мастерскую, куда они возвращаются после ремонта, который там был устроен, еще одной бывшей женой Монастырского, Машкиной матерью, Верой, поэтому я закругляюсь.

Всего хорошего.
Андрей.

Маша Сумнина **Снятие красной намотки.**

Проснулась в темноте, как обычно перед действиями. Пошла выпить снотворного, чтобы не тратить время. За окном снег. Ну вот, - раздраженно и устало думаю я, - трудности.

Проснулась от звонка А.М. за окном солнце – все складывается. Складываю вещи, отвечаю на звонки. Надеваю «полевой» костюм – огромные непромокаемые штаны и шапку с ушками. Приезжает А.К., берем рюкзаки с огромными мандаринами, прочей снедью и отправляемся. Машину откапываем из снега. Ровно в час у метро Дмитровская останавливаемся, чтобы забрать И.К., но она опаздывает. Я немного нервничаю, потому что нас в свою очередь ждет целый автобус людей. Мы что-то друг другу рассказываем, время от времени уворачиваясь от назойливого мелкого трактора, который настойчиво обдает нас грязью. Так проходят 20 минут.

Я знаю, что в этой акции главное путь. Наш путь пролегает по страшно грязной дороге, окно постоянно затягивает серой пленкой, и мы почти изолированы от внешнего мира, собственно мы и продолжаем обсуждать наши внутренние дела.

Время от времени звонит А.М., они сильно нас обогнали. Я опять начинаю беспокоиться – чувствовать ответственность перед внешним миром. Из-за этого еду не как предлагал А.М. через музей танков, а сворачиваю сразу на рогачевское шоссе, которое показалось свободным. Конечно, упираемся в пробку перед переездом. Летом здесь мелкие мужички продавали пилы дружба, теперь - айфоны. Эти межполосные шоссезные торговцы всегда небольшого размера, наверное, чтобы удерживаться на тонкой линии между полосами движения. Я паникую, думаю, не развернуться ли и поехать в объезд. А.К. меня успокаивает. Мы стоим рядом с домом, подъезд к которому разгребает лопатой монументальная пожилая женщина в серебристо-сером. Она кидает снег в кучу размером с ее дом. Тут вереница машин начинает двигаться и я бормочу заклинание, умоляя их не останавливаться. Нас провожает рыжая собака.

Преграду железной дороги преодолели, теперь мы уже в зоне действия. С прошлого раза тут выросли новые дома, разноцветные, с попытками нестандартно украсить, вроде как не унылый недогород, втемяшившийся в деревню, а архитектура.

Около поворота к полю вдоль дороги появился целый забор из машин на машиновозах.

Сворачиваем в поселок. Впереди в узкой щели между белыми сугробами черная машина Германа. Пятится назад, неожиданно вдавливаясь в сугроб, исчезает. Мы доезжаем до крайней точки. А.К. переодевается в снежное. Берем рюкзаки и идем по проторенной аккуратной дорожке. Среди деревьев на полянке композитора видны люди. Полянка мрачная с поваленными деревьями, сцепившимися в причудливый мост-шалаш, покрытый снегом, он как единое архитектурное сооружение. У всех на ногах черные пакеты, перемотанные цветным скотчем – у кого-то красным как «намотка», у кого-то оранжевым и синим, как драконы из рассказа А.К.

Только сияющие Оксана и Ситар пренебрегают метеорологией и физиологией.

Метеорология время от времени сыпет мелким снегом, не выключая солнца.

А.М. расставляет коробки: на первой колонка с воинственным угрожающим звуком из фильма про монахов, на второй видеорегистратор, направленный мимо толпящихся людей на Мао Дзэдуна и псевдо-Сунь-У-Куна. Людей же окружают коробки, на которых стоят умильные фигурки-колонки – заяц и робот, из которых играют музыка из игры Zelda. Эта игра была у меня на приставке Nintendo, которую дедушка привез мне из Японии. Это было в 1990 году. А.М. приходил почти каждый день, и мы играли часами, так, что от нажимания на кнопки у него повредился палец, и мама сделала ему напалечник из оранжевой варежки. Эта музыка прочно записана у меня на костях.

Мы расставляем этюдник посередине вытопанной полянки, выкладываем еду, расстилаем узкий длинный черный пакет среди черных стволов и вываливаем мандарины и стаканы.

Я ем мандарин и выплевываю в снег будущий мандариновый сад.

Все начинают есть, пить и хохотать. Здесь очень плотный беспорядочный лес и все скопилось на маленькой полянке, как на пятиметровой кухне. Я выполнила все, что от меня требовалось, и решила отойти, чтобы посмотреть со стороны, или скорее услышать как смешиваются эти звуки, между которыми зажата группа. Звуки как будто создают стену вокруг полянки, за которые никто не решается выйти. Кроме А.К. и потом Германа. Герман выходит с кухни в коридор, спрашивает, где здесь сортир, и уходит дальше по коридору.

Мы с А.К. возвращаемся назад, еще немного тусуемся. С Ю.О. обсуждаем Б.А. Еще с кем-то что-то. А.К. проделывает отверстия-иллюминаторы в гребне снега на одном из поваленных деревьев, ограничивающих эту «кухню» и трогает меня за плечо с той стороны «стены». Потом он решает развести костер и я говорю - давай тут, на оси съемки видеорегистратора, прямо за спиной пары мао-сунь-у-куна. Мы ломаем сухие еловые ветки и поджигаем их прямо на вершине снежного холма. Идет густой желто-зеленый дым, мы скармливаем огню весь ближайший еловый подшерсток. Костер медленно углубляется в снег, оставляя серые концентрические круги на краях кратера. И.К. оптапывает его по кругу, так что в результате получается коллизей.

Тут начинает ощущаться возрастное разделение. «Взрослые» окончательно расслабившись от коньяка начинают раскованно вопить, голосить и хохотать, мы, «средние дети», действуем в своем режиме, нас не надо занимать, мы в своей цепочке событий, а вот «младшие дети», кажется, озадачены и немного смущены происходящим – вместо четкого действия и инструкций по сборке мифов, они

обнаружили себя на странном пикнике среди разбушевавшихся легенд. Воинственная музыка компьютерной игры транслируется нарочито попсовым зайчиком. Наверное это может поставить в тупик. А нам очень нравится. Мы весь этот год изучаем щель между «сюжетом» и «дорогой».

Мне даже хочется продолжить автономное движение и пойти проведать черепаху на ее новом месте (см. № 131), так как мне тесно, что мы все время провели в этой кухоньке и хочется в поле. Но затея невыполнимая, снега слишком много.

Тут А.М. созывает всех фотографироваться и раздает фактографию. Нам с И.К. достается одна и та же картинка с тенью Петера Шлемиля и дакиней. А А.К. получил коллаж с фотографией станции «Красные ворота» - на левой стороне арки (щели) – написано «слабо», а на правой «не показать?». Эта картинка через несколько дней неожиданно станет смыслообразующей в обсуждении нашей акции в Нахабино.

Батарейки садятся, звуки хрипят и прерываются, время выходит.

В последний момент А.М. спохватывается, что забыли самое главное – снять намотку. Перед этим он начинает глоссолатить, ему вторит Загний, и некоторое время они поют: «пять лет она была не снятааа пять лет она была не снятааа...». Компьютерное звуковое пространство рассыпалось и А.М. немедленно создает новое собственными воплями, подхватывают остальные, цепляя слова: пять лет – котлет – псков – в скобках...

Намотку отдирают от березы, освобождают портрет зажатого композитора, но тут же возникает за него борьба между Германом и Альбертом, кто победил, не помню.

Все собираем и идем к машинам. Впереди местные жители с собаками и лыжница в белых рейтузах и красной куртке. У дороги снова привал и новая песня уже без слов. Поют только свободные взрослые, на разные голоса. Кроме Н.П..

И.К. ходит вокруг с портретом отжатого зажатого, как хоругвеносец. Собаки отбегают подальше и наблюдают, подвывая.

Альберт нарезает красную ленту на куски, я раскладываю ее по коробкам. Она стала жесткая, ледяная, я с усилием ее скручиваю (ах вот откуда этот клубок жесткой проволоки, в которое превратилось злобное существо у меня во сне позавчера!) и кладу в желтые шелковые внутренности коробочек, думая о том, как она там размякнет в тепле.

Все уходят в автобус, а мы остаемся упаковываться. Я немного волнуюсь, что мы разозлили местных жителей, которые держатся в стороне, но не расходятся, а наблюдают. Тоскливо думаю, что могут и полицию позвать. И тут вдруг они приближаются и начинают благодушно расспрашивать, не корпоратив ли у нас, А.К. подтверждает, они помогают мне развернуться, советуют протереть стекло снегом, в общем ведут себя как добрые феи-помощницы, а не обычные обитатели-бесы.

Тут у А.М. возникает сомнительная идея ехать к брату Н.П. на историческую дачу. Мне не хочется – все, кроме меня пьяные, к тому же я не верю, что брат Н.П. так уж будет рад. Но неожиданно мои спутники требуют присоединиться к процессии и я, снова ненадолго впав в раздражение, уступаю. Мы следуем за микроавтобусом, за нами черный автомобиль. Почему-то после поворота к институту кормов мы сворачиваем на тесную стоянку перед полем. Цель этой остановки неясна, А.М., Н.П., и Г.Т. уходят куда-то, остальные сидят в автобусе. А.К. говорит – пошли в поле. И мы идем по абсолютно не тронутому белому гладкому огромному полю, каждый оставляет свой графический след, идем, идем, потом падаем навзничь и палимся на бесплотную луну и облака, как будто вырезанные из одинакового спандекса, (им укрывают грядки и корни). Можно так долго лежать, но там целая толпа людей и надо идти назад. Встаем, и вдруг нам навстречу бежит сияющий легкий Ситар, единственный неутомимый, он падает в снег, а мы как какие-то

хулиганские собаки набрасываемся и начинаем его утрамбовывать в снег, он жалобно говорит – я думал, вы такие благостные, а вы агрессивные. Мы не агрессивные, а просто веселые. И он настолько сильно легкий, что в снег его провалить не удастся. Тогда они встают, а мне дико не хочется отрываться от этого белого простора и А.К., держа меня за руку, волочет по снегу, пока не скатывает под ноги микроавтобусу и кому-то, вышедшему посмотреть, что происходит. Отряхиваемся, рассаживаемся. Нет. Не рассаживаемся – я застряла. Надо выталкивать машину. С трудом выковыриваемся и едем дальше. Черная машина исчезла. За микроавтобусом въезжаем в следующую снежную щель. Доезжаем до дома. Становится ясно, что въехать я не могу. Дальше черед бесмысленной суеты и несколько раз меня выковыриваем из снега, Н.П. остается на даче, автобус уезжает, а я сворачиваю в институт кормов. Мне хочется, чтобы все закончилось не на бесмысленной суете. Оставляем машину около снежной горы, из которой торчит только голова Вильямса, и идем по аллее, мимо остова самолета, мимо дружелюбной старушки, машин-сугробов, сосулук-ресниц, ворот с керамическими огрызками, двухцветного домика, в аптеку, где купили успокоительное, чтобы И.К. отвезла его в америку Ш.Ч. Возвращаемся назад по другой стороне аллеи среди колченогих деревьев. Возвращение в город, как всегда, тоскливое, А.К. засыпает, И.К. жалуется на холод, я хочу есть.

Дома отогреваемся, едим суп и валяемся на полу.

29.3.2013.

Т. Пёникер

Снятие красной намотки:

132-ая акция в истории КД и первая в истории меня

Об акции мне сообщил через facebook Андрей Монастырский спустя ровно месяц после нашего с ним личного знакомства, которое состоялось 4 февраля 2013 года, когда Андрей пригласил Иосифа Бакштейна и меня в гости. Я, не колеблясь, выразила свое желание присутствовать 21 марта. Честно говоря, после лекций в ИПСИ о КД, я даже немного мечтала своими собственными глазами увидеть легендарные акции группы, стать участником одной из них, так как от природы я испытываю страсть и некий трепет ко всему исторически важному, эпохальному и вообще ко всему, что имеет связь со временем. Время для меня - вообще жуткая стихия, которая рвет наши жизни, оставляя взамен лишь воспоминания, ограничивающий фактор номер один, ибо времени всегда не хватает. За несколько минут до полного отключения меня иногда охватывает чувство чудовищного беспокойства, о тех делах которые я не успела сделать за день или даже за 19 лет. Они, словно малые дети, эти дела, кричат что есть сил и напоминают о себе именно перед сном, словно хотят выразить свое недовольство и раздражение о недостатке внимания. Ненавижу себя из-за них. У меня даже есть определенное мерило качества моей жизни: если жизнь достаточно динамична, то мне кажется, что событие произошедшее совсем недавно, произошло не меньше, чем неделю назад. Андрей также попросил меня поинтересоваться у однокурсников по ИПСИ-любопытно ли им принять участие в назревающей акции. Что и следовало ожидать: очень многие, видимо тоже вдохновленные лекциями Александры Обуховой,

изъявили свое желание присутствовать. Но, к сожалению, акция была рассчитана на 15-20 человек и от меня требовалось взять с собой не более трех соучеников, что, конечно, вызвало некое негодование среди тех кто хотел поехать, но не был приглашен. Я обещала обязательно пригласить их на что-то более массовое. 17 марта я оповестила троих о месте и времени проведения акции: Александра Буренкова, Антона Забродина и Михаила Заиканова, который, к сожалению, не смог присутствовать.

21 марта я, отдавая себе отчет в том, что выходя из дома с утра, я непременно везде опаздываю, потому что обожаю долго и мучительно завтракать, решила проснуться пораньше, нарядиться потеплее и выйти погулять перед акцией- во-первых, чтобы не выходить непосредственно из дома и не опоздать, во-вторых, чтобы опробовать свой наряд на морозостойкость. С погодой повезло! (если еще учесть бесноватый дождеснег в последующие дни)

В половину первого мы встретились у ротонды станции метро Алексеевская и двинулись в путь. Спустя час мы были на месте. Перед началом акции у многих участников акции появились собственные красные (или же иного цвета) намотки - на ботинки были надеты большие черные мусорные мешки, которые крепились с помощью скотча. И я ни разу не пожалела о том, что моя обувь выглядела странно, ибо уровень снега, через который нам пришлось пройти порядочное расстояние до места проведения акции, достигал колен или даже выше. Процессия из пятнадцати-двадцати человек проследовала глубь леса, к дереву, которое было обмотано красной лентой, с помощью которой к дереву также был прикреплен портрет: сначала мне показалось, что это икона с изображением какого-то святого, позже выяснилось, что это портрет Веллеса.

По прибытии на место проведения акции, участники должны были утрамбовать снег перед объектом, создав небольшую площадку для пикника с разнообразными угощениями и коньяком. Все с большим удовольствием принялись за еду, ибо время было обеденное и после энергичной очистки площадки желудок уже урчал, требуя подпитки. Обедали под аккомпанемент маленьких зверюшек и роботов, которые были установлены ранее вокруг нас. Они издавали какую-то повторяющуюся восьмибитную мелодию. После пикника красная намотка, которая "пять лет не была снята", была торжественно раскручена с дерева и поделена на куски, которые разложили по маленьким коробочкам и вручили некоторым участникам, в том числе и мне. Также всем были розданы подарки, которые представляли собой фото-коллажи с изображением мест, связанных с акциями КД, в каждый из которых были вколлажированы часы и линейка, как символ измерения времени. И вновь я ощущаю бесконечную, маниакальную связь со временем, о которой я упомянула в начале моего рассказа. Это, безусловно, какой-то символ, значение которого еще предстоит понять.

В Москву мы вернулись довольно поздно, кажется, уже было семь вечера и мы с Сашей Буренковым рассуждали идти ли на лекцию в ипси в этот день или же отправиться домой. Впечатлений на день было предостаточно и мы решили все же разойтись по домам. Более того, был четверг, а это значило, что в пятницу мне нужно рано просыпаться и идти в постылый МГИМО. А завтра- еще один четверг, которых было и будет много на моем веку. Время начинает властвовать над моим разумом и, кажется, я очень хочу спать. На этом я вынуждена прекратить свой рассказ и поддаться моей сонной физиологии.

Спасибо еще раз за прекрасное путешествие во времени и хороших снов,

3.4.2013.
Таня Пёникер.

Ю. Лейдерман
Реплика об акции «Снятие красной намоики».

В связи с корпоративами я подумал об акциях КД как о демонстрации различных типов одежды на фоне подмосковного пейзажа. Поскольку "референтный" круг КД, в отличие от обычного корпоратива, всегда представлял собой довольно пеструю в социальном и имущественном плане группу. Славянофилы и западники, маргиналы от искусства и художественный официоз, хипстеры и шизоиды. Но почти все, будучи людьми творческими, так или иначе демонстрировали через одежду собственные мировоззренческие конструкции. Не очень сочетающиеся с русским климатом порой. А порой – наоборот, с особым усердием идущие у него на поводу. Огромные шапки собачьего меха, в которых щеголяли братья Мироненко. И тут же подчеркнута никакие, совковые ушаночки Паниткова и Кабакова. Кепка Гороховского. Хилые интеллигентские шерстяные пирожки Альберта и Лейдермана. Берет Летова. Платок Маши Чуйковой. Ебанатские прикиды Ануфриева. Все это являло собой достаточно поучительную и пеструю парадигму. Но к ней добавилась противоположная, уравнительная интенция – полиэтиленовые пакеты на ногах. Накручивание которых стало неприменным атрибутом зимних акций. Пакеты – не одежда, с ними особо не поэкспериментируешь. Тем более, что на каждой акции присутствует теперь какой-то процент неофитов, для которых правильное накручивание пакетов на ноги – существенный знак приобщения к этому самому, эзотерическому, сообществу. Не случайно, на последних выездах уже сами КД, наряду с доставкой зрителей, обеспечивают раздачу пакетов. Которые теперь еще превратились в скатерки для еды. Вот, собственно говоря, в этом парадигматическом промежутке между индивидуальностью одежд и корпоративностью пластиковых обмоток-скатерок кроется для меня эстетическое впечатление от перформанса. Во всяком случае, так, как я смог воспринять его через документацию в социальных сетях.

1.4.2013.

Дополнение от 3.4.2013.

Читал рассказы об акции – А.Кузькина и М.Сумниной. Оба текста заняты перипетиями с автомобилем. Который чистят от снега, потом, сидя в нем, ждут Иру Корину, увертываются от снегоборщика. Едут – медленно или там быстро, через заносы, паркуются, трогаются с места, опять проезжают через заносы, опять ищут место припарковаться, поддают назад и вперед, буксуют. Ну помимо этого еще разбирают пластиковые пакеты, пластиковые стаканчики, сувенирную документацию. Переговариваются, распределяются по знакомствам, по возрастам. В общем, сплошной, однородный das Man дружеского приобщения, затемняющий созерцательные возможности.

Чем подобные рассказы отличаются от классических "рассказов участников" – Кабакова, Некрасова, Булатова? Над теми не довели обстоятельства пути и окружения – всегда бывшие одинаковыми. Благодаря этому как раз появлялась драматургия. Путевые зарисовки – по бокам, обрамлением: как ехали в электричке, как пробирались через грязь. Лишь для того, чтобы подвести к акту созерцания. А в нем уже – как отблеск в зрачке – пустое созерцание поля и неба, "пустое действие". Обыденность приподнятая сама над собой. Или созерцание "не того", непонимание, смотрение "не туда". Весь 3-й том "Поездок за город" вытянулся из той несуществовавшей веревки между Панитковым и Ромашко (?), которая привиделась Кабакову и которую он так тщательно пытался описать в своем рассказе. Нынешние рассказы участников оказываются более точными, живыми, конкретными, но именно поэтому "неплодотворными". Новых акций из них не вытянешь. Лишь все то же сансарическое колесо приобщения.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ – 5 (Польское)

Предварительно в Druckcenter был изготовлен металлический щит – черные готические немецкие буквы на белом поле (шрифт Klingspor) – со словом Przemieszczenie, длиной 150 см. Этот щит был транспортирован на машине в Польшу в городок Resko (нем. Regenwalde), где родилась и жила до войны мать С. Хэнсен. На месте, где стоял дом матери, до сих пор находится пустырь. Если войти на пустырь с улицы, то с боков пустыря остались старые сараи, а на дальней стороне пустыря растут деревья и за ними – рельсы бывших немецких железнодорожных путей. Пустырь пересекает тропинка, по которой ходят, чтобы сократить путь.

На дальней стороне пустыря М. Хюттель и Ю. Лейдерман установили щит, прислонив его к одному из деревьев. В это время С. Хэнсен вынула из машины и одела на себя черный джемпер, на спину которого была укреплена фотография места в эстонской деревне Leesī, где видна крыша заброшенного большого дома, странного по архитектуре и размеру для маленькой деревни (назначение его не было выяснено). А на внутренней стороне джемпера со стороны спины была укреплена репродукция картины И. Левитана «Владимирка».

Двигаясь от улицы вдоль сараев в сторону железнодорожных рельс, СХ повернула налево, прошла мимо щита и вернулась по тропинке на улицу. Дойдя по улице до спортивной площадки (примерно 100 – 150 метров) с играющими на ней детьми, СХ сняла джемпер и повесила его на вешалке на сетку забора, ограждающего спортивную площадку, репродукцией Левитана в сторону улицы.

(Во время акции Ю. Лейдерман читал поэму А. Вознесенского «Лейтенант Неизвестный Эрнст» 1964 года, держа в руках гитару, но не играя на ней).

21 августа 2013 года
Польша, Resko

С. Хэнсен, М. Хюттель, Ю. Лейдерман, А. Монастырский

TRANSLATION – 5 (Polish Version)

A metal sign 150 cm in length, consisting of black Gothic German letters on a white field (font: Klingspor) with the word Przemieszczenie was prepared at the Druckcenter in advance of the action. This sign was transported by car to Poland, to the town of Resko (Regenwalde in German), where the mother of S. Hänsen was born and lived before the war. The place where the house stood is now an empty lot. When entering the

lot from the street, there are old sheds that run along the sides of the lot, and on the far side of the lot there are trees growing and beyond these, the tracks of former German railroad tracks. The empty lot is bisected by a footpath used to cut through to shorten the way.

On the far side of the lot, M. Hüttel and Yu. Leiderman installed the signboard by leaning it against one of the trees. At this point, S. Hänsgen removed from the car and put on a black jacket on whose back was attached a photograph of the place in the Estonian village of Leesi where one can see the roof of a large abandoned house, strange in architecture and size for the small village (its purpose has not been determined). On the inner side of the jacket, on the back side was attached a reproduction of the painting *The Vladimirka Road* by I. Levitan.

Moving from the street along the sheds and toward the railroad tracks, SH turned left, walked past the signboard and returned along the footpath to the street. Having arrived via the street at a sport field (with perimeter of 100-150 meters) where children were playing, SH removed her jacket and hung it on a hanger on the webbing of the fence guarding the sport field with the Levitan reproduction facing the side of the street.

(During the action, Yu. Leiderman read the 1964 poem “Lieutenant Ernst Neizvestnyi” by A. Voznesensky, holding in his hands a guitar but not playing it.)

21 August 2013

Poland, Resko

S. Hänsgen, M. Hüttel, Yu. Leiderman, A. Monastyrski

Зимовка в земле на просеке Хайдеггера

В две металлические шкатулки в виде белых медведей были вложены следующие карты памяти с видеозаписями на них:

В шкатулку в виде идущего медведя – 6 micro sd карт с видео членов группы КД (Н. Алексеева, Е. Елагиной и И. Макаревича, А. Монастырского, Н. Паниткова, С. Ромашко и С. Хэнсен) и одна micro sd карта в адаптере, на которой помещены видео зрителей акции: Н. Алексеева, А. Ауэрбах, В. Захарова, К. Звездочетова, И. Кориной, А. Кузькина, О. Кулика, МишМаш, А. Рябовой, Г. Титова, А. Чернозатонской (у Н. Алексеева две разных видеозаписи, одна – как зрителя, другая – как члена КД первого состава). Во вторую шкатулку в виде сидящего медведя помещены две «контрольные» sd карты памяти; на одной из них – видеозапись фрески Ватагина в вестибюле Зоологического музея Москвы (два белых медведя над тушкой тюленя), на другой – видео работающего фонтана со скульптурами 2 медведей во дворе дома возле площади академика Люльки.

После чего эти шкатулки-медведи были вставлены в три пластмассовых контейнера (один в другой) с засыпанным в них абсорбентом в виде силикагеля и риса и зарыты на «просеке Хайдеггера» (рядом с Киевогорским полем) на зиму. По плану акции шкатулки с картами должны быть вырыты в следующем году (цель акции – узнать, сохранятся ли на картах памяти видеофайлы в рабочем состоянии после их зимовки в земле).

30 августа 2013 года

Просека Хайдеггера рядом с Киевогорским полем

А. Монастырский, Н. Панитков, Е. Елагина, И. Макаревич, С. Хэнсен, С. Ромашко, Н. Алексеев

Зрители акции: А. Ауэрбах, В. Захаров, К. Звездочетов, И. Корина, А. Кузькин (присутствовал на акции), О. Кулик, МишМаш (МС присутствовала на акции), А. Рябова, Г. Титов (присутствовал на акции), А. Чернозатонская (присутствовала на акции), Н. Алексеев.

Wintering in the Ground at Heidegger's Clearing

Two metal jewel-boxes in the shape of polar bears were filled with the following memory cards, containing video recordings:

Into the jewel-box, in the shape of a walking bear: 6 micro-SD cards with videos of the members of Collective Actions (N. Alekseev, E. Elagina and I. Makarevich, A. Monastyrski, N. Panitkov, S. Romashko, and S. Hänsgen) and one micro-SD card inside an adapter containing videos of the actions' viewers: N. Alekseev, A. Auerbach, V. Zakharov, K. Zvezdochetov, I. Korina, A. Kuzkin, O. Kulik, MishMash, A. Ryabova, G. Titov, A. Chernoztorskaya (N. Alekseev contributed two different recordings, one as a viewer and the other as a member of the first iteration of CA). The second jewel-box, in the shape of a seated bear, contained two "master" SD memory cards: one with a video recording of Vatagin's fresco from the vestibule of the Moscow Zoological Museum (two polar bears above a seal carcass); the other, a video of the working fountain with two bear sculptures in the courtyard of the house near Academic Lyulka Square.

After which, these jewel-box bears were placed into three plastic containers (one inside the next) along with silica gel and rice absorbent and buried in "Heidegger's Clearing" (next to Kievogorsky Field) for the winter. According to the action plan, the jewel-boxes with the memory cards are to be dug up next year (the goal of the action being to find out whether the video files will be preserved on the memory cards in working order after their wintering in the ground).

30 August 2013

Heidegger's Clearing next to Kievogorsky Field

A. Monastyrski, N. Panitkov, E. Elagina, I. Makarevich, S. Hänsgen, S. Romashko, N. Alekseev

Viewers: A. Auerbach, V. Zakharov, K. Zvezdochetov, I. Korina, A. Kuzkin (present at the action), O. Kulik, MishMash (MS present at the action), A. Ryabova, G. Titov (present at the action), A. Chernozatonskaya (present at the action), N. Alekseev.

Н. Алексеев как зритель

Н. Алексеев как член КД

Ауэрбах

Елагина - Макаревич

Захаров

Звездочетов

Корина

Кузькин

Кулик О.

МишМаш

Монастырский

Панитков

Ромашко С.

Рябова

Титов

Хэнсен

Чернозатонская

к/в "Фонтан"

135. ТРИ

(П л а н)

ПЕРЕДАЧА ИКОНЫ ПАНИТКОВУ

Н. Панитков не знал о плане акции.

В рощице рядом с метеостанцией на ВДНХ (недалеко от аттракциона "Парк динозавров") на дереве была повешена икона Спаса нерукотворного (куплена в подземном переходе южного выхода станции метро ВДНХ, со сложным рукодельным окладом в киоте под стеклом), на соседнем дереве напротив иконы на расстоянии 3 метров - большой фонарь, освещающий икону. Пришедшим на место действия зрителям было предложено подождать 15-20 минут. Когда появился Панитков, ему была вручена снятая с дерева икона, а зрителям (10 из 13) розданы сувенирные зеркала в открывающихся металлических коробочках круглой формы с изображением первого искусственного спутника Земли (1957 года) на их верхних крышках (куплены в музее космонавтики рядом с метро ВДНХ), на нижних зеркалах которых на прозрачной пленке 8 кеглем было написано название акции.

28 марта 2014 года

Москва, ВДНХ

А. Монастырский, Е. Елагина, И. Макаревич, М. Сумнина, Д. Новгородова (фото).

Зрители акции: С. Ситар, И. Кулик, Ф. Балаховская, А. Броницкая, И. Корина, А. Кузькин, О. Кройтор, Ю. Овчинникова, В. Кручинский, А. Рябова, Шарлотта Eifler, Г. Титов, И. Кулик, М. Руденко.

THE TRANSFER OF THE ICON TO PANITKOV

N. Panitkov did not know the action plan.

In a small grove next to the VDNKh metro station (not far from the fairground ride “Dinosaur Park”), an icon of the Savior Not Made By Hands (purchased in the underground passage of the south exit of the VDNKh metro station, and in a complicated hand-made icon setting with a glazed case) was hung up on a tree. On a neighboring tree, facing the icon at a distance of 3 meters, was hung a large flashlight illuminating the icon. The assembled audience members were invited to wait 15-20 minutes. When Panitkov appeared, he was presented with the icon, which had been removed from the tree, while the viewers (10 out of the 13) were given souvenir mirrors inside round metal cases with an image of the first artificial satellite of the Earth (from 1957) on the top cover, purchased at the museum of cosmonautics next to the VDNKh metro, and whose bottom mirrors contained a thin film on which the title of the action had been written in 8-point font.

March 28, 2014
Moscow, VDNKh

A. Monastyrski, E. Elagina, I. Makarevich, M. Sumnina, D. Novgorodova (photo).

Viewers: S. Sitar, I. Kulik, F. Balakhovskaia, A. Bronovitskaia, I. Korina, A. Kuzkin, O. Kroitor, Yu. Ovchinnikova, V. Kruchisky, A. Riabova, Sharlotta Eifler, G. Titov, I. Kulik, M. Rudenko.

Translated by Y. Kalinsky

"ЯВЛЕНИЕ ПАНИТКОВА НАРОДУ"

Сначала предполагалось делать в ботаническом саду нечто вроде римейка акции С. Ромашко "Взаимодействие" 1980 года, но там было слишком много каких-то бумаг, старых схем, инструкций, вообще семантической и фактурной "паутины". И вдруг в подземном переходе южного выхода станции метро ВДНХ (где я снимал торговые ларьки для акции "Ларьки") в одном из этих ларьков мне бросилась в глаза икона Спаса нерукотворного, богато украшенная искусственными камнями, особенно привлекательно и странно в витринной подсветке сияли красные большие рубиноподобные камни, укрепленные в нимбе вокруг головы. Собственно, этот красноватый световой отблеск от камней меня и притянул к этой иконе как знак "прелести", хорошо знакомый мне по "каширским" приключениям 1982 года. В этой иконе замечательно демонстрировался гипноз "внешнего", блистаний "одежды", украшательская пышность полностью подминала под себя всякое "внутреннее" содержание. Но этот эффект возникал только при определенном освещении - тогда камни лучились красноватым светом, создавая гипнотическое впечатление "прелести" (от старославянского "лесть" - ложь, обман). Увидев эту икону и исходящий от нее (во мне самом, естественно) "свет прелести", у меня тут же возник план акции на ВДНХ с этой иконой на дереве, с освещающим ее фонарем и Панитковым как адресатом вручения иконы (линия Паниткова как автора и в то же время действующего лица некоторых акций, и как коллекционера икон).

В тот же день, зайдя в вестибюль музея космонавтики "под ракетой", там же, в районе вДНХ, где в подземном переходе я обнаружил икону, в ларьке музея с сувенирами я увидел металлические круглые коробочки с крышками (типа пудрениц), на которых как-то удачно, крупно и броско был нарисован первый искусственный спутник земли, а когда открываешь эти "пудреницы" внутри оказываются два зеркала, снизу и сверху, одно обычное, другое увеличительное. Они продавались удивительно дешево - по 150 рублей за штуку (икона стоила значительно дороже - 4000 рублей). Сразу возникла мысль купить штук 10 этих

зеркал и раздать их зрителям акции после вручения Паниткову иконы. И икона, и эти зеркала со спутником хорошо взаимодействовали друг с другом на уровне "внешнего космоса", на уровне пышности и дешевости потребительской "приманки", роскошной и броской "сувенирности" фактуры и там, и там.

Впрочем, с иконой все обстоит не так просто, в ней есть не только уровень "прелести" (который на самом деле есть свойство и возможность исключительно нашего сознания, а не свойство предмета, хотя предмет может быть так устроен, "направлен", что с его помощью сознание легко впадает в состояние прелести как от какого-нибудь наркотического вещества). Эта икона при определенном освещении и контексте может быть и отличным эстетическим штиммунгом для пространственно-временного созерцания.

Погодные обстоятельства акции сложились не в нашу пользу с точки зрения комфорта: дул сильный, холодный ветер, икону на дереве раскачивало и ее пришлось привязать ниткой к гвоздику. Во время несложного монтажа иконы и фонаря сверху с дерева упала совсем рядом с нами большая и тяжелая засохшая ветка, ее сбросил сильный порыв ветра. Вообще атмосфера создалась беспокойная - недалеко от места проведения акции (этот аттракцион был в поле видимости) ревели на разные голоса куклы динозавров, сделанные в полный рост, экспрессионизма добавляли большие, корявые деревья (с одного из которых и упала чуть ли не на наши головы ветка), и вздыбленные плиты крошечной аллеи-тропинки между ними, на которой минут через 20 после прихода на место действия зрителей появился Панитков.

(Эта беспокойно-вздыбленная атмосфера акции аукнулась мне потом в ночном сне-кошмаре, типичном сне-"прелести" - видимо, таким образом реализовался для меня этот аспект иконы, - в котором я захожу в квартиру на Цандера с отсутствующей входной дверью, и в одной из комнат (в ванной?) на высокой постели типа одра или даже гроба я вижу оживший (только глазами) труп своей матери в ледяных перьях, глаза ее живы, но все тело заковано в кокон непрозрачного, белого перистого льда, и какие-то еще детали "нежизни", кошмара ледяного ада там присутствовали, явно попавшие в этот сон-"прелесть" с пышного оклада акционной иконы: бусы искусственного жемчуга на груди изображения Христа (которые и трансформировались в эти ледяные перья вокруг тела трупа матери) и т.п.).

Появление Паниткова после его двадцатиминутного ожидания (зрители не знали, что должен был появиться именно Панитков) в моем интерпретационном пространстве было скорее не "Появлением" из полосы неразличения жизни и искусства в стиле ранних акций КД, а "Явлением" - вроде "Явления Христа народу" на картине Иванова - из "картинности" (прежде всего икона создавала этот

контекст). Это происходило не на уровне событийности, реальности, где есть жизнь, обыденность с одной стороны и искусство, специальность, выделенность - с другой, то есть не в "мире", а в "картине мира", в какую превратился мир с моим личным возрастом и возрастом КД. Его фигура появилась не на целине снежного поля, или среди борозд вспаханного поля, где еще нет протоптанных троп (как это было в ранних акциях, в том числе и в его акции "Глядя на водопад" - хотя он там тоже "рисовал картину" ногами на снегу и перемещением своего тела по полю и потом подошел к зрителям, как бы выйдя "из картины"), а на узкой тропинке, узком пути, созданном временем, годами и личной судьбы, и акций КД. С одной стороны, здесь видятся "тесные врата и узкий путь", ведущие в "жизнь вечную" (из 14 стиха Нагорной проповеди), с другой стороны все это конфликтует с роскошью "внешнего", представленного на нашей иконе, врученной Паниткову. Ведь именно отказ от всякой роскоши и создает эти "тесные врата и узкий путь". Этот семантический конфликт тоже был причиной некоей умозрительной "вздыбленности" акции наряду с внешними обстоятельствами - погоды и т.д. Получив икону, Панитков засунул ее себе за пазуху. То есть известное выражение "Как у Христа за пазухой" незапланированно (это чистая импровизация Николая) инверсирует в жесте Паниткова, когда он засовывает *себе* за пазуху икону Христа.

В этом жесте происходит "выход из Текста", перевод стрелок с узкого пути "картины мира" на широкое поле просто мира, по природе своей коанического, ускользающего от определений.

А. Монастырский
30.3.2014.

PS. К атмосфере "вздыбленности", в которой проходила акция, следует добавить еще неприятный фон событий на Украине и грех "стяжательства" Россией Крыма, документально оформленное буквально за несколько дней до акции.

Примерно с 1997 года, начиная с акции "Библиотека", наметилась серия акций, которую можно назвать "В земле и на деревьях". "На деревьях" (объекты, укрепленные на деревьях в качестве центрального элемента акции), это, кроме новой акции с иконой, - "Лозунг-2005", "К", "Пересечение-2", "Три мегафона для Капитона", "Перемещение-3", "Продвижение Паниткова", "Декорация-2010", "Инсталляция Ауэрбах", "132" ; "В земле" (зарытые в землю объекты) - "Библиотека", "Библиотека-2005", "Библиотека-2007", "Зимовка в земле на просеке Хайдеггера" (протоакция в этой серии с зарыванием - "Лозунг-86").

“PANITKOV’S APPEARANCE TO THE PEOPLE”

At first, we thought that we might do a sort of remake of S. Romashko’s action *Interaction* in the botanical garden from 1980, but it contained too many odd papers, old charts, instructions, in short, too many semantic and faktural “cobwebs.” And then all of a sudden, in the underground passage leading out of the southern exit of the VDNKh metro station (where I photographed the merchant stalls for the action *Stalls*), in one of these stalls, my attention was drawn to an icon of the Savior Not Made By Hands, richly decorated with artificial gem stones; especially attractive and strange under the showcase lights were the large shiny red ruby-like stones attached to the halo around the head. It was this luminous red sparkle from the stones that drew me to this icon as a sign of “spiritual delusion,” well known to me from my “Kashirsky” adventures of 1982. This icon perfectly demonstrated the hypnosis by “external appearances,” the sparkle of “adornment”; the decorative splendor entirely seized for itself any “inner” content. But this effect materialized only under certain lighting conditions – it is then that the stones shone with a scarlet light, producing a hypnotic impression of “spiritual delusion” (from the old Slavonic *lest’* for falsehood, lie). Having spotted this icon with its emanating “light of spiritual delusion” (within myself, naturally), I immediately came up with a plan for an action at VDNKh with this icon on a tree, illuminating it with a flashlight, and Panitkov as the receiver of its presentation (in keeping with Panitkov’s authorial line and at the same time as an active participant of certain actions, as well as a collector of icons).

That same day, after visiting the lobby of the cosmonautics museum located “beneath the rocket,” there in the same vicinity of VDNKh where I discovered the icon in the underground passage, I also discovered in the museum’s souvenir shop some round lidded metal containers (the kind that might hold pressed powder) on which, in a particularly successful, large, and flashy way, were images of the first artificial satellite of the earth, and inside, when you open the “compact,” two mirrors, one regular and the other magnifying. They were on sale for a remarkably low price: 150 rubles each (the icon cost significantly more: 4000 rubles). I immediately had the thought of purchasing 10 of these mirrors and distributing them to the action’s audience members after the presentation of the icon to Panitkov. Both the icon and these mirrors with the sputnik worked well together on the level of “outer space,” the level of opulence and the cheapness of the consumer “attraction,” the sumptuous and flashy “souvenir” quality of their faktura in both cases.

Then again, the situation of the icon is not so simple: it contains something more than “spiritual delusion” (which in reality is a property and capacity exclusively of our own consciousness, not the property of an object, even if an object may be so organized, or “directed,” so that with its help, consciousness easily falls into a state of spiritual delusion as though under the influence of some narcotic substance). Under certain lighting conditions and in a certain context, this icon can also be an excellent aesthetic *Stimmung* for spatio-temporal contemplation.

The weather on the day of the action did not work out in our favor as far as comfort: there was a strong, cold wind, swinging the icon on the tree so that we had to tie it down with a string. As we were mounting the icon and the flashlight, a large, heavy, dry branch fell from the tree above and landed very near, having been dislodged by a strong gust of wind. On the whole, there was an atmosphere of unrest: not far from the place where the action took place (the fairground ride was in our field of vision) the different life-sized dinosaur puppets roared, enhanced by the expressionism of the large, gnarled trees (from one of which the branch had fallen nearly upon our heads), and the rampant tiles of the tiny footpath that ran between them, along which 20 minutes after the arrival of the audience members to the place of action, appeared Panitkov.

(The troubled-unsettled feeling of the action caught up to me later in a dream/nightmare: a typical dream/“delusion”—apparently this is how this aspect of the icon realized itself to me—in which I enter the apartment on Tsandera Street, from which the front door is missing and in one of the rooms (maybe in the bath?) on a high bed like a bier or even a coffin, I see the reanimated (but only in the eyes) corpse of my mother in icy feathers. Her eyes are living, but the rest of her body was encased in a chrysalis of opaque, white, feathery ice with other details of “non-life,” of the icy nightmare hell too, clearly having gotten into the dream/“delusion” from the sumptuous setting of the action icon: strings of artificial pearls on the chest of the Christ image (transformed into this very icy plumage around the body of mother’s corpse) etc.)

The appearance of Panitkov after the twenty-minute wait (the viewers did not know that it was Panitkov who was supposed to appear) in my interpretive space was more likely not an “Appearance” out of the line of indistinguishability between life and art in the style of early CA actions, but an “Appearance” like the Appearance of Christ to the People in the painting by Ivanov – from a “state of painting” (this was, above all, the context created by the icon). This took place not on the level of action, of reality, where life and the everyday exist on one side and art, specialization, and separation on the other. In other words, not in the “world,” but in a “picture of the world,” into which the world has been transformed in the time of my own age and in the age of CA. Panitkov’s figure appeared not into the pure snowy field or among the furrows of the freshly-ploughed field, where there are not yet any trodden-down pathways (as it had been in the early

actions, including in the action Gazing at the Waterfall – though there, too, he was “sketching a picture” with his feet in the snow and with the movement of his body along the field, and then approached the viewers as though having exited “out of the picture”), but on the narrow path, the narrow walk-way created by time, the years of both individual fate and CA’s actions. On one hand, we can see here “the narrow gate and difficult road” leading to “eternal life” (from the 14th verse of the Sermon on the Mount), while on the other, all this conflicts with the luxury of the “external,” which is there in our icon, and is presented to Panitkov. After all, it is precisely the rejection of all luxury that creates this “narrow gate and difficult road.” This semantic conflict was also the reason from the action’s conceptual “unsettledness” on the level of external circumstances – the weather, etc.

Having received the icon, Panitkov placed it next to his heart. In other words, the famous expression “next to Christ’s heart” without any planning (this was a pure improvisation on Nikolai’s part) is reversed in Panitkov’s gesture where he places the icon of Christ to his own heart.

In this gesture, an “exit from the Text” takes place, a reversal of direction from the narrow path of the “picture of the world” and toward the wide field of the world at large, by its very nature koan-like, slipping away from definition.

A. Monastyrski
3/30/2014

P.S. To the atmosphere of “unsettledness,” in which the action occurred, we should add also the unpleasant background of the events taking place in Ukraine and the sin of Russia’s “land-grab” of Crimea, formalized literally several days before the action.

Since around 1997, starting with the action Library, a series of actions can be sketched out that may be called “Underground and in the Trees.” “In the Trees” (objects attached to trees as the central element of the action) consists, besides the new action with the icon, of Slogan-2005, K, The Crossing-2, Three Megaphones for Kapiton, Translation-3, Panitkov’s Progress, Decoration-2010, Installation Auerbakh, 132; while “Underground” (objects buried in the ground) consists of Library, Library-2005, Library-2007, Wintering in the Ground at Heidegger’s Clearing (the proto-action in this series of burials is Slogan-86).

Translated by Y. Kalinsky

Н. Панитков
ПОМЕРЕЩИЛАСЬ МИШУРА
(рассказ об акции "Передача иконы Паниткову")

Где-то в середине марта Андрей позвонил и сказал, чтобы 28 числа я никуда не уезжал, так как он запланировал акцию специально для меня.. Спустя неделю он предложил мне прогуляться на ВДНХ и показал место, куда я должен придти. Это была маленькая аллея довольно старых лип рядом с аттракционом доисторического мира динозавров. Тогда я не придавал этому значения. Но когда я пришёл на акцию и увидел икону, висящую на одном из деревьев, освещаемую электрическим фонарём, которую мне тут же и вручили, и, испытав при этом глубочайшее чувство неловкости, я понял необходимость близкого присутствия столь архаичного контекста. И когда Андрей начал раздавать остальным зрителям милые коробочки с изображением спутника, парящего в космосе, я окончательно пришёл к выводу, что меня хотят оставить здесь одного разбираться с византийским дискурсом, как динозавра на детской площадке. А сами сваливают в далёкие таинственные миры на космическом корабле современности.. И только за то, что под старость лет я предпочёл очаровательное пространство русских икон 17-18 веков с любимыми мной

изображениями цветов, полей, лесов, церквей, монастырей и праведников пространству политизированного современного искусства с его интригами, конкуренцией, завистью и обидами!

Далее более пожилая часть зрителей зашла в ресторан Кавказ и для большей убедительности своего пренебрежения к традиции, включая меня, нажралась мяса (шёл великий пост), исключая Германа, который тем самым как бы оказал мне сочувствие и поддержку - за что я был ему очень благодарен. После чего все разбрелись по домам.

На следующий день Андрей прислал мне текст своего видения акции, где преобладали, к моему удивлению, термины того самого архаичного дискурса, с которым меня хотели оставить в "парке русского периода". Помимо описания погоды и времени подготовки акции, присутствовали и переживания каких-то знаков и света прелести, внутреннее содержание, внешний космос, явление Христа народу, тесные врата и узкий путь, жизнь вечная и отказ от роскоши, в конце концов автор приходит к выводу, что всё "мишура сует" и всё мишура.

31. 3.2014.

Сергей Ситар

Об акции «Передача иконы Паниткову»

Предыдущая акция, на которой мне посчастливилось побывать, называлась «Снятие красной обмотки». Она произвела на меня такое глубокое, взрывное впечатление, что намерение как-то зафиксировать, заземлить полученный опыт в вербальной форме до сих пор наталкивается на инстинктивное внутреннее сопротивление. Для себя я обозначаю эту акцию как «энергетическую». В сущности было то же, что и всегда — из каких-то разрозненных «кусочков бреда» выстроилось симфоническое пространственно-временное переживание, очевидно не имеющее ничего общего с задействованной в событии предметностью. Только, быть может, «кусочки» особенно откровенно признались на этот раз в своей никчемности и ничтожности, а переживание, наоборот, получилось каким-то особенно эпическим, триумфальным. Когда, после мучительного барахтанья в непролазном лесном снегу, мы оказались на месте, среди накрытого плутораметровыми сугробами бурелома, и когда наконец «все завертелось» — абсурдные бирюльки, абсурдные мультипликационные звуки — в эту «бескрайнюю тишину лесную» вместе со звуками вдруг проникли теплые солнечные лучи и легкие дуновения ветра, сбрасывавшие с вершин снежные шапки и заставлявшие снег играть со светом. Мизансцена претерпела «нетелесную трансформацию» и решительно перешла в тональность сна, онейрического видения. В охватившее участников и зрителей состояние «племенного транса» предельно органично вписалось решение (принятое, кажется, Кузькиным) начать жечь на снегу костер из остатков засохшей ёлки. Пламя создавало эффект «света на свете», который в моем внутреннем дискурсе давно стал чем-то вроде сквозной метафоры

деятельности КД. В общем, все было так хорошо, что вроде бы и незачем описывать словами.

В акции «Передача иконы Паниткову» также фигурировал «свет на свете», напоминая знаменитое диогеновское «Ищу человека», однако событийно-психологический горизонт был совершенно иным. В тот день случилось резкое похолодание, над монументальными эспланадами ВДНХ носился ледяной, почти ураганный ветер, как будто протаскивающий перед этим свое лоно по всем безжизненным просторам Арктики. Я хотел надеть зимнюю куртку (Оксана предупредила меня о надвигающейся стуже), и уже было надел, однако инерция предыдущих теплых деньков взяла вверх, и, уже стоя на пороге квартиры, я сменил зимнюю куртку на легкую весеннюю. В результате чувственно-созерцательное измерение события оказалось до предела редуцированным, «анестезированным» метеорологической заморозкой, и в восприятии акции возобладал символический ракурс, хотя и сильно опосредованный эстетикой.

Эта «победа символического» объяснялась еще и тем, что накануне в нашей архитектурной школе МАРШ состоялся творческий вечер Ирины Кориной, после которого я почувствовал себя родившимся заново в каком-то новом поэтическом мире. Если использовать для краткости известную и никогда особенно не радовавшую меня теоретическую конструкцию Бориса Гройса, то можно сказать, что Кориной в ее инсталляциях удается с какой-то неподражаемой мощью вскрывать «сакральность профанного» — глубинную нежность и ангельскую чистоту культурного идиотизма. С другой стороны, сам творческий жест художника предстает в рамках такой стратегии как самоубийственно-самоотверженный кеносис, радикальнейшее нисхождение, «самопрофанация сакрального» (точнее, самопрофанация жреца-творца). Причем то, что получается у Кориной, на мой взгляд, неизмеримо тоньше и в то же время универсальнее всех предыдущих попыток искусства спускаться в «ад повседневности» — от всевозможных разновидностей поп-арта до слишком «плакатных» кинических выступлений Кулика в роли собаки. Наверное, так получается потому, что Корина захватывает — и приводит к апокатастасису — не только сферу отношений и репрезентаций, но и, скажем так, всю техническую, бытовую, совершенно «беспонтовую» предметность, сплавленную до неразличимости с «природой» (которая на текущем этапе уже полностью интериоризирована человеком) — т.е. всю ту косную материальность, которой никто раньше не давал ни слова, ни шанса на спасение. Как бы то ни было, с того памятного вечера я переселился в иной мир, представляющий собой одну бескрайнюю и тотальную инсталляцию Кориной, где каждый мелкий фрагмент уже стал драгоценной частью Небесного Иерусалима. В таком вот настроении — с изумлением рассматривая окружавшую меня со всех сторон «воскресшую», «восстановленную» действительность — я шел на акцию, и тут, ко всему прочему, где-то на середине пути от станции метро к входному portalу ВДНХ меня нагнала Корина собственной персоной, быстро передвигавшаяся, как и накануне, с помощью небольшого складного самоката. Затем, когда мы, беседуя, подошли к аркам главного входа и присоединились к ожидавшей там группе зрителей, она показала мне бледно красные «подпалины» на декоративном рельефе портала, свидетельствующавшие о том, что один из цветных прожекторов ночной подсветки остался включенным, — хотя было совершенно светло (14.00) и, соответственно, требовалась крайне изощренная наблюдательность, чтобы обнаружить эту пустую

растрату электроэнергии. Этот «невидимый» свет прожектора оказался предвестием, прообразом фонаря, использованного КД в сценарии акции.

Второй важный контекст, определивший мою реакцию на «Передачу иконы», — это ситуация моих отношений с Николаем Семеновичем Панитковым, которому в данном сюжете была отведена роль протагониста. Проблема здесь заключается в том, что, с одной стороны, Н.С. — мой крестный, причем вполне определенно содействовавший тому, чтобы я принял крещение именно в РПЦ МП (перед принятием крещения я переживал мучительные колебания по поводу того, к какой именно части разделенной христианской церкви мне следует примкнуть); с другой стороны, Н.С., устойчиво идентифицирующий себя в качестве христианина, на данный момент производит впечатление человека невоцерковленного и даже сознательно сопротивляющегося воцерковлению на почве, как я понимаю, ощущения своего интеллектуально-нравственного превосходства по отношению к верхушке МП и «непросвященной» массе среднестатистических прихожан. Не знаю, справедливо это или нет, но с этим вторым обстоятельством — и шире, с влиянием Н.С. на становление моего характера — я связываю тот факт, что мое собственное воцерковление в РПЦ, можно сказать, так и не состоялось и находится под серьезным вопросом. Таким образом, надо мной постоянно висит мрачная тень апостасии в силу действия догматического принципа «вне церкви нет спасения». В то же время все, обращенное «в конфессиональном плане» к Н.С., я склонен рассматривать как обращенное также и ко мне.

Как уже должно быть ясно из вышеизложенного, вся траектория моей интеллектуально-психологической «регистрации» события на ВДНХ была априори детерминирована тектоническим процессом схождения и соединения двух перечисленных контекстов — «апокатастасического» контекста Кориной и «апостасического» контекста Паниткова. Тот факт, что в центре сюжета акции оказалась икона Спаса Нерукотворного, стал для меня в первую очередь напоминанием о том, что именно Иисус Христос есть реальное олицетворение полного — причем не только доктринального, но и практического, действенного — кеносиса, т.е. максимально возможной самоотдачи, которая преобразует, восстанавливает мир, выводя его из поврежденного грехом, оскверненного состояния. Присутствие этой иконы выглядело очень уместным на территории архитектурного комплекса ВДНХ, который изначально представлял собой что-то вроде колоссального языческого капища, и, кроме того, после распада СССР был повсеместно «изъеден» образностью еще более пагубного, порой совсем уже адского толка — ярким примером явлений последнего типа может служить находившийся поблизости от места проведения акции загон с «оживленными» средствами механики уродливыми, кровожадными доисторическими монстрами, пожирающими друг друга и издающими унылые, протяжные, наполненные чувством космической безысходности стоны. Когда же по ходу реализации сценария выяснилось, что сюжетным каркасом акции является «передача иконы Паниткову», на ассамблее моего ума была достигнута некая «вселенская конкорданция» — гармоническое соединение экзистенциального контекста (коринского) и духовно-родового (панитковского). В том смысле, что сутью спасительного церковного общения является практика смирения и удержание ума в ориентации на абсолют как реальность максимально возможного кеносиса. Не исключено, что это событие следует трактовать как признак существования Невидимой церкви, к которой по праву относится входящий в Никейско-Константинопольский Символ Веры эпитет

«единая, святая, соборная и апостольская». Так «невидимый свет» постепенно развился до метафоры «невидимой церкви».

Возникла, правда, и еще одна, одновременно результирующая и трансгрессивная линия интерпретации, связанная с раздачей зрителям зеркал и с буддийским принципом «анатман». Важность раздачи зеркал как элемента акции была подчеркнута ярким событием, случившимся под занавес в рамках канонического «пустого действия», — а именно медленным проездом по аллее, расположенной неподалеку от акционной площадки, оранжевого моторизованного павильона с огромной надписью «КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА». Аллея была отгорожена от зрителей живой изгородью из бамбука, так что мы не могли видеть колеса этого мобильного сооружения, и получилось, что в поле нашего зрения проплыла только надпись — как бы свободно перемещающийся в пространстве текст. «Зеркальная» линия, зародившаяся уже в порядке постериорной рефлексии, пролила некоторый дополнительный свет на загадочную природу человеческого сознания. Как известно, камнем преткновения в развитии современной математики и логики является понятие «множества всех множеств». Признание его чем-то существующим (даже чисто теоретически) ведет к неразрешимым парадоксам, а признание его несуществующим препятствует ясной и окончательной формализации логических аксиом. Одним из парадоксов, всплывающих в связи с понятием «множества всех множеств» является т.н. парадокс Рассела (которого, а не Гророса, часто сравнивают с кэрролловским Болванщиком в графическом исполнении Теннисла). Наиболее распространенная версия формулировки парадокса Рассела — «парадокс бороды»: если бороду поручено брить всех, кто не бреет себя сам, то должен ли он брить себя самого? Линия эпистемологических откровений, объединяющая принцип «максимального кеносиса», зеркальность и буддийскую трилакшану, отталкивается от простого рассуждения, согласно которому бородой, желая приступить к бритью самого себя, не может этого сделать (качественно, достоверно), не воспользовавшись для решения этой задачи зеркалом. С помощью зеркала он может «опредметить» самого себя, но кого он в таком случае бреет — себя или свое отражение? По какую сторону от поверхности зеркала «он сам» в этот момент находится? В применении к логике и теории множеств: если мы пытаемся охватить в акте опредмечивания всё, включая самих себя, и таким образом создать «множество всех множеств», то, как демонстрирует история с бородой, этому устремлению непременно сопутствует растождествление между «собой опредмечивающим» и «собой опредмечиваемым». Можно также сказать, что появление на сцене зеркала удваивает мир как гипотетическое «множество всех множеств», а когда миров становится два, то ни один из них уже не может претендовать на статус «истинного», в том числе и с чисто логической точки зрения (или а, или не-а; закон исключения третьего). Вот эта недостижимость самотождественности, неразрывно связанная с выявленной Гуссерлем интенциональностью человеческого сознания, и лежит в основе, как я теперь понимаю, отрицания буддизмом категории индивидуальной и субстанциональной души — «атман». Получается, в частности, что техническое построение искусственного интеллекта, в полном смысле подобного человеческому, абсолютно невозможно, поскольку живой человеческий интеллект никогда не является полностью «частью мира» — то есть чем-то, что можно теоретически опредметить, смоделировать и изготовить, — но вместо этого он существенным, непреодолимым образом растянут, размазан по «не имеющей толщины» поверхности зеркала, по непрерывно и всюду возникающей внутренней границе предметного мира. И именно

в момент «максимального охвата», то есть максимально исчерпывающего понимания и, стало быть, максимального кеносиса, ум неминуемо оказывается дестабилизированным, осциллирующим между «множеством всех множеств» (тотальным утверждением) и его зеркальным двойником, то есть его отрицанием, «тотальной негацией». Единственным способом существования развитого человеческого ума становится поэтому всеохватывающая диалектика, то есть непрерывное скольжение по фиктивно-реальной внутренней границе, тончайшему водоразделу между двумя темными безднами — действительностью и ее отражением.

Остается добавить, что с такого рода рискованным состоянием «балансирующего канатоходца» отчетливо ассоциируется одна из популярных внутриконтестуальных расшифровок фамилии «Панитков» — «идущий по нитке».

А. Кузькин

Это был такой день.

Вчера я выпил бутылку водки. Практически в одиночку. Кройтор выпила всего одну рюмку. Обычно я не пью в таких количествах. После мы пошли на железную дорогу и там лежали на откосе на сухой траве. Был уже вечер. Потом мы притащили домой бетонную плиту. Эти плиты закрывают водостоки вдоль железной дороги. Они не большие, но довольно тяжелые. Мы втащили плиту на откос, а потом я сходил за мопедом и мы ее довели на багажнике. В плите посередине небольшая квадратная выемка – как паспарту. Не знаю, зачем я ее притащил, и что с ней дальше сделаю, и сделаю ли что-то. У меня была такая картина – бетонная плита, смонтированной в нее белой кафельной плиткой, на плитке трафаретная надпись черным «больше всего на свете я люблю есть и трахаться» - сейчас эта плита в одном из металлических ящиков. Вот. А на этой плите я думал нарисовать верхушки сосен, но потом передумал.

С утра у меня болела голова, и я был слегка мутный. Мы поели что-то, вроде яичницы, и поехали на акцию. Было жутко холодно, но солнечно, дул очень сильный, как говорит моя мама – «пронизывающий» ветер. Все мерзли и прятались за колонны у центрального входа на ВДНХ. Сумнина дала выпить воды, с какими-то можжевельными каплями и стало чуть легче. Я был в легкой кепке и голова, несмотря на то, что я натянул 2 капюшона, мерзла. А кепка эта дурацкая - я ее у Мачинского на даче взял, когда он меня на свое любимое болото возил, потому что свою потерял, пока мы там ходили. Она черно-красная и написано белым «Яндекс» посередине. Вообще у меня вся одежда грязная и дурацкая стала. А покупать не могу. Ну и ладно. Вот. Ну мы пошли компанией, когда все собрались.

Я последний раз здесь с женой был где-то год назад, а может меньше. Осень была или весна, но что-то похожее по погоде. Наверное, все-таки осень. Я с женой не живу, но иногда, очень редко, мы встречаемся и с детьми ходим вместе. Вот. Я шел пока, на ту встречу, ко мне пристал кришнаит, где-то в районе памятника космического, - начал с того, что сказал, что я похож на испанца, и этой фразой льстивой меня расположил к себе. Ну и в результате всучил мне книгу «Веда, тайны востока», а я ему сто рублей дал. Ну, в общем, это какая-то современная публицистика на их темы кришнаитские – хуй знает что. Я потом пожалел, что взял эту книгу.

Мы тогда с женой ходили на детский праздник. Там всякие аттракционы были и развлечения для детей, батуты и тд. Но Ося почти все время смущался, впрочем, как всегда, и ни в чем не хотел участвовать. А потом, пока я выходил курить, вообще облился кефиром и сидел весь в слезах и соплях. Потом он все-таки полез в этот батут надувной и там заблудился. Я думаю - что-то его долго нет - пошел посмотреть а он стоит там в углу и не знает куда лезть, вокруг дети снуют потные. Ну его какой-то мальчик потом вывел оттуда. Мы еще купили самолет пенопластовый и пускали его на улице – правда он врезался в дерево и у него кусок крыла отвалился. Но я сбегал и поменял на новый. И клей мне посоветовали для починки - для навесных потолков из пенопласта – «Гигант», по моему, называется. Потом Фаня – это дочка моя, у меня на плечах заснула, и свисала таким кульком сопящим. Наташа еще сделала фотографию, я на ней правда срезанный какой-то получился. Ну не важно.

Вот.

Ну тут мы, в общем, шли долго на этом ветру. Титов, кстати, мне руку пожал, а рука у него жесткая-при-жесткая, как каменная, я думаю – да, крутая рука. А я слабый стал совсем. Живу слабо, как-то, вот и слабый. Но об этом не стоит.

По дороге там был еще такой загон с динозаврами игрушечными, здоровыми, в натуральную величину. Они орала и головами мотали из стороны в сторону. А чтобы их видно не было, ну чтобы деньги за их просмотр брать, их огородили забором сетчатым и на него баннер повесили во всю длину. Но мы на ступеньки соседнего здания залезли, и все равно на них посмотрели, бесплатно. Вот. А потом дальше пошли. Там уже не далеко было. Пришли на место.

Монастырский там за деревьями прятался от ветра и еще кто-то Макаревич с Елагиной, вроде. Место было такое – несколько елок не больших, а к ним подходит что-то типа аллейки из гигантских, каких-то не русских, деревьев. Дорожка между ними плитами выложена, и они эти плиты своими корнями из земли выломали и переко Sobочили все. Так очень красиво получилось. Романтично. Немецкий романтизм. Ночные всадники и все такое. Подошли мы, а к елке икона прикручена, такая вся расфуфыренная, в окладе, с жемчугами. Ну, ширпотреб то есть. А к другой елке фонарь, и он на икону типа светит, хотя этого не видно, поскольку день и солнце яркое. Монастырский говорит, что мы тут должны стоять 15 минут. Вот сюда вставайте между елок. Ну, там как-то особо никто стоять не захотел, все мерзли и топтались, а я прижался к дереву не русскому, где ветра поменьше и застыл там. Все ждали томительно, когда 15 минут истекут. Монастырский сообщил, что пока они тут копались, икону вешали, с не русского дерева упала большая сухая ветка и его чуть не пришибла. Почему я все время напирваю на эту «не русскость» видимо на

меня действует все это вокруг – нац-пропаганда, начитался новостей, и поперло, поперло, всякое говно из головы. Стоп.

Когда 15 минут, наконец, прошли, появился Панитков, я его уже видел и знал, а вот Ромашко так и не довелось пока повидать. Я сначала думал, что Панитков это Ромашко. Но теперь уже так не думаю. Мне всё объяснили. Когда Панитков пришел...

(щас я пиццу поем и продолжу описание это...)

когда Панитков подошел, он красиво так подходил через поле с сухой травой, или мне показалось это....

Вот он подошел, а Монастырский икону от дерева открутил и ему отдал, а он все посмеивался так про себя. Он вечно такой посмеивающийся, я обратил внимание, еще в прошлый раз. Тогда он грибы собирал всю дорогу.

Да, а стоять между елками еще никто не хотел, потому что там камера была прикручена, которая снимала как раз эту зону, я сейчас вспомнил.

Ну в общем, Паниткову отдали икону, а всем остальным Монастырский раздал такие зеркальца типа пудрениц, снаружи там спутник, и написано про космос что-то памятное, а внутри зеркальце и надпись мелкими буквами - «передача иконы паниткову». Потом все с этими зеркальцами фотографировались. Постановочная групповая фотография. А потом пошли есть.

Когда проходили мимо динозавров, порыв ветра повалил кусок забора, и было ощущение, что это динозавры взбунтовались, и сейчас из-за забора на нас нападут, и что это они забор повалили.

Потом молодые и старые разделились. Это был какой-то непонятный момент - мы впереди шли, есть ужасно хотелось и вообще греться, кто постарше сзади, ну и обсуждали, где есть будем. И мы остановились их подождать, и тут Монастырский говорит – ладно мы типа пошли туда, пока. Ну, или что-то в этом роде. По крайней мере, я так понял. Ну хорошо. Мы пошли в «Лагманную». Я взял лагман, два чебурека, стакан пива и кофе. Поел, выпил, стало как-то легче. А потом Сумнина говорит, что они нас в «Кавказе» ждут. Мы с Кройтор говорим – как так? Мы же вроде попрощались и вообще они отдельно? Сумнина говорит, нет мол, пошли к ним, мы типа не поняли ничего.

Ну ладно пошли.

Вышли опять на этот ветер и мороз, и пошли в «Кавказ», который оказался «Владикавказом», и был сразу за «Лагманной». Там в зал надо по ступенькам подниматься, по внешней стороне здания, и нам говорят вы идите выше, на третий этаж, там для курящих, а мы говорим, нет нам сюда надо, а они, хозяйка этого ресторана, очень не хотели, чтобы мы туда шли, но пустили все-таки, куда деваться, сигареты мы потушили. Вид у нас видимо не тот, не подходящий.

Зашли, а они говорят у нас мест нет, а мы говорим, мы вместе с этими, и показываем на стол, где Монастырский сидит и вся компания взрослая, а они недоверчиво смотрят так... Ну взяли стол, подвинули уселись кое-как. Меня стало в сон клонить, от пива выпитого и от этой ситуации двусмысленной с самого начала. Я в угол сел на диван и сижу, думаю – я алкоголик-наркоман и меня вообще в этой жизни ничего не касается (хотя я на самом деле не алкоголик и не наркоман) И так полу-сплю. Потом заказали чай и бутылку водки на всех. Баба эта официантка, или кто она там, обслуживала по хамски, ворчала и ругалась, отказывалась стаканы нести и всякий другой бред. И от взрослых мы как бы все равно сидели через пробел, хоть

формально столы и сдвинуты были. А во главе стола у них «взрослых» та икона стояла. Потом Титов первым ушел, собрался и ушел, хотя обычно за всех платит. Ну и все тоже постепенно засобирались. Я выпил три стопки водки, и ко мне вернулась бодрость. Выйдя из «Владикавказ», мы уже совсем попрощались со взрослыми, и в составе: Сумнина, Кройтор, Руденко, Корина и я, пошли бродить по ВДНХ. Почти сразу нашли гигантскую пчелу, она мягкая оказалась, - поролон с силиконом. А у цветка, на котором она сидит, лепестки розовые и по форме как языки. Несколько этих лепестков снято было и тут же на земле валялось. Стали фотографироваться с ними в ракурсах таких, будто это у тебя такой язык огромный. Потом дальше пошли. Там на зверей разных лазали, на театр обветшалый в дырку забора смотрели. А потом, я пописать в лесок отлучился, и когда выходил, нашел ржавую пирамиду с хвостиком из арматуры кривой сверху, и флажком, тоже металлическим.

Женщины, оказывается, ее уже до меня нашли, но брать не стали, потому что под ней была нора крота. Ну а я взял. Надел ее на голову и так ходил всю дорогу. Там можно было два варианта ношения делать – можно было целиком туда голову убирать, но тогда идти сложно, а можно, так чтобы лицо торчало. Я когда садился, сдвигал пирамиду вниз, а когда шел, отодвигал назад. В общем, я эту пирамиду домой увез. Она теперь у меня стоит. Глаз радует. Еще мы из трубы дохлую, синичку
вытряхнули.

Как-то так вот.

Не

судите

строго.

Кузькин 12.04.2014.

(фото И. Кориной)

О. Кройтор
Об акции с иконой

За день до акции А. Кузькину позвонила Маша Сумнина и сказала, что я могу поучаствовать в акции КД. Это было неожиданно, так как я «никогда уже не надеялась», что это произойдет со мной. Я прочитала почти про все акции КД более 2 лет назад, когда в мастерской был интернет только с 10 до 18, и только по будням. В остальное время его не было, так что можно было читать, думать или смотреть фильмы на дисках.

Так как мне свойственно делать несколько дел одновременно и хаотично, то и книги я читаю подобным образом. Одновременно со сборником акций КД я читала «Каширское шоссе» Монастырского. И так где-то 2 года назад. Было уже поздно, захотелось есть. Во время еды и ее готовки - обязательная процедура когда один - смотреть фильмы. Я начала к тому моменту смотреть диск с подборкой фильмов Ким Ки Дука.

Я вставляю закладку в книгу, отправляюсь готовить. На очереди фильм «Весна лето осень зима и снова весна», выбираю не по описанию, а по звучности названия. Ем, мою посуду, досматриваю фильм до конца. Опять возвращаюсь к книге. Новый абзац начинается с текста, в котором Монастырский пишет, что недавно посмотрел фильм «Весна лето осень зима и снова весна» Ким Ки Дука...

В день акции утро было тяжелое, связанное с похмельем и ранним подъемом. Было морозно солнечно. Но в метро было на удивление спокойно.

Приехали не первыми - часть участников уже ютилась в одном из закутков у входа - туда меньше попадал ветер. Надо сказать - все были одеты не по погоде - было ужасно холодно, что усиливалось сильным ветром. Маша Сумнина дала Андрею бутылку воды и какие-то капли елового вкуса - это должно помогать от похмелья. Мы напополам пили эту чудо-воду.

Все собрались и мы отправились к... мы не знали куда - нашим проводником была Сумнина (но ориентировочно конечно туда, где есть Монастырский, потому что его среди нас не было). Пока шли - говорили о чем-то.. мало помню о чем - помню, что было жуткое ожидание - ну когда же! во-первых - как я уже писала - было невероятно холодно, во-вторых - хотелось уже действия. Это как у ребенка, ждущего праздник - вот ты идешь с родителями, добираться как-то долго - и ты не знаешь - как именно это будет, и еще хуже - где. Самое отвратительное ощущение - это непонимание времени, и вопрос «А долго еще? Сколько минут осталось?». Сейчас этот вопрос было задавать неуместно, хотя ужасно хотелось... И вообще - я старалась не задавать вопросы, так как не так давно Кузькин во время своей акции сказал мне, что во время акции задавать вопросы нельзя.

Мы дошли до огороженной забором территории - за ней раздавался какой-то рев - это было странное место для развлечения детей - множество механических-неправдоподобных динозавров - а точнее штук 15. Их можно было увидеть если заглянуть в промежуток отклеившегося от металлической основы баннера. Ну или поднявшись вверх по лестнице соседнего здания. Динозавры нелепо двигались взад-вперед или мотали шеей влево-вправо.

Но оказалось, что нам надо идти дальше, да и А.М. по близости не наблюдалось.

Динозавры, динозавры... а вот и спустя пару минут - перед нами, посреди неожиданного островка деревьев - Монастырский и товарищи. На одном дереве висела икона, на противоположном - фонарь, освещавший ее. Еще на одно дерево был прикреплен видеорегистратор. А.М. сказал, что пока они нас ждали, на них упала ветка дерева - и продемонстрировал ее нам. После чего всем присутствующим было велено - стоять в центре деревьев - там где висела икона и фонарь, чувствовать. Я в свою очередь - ни с кем не поздоровалась - потому что мне казалось, что это может нарушить процесс - потому что они там уже давно и с ними что-то уже происходит. Переминаясь - все толчились внутри, потом снаружи волшебного круга деревьев. Рядом стояла странная ель с разноцветной мишурой. Ждали чего-то... Оказалось кого-то..

Спустя минут 15 появился Николай Панитков. А.М. срезал как яблоко - икону с дерева и вручил ее ему. После чего Монастырский раздал участникам акции коробочки, внутри которых лежали зеркальца, на крышке которых был изображен спутник, а внутри, на зеркальце с максимальным приближением текст «Передача иконы Паниткову». Сделали финальную групповую фотографию!

После чего отправились в кафе есть и греться.

И вот мы возвращаемся к ребенку на празднике - который так ждал - так ждал! что в самый ответственный момент не понял, что вот оно - все уже происходит. На что я сильно на себя разозлилась. То ли дело было в погоде, то ли в похмелье - способность восприятия в тот день была понижена, что меня злило. Странное разделение - объединение - наблюдение со стороны. Потом все же большая часть участников покинула ВДНХ, ну а мы небольшим составом продолжали бродить, натываясь на странные островки отголосков жизни.

Прошла неделя. После чего был странный день - описание которого я в виде письма отправила А.К.

«Мне кажется, пока такое наблюдение - акции меня пробуждают. или наоборот погружают в сон. В смысле событий после.

вот я думала, что так для меня акция и прошла в непонятном состоянии

как у ребенка, который ждет-ждет праздника, а потом праздник приходит, и происходит что-то, но то ли ты не готов, то ли правда, так много ожиданий, что получается скомкано.

В общем акция ко мне пришла сегодня, когда я ее совсем не ждала, я сходила, сдала документы на загранпаспорт, где сидела очень злая женщина, и я боялась, что она не примет документы (так как место работы надо заверять на работе).. Она внимательно читала и ругалась, что надо было заполнить не от руки, и что анкета у меня плохая (потому что картридж заканчивается, и не все распечаталось))) Я сидела, и думала, что сейчас она придерется к тому, что написано в пункте номер 1 на подаче заявлений - заверения с работы.

Но я вспомнила, что если представить, что этому человеку хорошо, то это ощущение передастся на человека про которого думаешь.

Я сидела и представляла ее на море, с мужчиной, с бокалом вина. Сначала в купальнике, потом в платьях струящихся (этой женщине, мне кажется, именно этого и хотелось. Кстати, единственная приятная в ней деталь - это огромные серьги в форме крестов). В общем, мне кажется, удалось поднять ей настроение - и она приняла все документы. Да, и теперь у меня есть первая "Фотосессия на документы" от которой не осталось лишних фото - 2 ушли на русский, 2 на загран.

так вот. Я пошла к автобусной остановке, и по пути направилась в табачную палатку, в которой и прошлый раз покупала сигареты. Около палатки стояла

маленькая девочка, которая показывала какую-то детскую книжицу-тетрадку (видимо в которой она выполняла какие-то задания) продавщице. Пока параллельно ее показываниям я покупала сигареты - мой взгляд наткнулся на обложку этой тетради. На ней стояли ее ФИ "Сумнина Анастасия". я не поверила своим глазам, и еще раз посмотрела - надпись осталась неизменной.

Я задумчиво побрела дальше. Первая мысль была - а может это какая-то их родственница? Мне не кажется, что это распространенная фамилия... А вот если так, то надо найти зеркальце.....НО! я уже видела зеркало! за минуту до табачного киоска, так как проходила мимо помойки, в которой ковырялась женщина, а рядом с помойкой стояло зеркало - прямоугольное, как из шкафа, высотой около метра, шириной около 40см. Я засмотрелась на него потому, что хотела насобирать много таких зеркал, но не стала брать, так как хранить мне его негде, и еще предстояло ехать....

проходя палатку союзпечати, я как всегда загляделась в витрины и увидела то, что на фото прикрепленном, журнал про луну, землю, с чем-то...похожим на то зеркальце, но так и не поняла, что это..

А закончилось тем, что переходя дорогу на октябрьской я увидела африканца, в точно таких же строительных штанах как у тебя.»

Эхом отразилась передача иконы Паниткову. Теперь я была рада.

М. Руденко

Рассказ об акции КД "Передача иконы Паниткову"

28 марта 2014 года состоялся мой первый опыт участия в акции Коллективных Действий.

Выглянув с утра в окно и порадовавшись яркому солнцу, на термометр я даже не взглянула - о чем неоднократно вспоминала в дальнейшем. На улице оказалось несколько холоднее, чем в предыдущие дни - но возвращаться-утепляться совершенно не хотелось и я сразу отправилась к трамвайной остановке.

Вместо трамвая приехала маршрутка, поэтому на ВДНХ я оказалась гораздо раньше, чем планировала. Решила скоротать время в новом торговом центре по-соседству, изучив ассортимент двух его магазинов: обувного и детского. Других магазинов там не было, посетителей тоже не было - но зато было много сотрудников, которые сидели на лавочках в холле, общались между собой на своем языке и громко смеялись.

Заняв свободную лавку, я решила посмотреть ленту новостей на Фэйсбуке и через какое-то время наткнулась на фотографию с аркой центрального входа ВДНХ, на которой был отмечен Андрей Монастырский. Поставила лайк и отправилась к месту встречи, по дороге размышляя о том, что на первых акциях КД ни Фэйсбука, ни интернета, даже телефонов мобильных не было. Организоваться, договориться, встретиться - все гораздо тяжелее. И много противоречивых мыслей по этому поводу было у меня в голове, до тех пор пока я не дошла до центрального входа. Там меня

уже волновали более конкретные вопросы: а вдруг я что-то напутала со временем, или меня не дождались и ушли, ну и наконец - а что если я никого не узнаю?!? - ведь точный состав участников акции мне был неизвестен. Вообще поскольку я первый раз принимала участие в подобном мероприятии - немного нервничала.

Никого похожего на потенциального участника акции под аркой не было, и когда я поняла что пришла первая - успокоилась. Было очень ветрено, я спряталась в закуток, куда как будто бы меньше задувало. Там меня и нашла Маша с друзьями. Потихоньку стали подтягиваться остальные участники акции - тоже в закуток. Всем казалось, что там чуть теплее. Разговаривали в основном о погоде. И еще очень порадовала история Анны Броницкой, с которой только познакомились. История о том, что несколько дней назад Всероссийский Выставочный Центр официально переименовали обратно в Выставку Достижений Народного Хозяйства. Ну это просто замечательная новость! Даже вспомнился случай с детским школьным сочинением, в котором единственной ошибкой было перечеркнутое красной ручкой ВДНХ, исправленное учителем на ВВЦ.

В итоге дождались практически всех: Ирина Кулик запаздывала, но решили что она нас догонит. Действительно было холодно стоять на одном месте, всем хотелось уже пойти - думаю причина в этом. Хоть и относительно других, я была наименее подготовлена и прохладно одета, меня грел мой энтузиазм по поводу первого участия в акции и уже изначально я смирилась с тем, что будут проблемы с погодой, да и вообще придется не сладко. Из каких-то обрывочных знаний - книг, лекций и рассказов - у меня сложилось впечатление об акциях Коллективных Действий, будто бы с погодой всегда что-то не так и все куда-то долго идут без четкой цели, устают, даже можно сказать страдают, а в итоге все заканчивается каким-то перформативным действием и массовым инсайтом (или нет). Вообще я была в крайнем нетерпении и мне действительно хотелось пережить этот опыт самой.

Нам предстояло пройти через все ВДНХ, практически до павильона Космос. В дороге все общались, Маша делала фотографии, Юлия вела видео-съемку. Я иногда перекидывалась с кем-то несколькими фразами, но в основном стеснялась и была погружена в свои мысли. Размышления опять же касались в основном ВДНХ - у меня очень многое связано с этим местом: здесь познакомились мои родители, мы часто гуляли тут всей семьей, здесь же я и работала, всех иностранцев вожу в Круговую панораму, сама облазила все павильоны, забиралась на крышу Космоса, знаю где лучшие чебуреки и пончики, а как-то - перебрав портвейна в дегустационном зале - украли шкуру лисы с выставки меха, правда спустя несколько месяцев в соседнем павильоне украли мою инсталляцию из куриных скелетов, что в принципе является вполне равноценным обменом. Вообще приключений и историй очень много, их я и перебирала всю дорогу в своей голове. Пока мы не дошли до загона с динозаврами, и метеостанция рядом, сбоку аллея со старыми сухими деревьями. Там нас и ждал основной состав Коллективных Действий: Андрей Монастырский, Елена Елагина и Игорь Макаревич.

Когда мы подошли поближе, Андрей сказал что в этом месте мы должны побыть какое-то время. На одном из деревьев висела икона с Христом - Спас Нерукотворный. Одна из тех икон, которые продаются в подземных переходах,

сувенирного типа - для красоты. Вместо божественного света или хотя бы просто свечек - икона была осве(я)щена фонарем, прикрепленным к соседнему дереву. На третьем дереве висела камера, записывающая все происходящее. Мы ждали. Удалось погрузиться в атмосферу этого места: шум деревьев под порывами ветра, звуки, доносившиеся от динозавров, разговоры участников, пролетающий мимо вертолет еще когда мы только подходили - целая палитра звуков. Периодически я вспоминала об упавших от сильнейшего ветра сучьях сухих деревьев и с опаской поглядывала вверх, еще мне казалось что икона вот-вот упадет, но на деле она была хорошо закреплена. Также я размышляла о том, что наверняка на первых акциях КД не у каждого был фотоаппарат и возможность зафиксировать происходящее полностью, тогда как сейчас у всех есть разнообразные девайсы, позволяющие записывать видео и делать неограниченное количество фотографий: неизбежная дань современности. И вовсе не пытаюсь критерияльно оценить эти изменения, но учитывая тот факт, что раньше все было по-другому. Интересно было рассматривать участников акции во время ожидания чего-то, еще не всем известно чего. Некоторые много фотографируют, в основном на цифру, кто-то мирно беседует, другие в одиночестве поодаль думают о чем-то своем, прохаживаются туда-сюда.

Действие завершилось появлением Николая Паниткова и передачей ему иконы. Точное название акции стало известно, когда Андрей раздал всем зеркальца с космическими спутниками, внутри которых была наклейка с надписью "Передача иконы Паниткову". Сувенирные зеркальца со спутниками напомнили о павильоне Космос, в котором сейчас продают семена, а также все для огорода. Некое обесценивание и подмена символов.

Акция закончилась совместной групповой фотографией. Я была очень рада своему участию и зеркальцу со спутником, как материальному воспоминанию обо всем произошедшем.

Ветер не стихал и по дороге обратно сильный порыв прямо перед нами опрокинул металлический забор загона с динозаврами. Ничего серьезного и никто не пострадал, динозавры не разбежались. Мы пошли дальше и разделившись на заслуженных мэтров и молодежный сектор отправились по кафе, согреться. Вновь объединились в кафе "Владикавказ", более серьезно отметить все произошедшее, и снова разошлись.

Уже урезанным составом: Мария Сумнина, Андрей Кузькин, Оля Кройтор, Ира Корина и я еще несколько часов в поисках приключений бродили по ВДНХ, периодически натываясь на разнообразные интересные.

ПОДЗЕМНАЯ ПЯТИЛЕТКА

По прошествии года нами были выкопаны из земли две шкатулки в виде фигурок белых медведей с картами памяти внутри них (см. текст акции "Зимовка в земле на просеке Хайдеггера"). Карты памяти оказались в рабочем состоянии.

Затем точно таким же образом и в ту же яму была зарыта шкатулка в виде фигурки белого медвежонок с картой памяти внутри, на которую были скопированы материалы акций КД (сайт С. Летова "Московский концептуализм" - 14456 файлов, несколько видео акций КД, проведенных в разные годы на Киевогорском поле, включая акцию "Русский мир" 1985 года, pdf-файлы книг Библиотеки Московского концептуализма Германа Титова и другие материалы из архива КД) и с дублирующей ее содержание флешкой фирмы Adata 32 гб.

Предполагается, что медвежонок с файлами будет выкопан из земли не ранее 2020 года.

26 августа 2014 г.

Киевогорское поле под г. Лобня

А. Монастырский, Н. Панитков, И. Макаревич, Е. Елагина, Г. Титов, М. Сумнина, А. Чернозатонская, Д. Новгородова.

137. The Underground Five-Year-Plan

At the end of a year, we dug up out of the earth two jewel boxes in the shapes of white bears containing memory cards inside (see the text of the action Wintering in the Earth in the Heidegger Clearing). The memory cards turned out to be functional.

After this, exactly the same way and in the same hole, we buried a jewel box in the shape of a white bear cub containing a memory card on which we had copied the materials of CA actions (S. Letov's site "Moscow Conceptualism" – 14456 files, several videos of CA actions, wwhich had taken place in various years on the Kievogorsky Field, including the 1985 action Russian World, pdf files of the books of German Titov's

Library of Moscow Conceptualism and other materials from the KD archive) and an Adata 32GB flash drive containing the same information.

We assume that the bear cub with the files will not be removed from the earth any earlier than 2020.

26 August 2014

Kievogorsky Field near the village of Lobnya

A. Monastyrski, N. Panitkov, I. Makarevich, E. Elagina, G. Titov, M. Sumnina, A. Chernozatonskaya, D. Novgorodova.

Translated by Y. Kalinsky

А. Монастырский

Пространство съедено медведями вместе с нами

Большие белые снежные поля ранних акций КД трансформировались (стянулись) в крошечные фигурки белых медведей-шкатулок, белых обитателей снегов! Пространство, которое и демонстрировалось, и переживалось в акциях КД, это пространство больших снежных полей, ушло как бы внутрь белых медведей, в

полости, во внутреннюю пустоту их шкатулок, БЫЛО СЪЕДЕНО МЕДВЕДЯМИ, и таким образом объем пространств КД оказался внутри, а не снаружи "шарового дискурса" (дискурсивно-ментальные касания к "оболочке шара" происходят теперь изнутри, а не снаружи) и выступает (в сюжете) в качестве носителя активированной линии времени - времени нахождения этих фигурок медведей под землей в "пустом действии" акций (в данном случае - "Подземная пятилетка"). Мы и сами как участники(= *участки*) акций в различных формах документации и фактографии тоже оказались внутри медведей ("съедеными") исключительно на уровне (и поле) фактографической событийности "вопроизведения" жанра "поездок". Сами же поездки (=акции) перестали (для меня во всяком случае) сопровождаться переживанием особого "акционного времени" (оно перешло из сферы чувства в умозрительную сферу-полость "внутри медведей"), заняв свое место в парадигме бытовых (и косных) событий жизни.

Здесь прегнантность времени не проявлена никак, ни в каких формах - это чистый процесс протекания пустоты - в отличие от прегнантно набухающего (раньше) пространства-времени "Зимовки в земле на просеке Хайдеггера", которое и породило (по "шизофазе" поэзии через двух медведей-родителей, наполненных видео зрителей-участников) медвежонка подземной пятилетки.

3.12.14

А. Кузькин

О том как я побывал на раскопе (26.08.2014)

Дело такое.

Сумнина Маша требует рассказ считает, что ценно это. Я же не знаю. Ну ладно хотя бы проявляет интерес к моей персоне кто-то и слава богу. Пойду на поводу у нее и напишу о том, что было. Пусть.

Было так. Я дом строил две недели. Непросто, но в кайф. Дом мечты, не для жизни полноценной, а для пребывания духа. Не было там, соответственно, ни сортира ни стола ни стула – ничего внутри. Только окно большое вместо одной стены. И вид вдаль на поле и реку и ничего более.

Построил в конце концов, боролся с дождями и другими природными явлениями – закончил, а в конце заболел – поднялась температура, и на третий день пошли прыщи. Ветрянка. Я в Москву уехал. В это место бесконечной скорби. Дверь открыл свою и понял сразу все. Что опять ждет меня не дожидается тоска моя тут. Каждый угол исхожен вдоль и поперек. Каждая вещь хочет, чтобы ей нашли место. И темно всегда, потому, что это подвал. И вот, значит, опять бессмысленно круги наворачивать по квартире – взад вперед – пока тапки не сотрутся, и не придется покупать новые. Я понял это, и позвонил Сумниной по телефону, потому что знал, что завтра у Мони акция, и я приглашен. Что год назад мою тоску зарыли в землю и завтра вновь должны отрыть, проверить как она там, не покрылась ли пылью, не заплесневела ли совсем. Ну а Сумнина говорит мне – ты заразный, тебя не возьмем, все боятся болезни и в конце концов смерти, которая у многих сидит на носу. Ладно – сказал - я сам тогда поеду, может быть, и залягу в поле с биноклем на расстоянии, и буду смотреть, а то дома быть невыносимо, хоть какое-то дело – развлечение и природа, в конце концов. Позвонил Кеше, забрал у Козака камуфляж, у Делоне, объектив длиннофокусный - сел на мопед и вперед погнал. На Дмитровке перед МКАДом замешкался, вправо, влево не смог решить, и въехал в бампер впереди стоящего автомобиля по касательной - поздно стал тормозить. Поднялся – мопед в порядке – на бампере микро царапина, лодыжку потянул, немного - хромаю. Мужик рукой махнул на царапину – еду дальше. Поворот проскочил – по пешеходному переходу разворот, назад чуть и направо – есть, дальше переезд и еще чуть. Приехал, время - полчаса до назначенного прибытия всех – мало – через поле в лес.

Ставлю мопед – маскирую – пакеты под мусор зеленые – тканые, ветки еловые – на себя нацепил камуфляж - рюкзак под зеленый плащ. Началась игра – типа

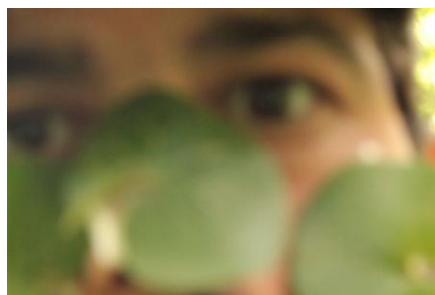
«зарница». Ты их увидь - они тебя нет. Вышел на место, нашел сразу, бегаю кругами ищу точку, где залечь, осматриваю деревья – может наверх залезть. Нашел, вроде - кусты густые, просмотр так себе, но есть - выложил вещи, еловые ветки накидал поверх. Пошел еще обойти круг, может, найду лучше - и тут слышу - идут. Кинулся в лес в противоположенную сторону. Обошел кругом и уже по-пластунски заполз в свое укрытие. Достая фотоаппарат. Щелкаю, к земле прикикая, периодически. Слышу разговоры. Тут Панитков в мою сторону двинулся, грибник ебанный - слава богу прошел стороной – за моей спиной где-то шарится. Вижу краем глаза – обратно пошел. Пронесло. Снимаю дальше – ветки мешают сильно, но ничего – экспрессивный эффект. Отрыли коробку, смотрят на мониторе файлы, смеются. Сумнина коленопреклоненная в изумрудном платье как пьета или что-то в этом роде. Мелькает сквозь листья Титов в белом – где же его охрана, а вдруг я террорист. Елагина с Макаром, нет не с пистолетом, а мужем своим, Макаревичем. Новгородова курит – тонкие сигареты выбрасывая каждый раз далеко руку. Шура суетится с лопатой. Всё. С этим закончили. Теперь коробка Титова. Она в стороне – мне ничего не видать. Решил поменять точку. Обхожу дальним кругом, но лучше ничего не найти, а ближе подходить стремно – заметят. Рывком основную тропинку перепрыгиваю, на ней в отдалении стоит Макар, но смотрит в другую сторону. Медленно возвращаюсь назад. Опять в ложбину. Обнаглел, встаю в рост. Щелкаю затвором. Ловлю Сумнину, и тут она смотрит прямо на меня – увидела – нет - не знаю. Поднадоело – они едят, я тоже решил поесть, и даже выкурил сигарету, дым в землю пускаю. Ну вот уходят – Титов Елагина и Макар срулили еще раньше. Теперь и остальные.

Чернозатонская с Сумниной остаются, идут в мою сторону и начинают свистеть – раскусили. Доигрываю до конца – залег – пусть поищут. Нашли – встаю, улыбаюсь. Надо было раньше возможно уйти. Ну, так что ж, партия сыграна. Кто победитель не знаю. Наверное, не зря. Развлекся, по крайней мере. Хромаю к мопеду они в отдалении, боятся заразы. Сумнина залезает на замаскированный мопед. Переодеваюсь – маскировку нахуй – больше не нужна. Завожусь - уезжаю обратно, через поле - впереди Москва.

А.

Кузькин.

30.08.2014

М. Сумнина

Наблюдения и медведи

Перезимовавших в рисовом убежище белых медведей, с нашими видео-днями в животах, мы должны были выкопать 27 августа. День выбрали так, чтобы АКузькин уже вернулся, а ШЧернозатонская еще не уехала, чтобы участвовали все, кто медведей закопал.

АК две недели провел среди меловых гор под Воронежем, где строил Белый домик в лесу. Нет, не в лесу, а на горе с видом на виды. В лесу это я его просила построить белый домик для найденных вещей. От него не было никаких известий, но можно было довольно подробно наблюдать за его существованием и процессом стройки в отчетах куратора, размещенных в ФБ. Вряд ли он об этом знает.

26 августа АК позвонил и сказал что на нем следы белой краски. Я подумала, что это он про следы белого дома, в котором ему самому не удалось оставить следов. Но оказалось, что дело в ветрянке.

Карантин. Допускать к неболевшим людям нельзя.

Все идет не так.

Думаю: вдруг он приедет тайно, и спрятавшись в кустах, будет присутствовать?

Кстати где-то в архивах КГБ закопаны папки фотографий первых акций КД, сделанные агентами из кустов.

На позапрошлой акции на просеке МЛейкин спрашивал, чтобы делал АК, если бы была война и нужно было бы скрываться от преследователей с собаками в этом лесу. Звонит АК и говорит – а если я приеду тайно и буду наблюдать издалека? Немного отговариваю из соображений его здоровья, но очень рада, что он мою мысль услышал.

27 августа мы с ШЧ встаем, долго наряжаемся в яркие, блестящие, неподобающие лесному копанию одежды. Красим ногти. Сценические костюмы. На улице сильный ветер.

Едем, поем под музыку, всматриваемся в проносящихся мотоциклистов. Дорогу так перестроили, что у меня сомнения – найдет ли АК путь.

Встречаемся у поля с остальными явными участниками.

Поле желтое, в середине трава выстрижена и автомобильными шинами выдавлена до земли огромная цифра 8.

Идем в лес. Он стал гуще. Наблюдаю чашу – есть там кто-то?

До конца не знаю наблюдаемы ли мы. Странное чувство. Как на сцене. Как всегда кутерьма и перекрикивания – вырыли яму, достали перламутрово-сияющий сверток, вскрыли оболочку, внутри в белом снегу риса обнюхивают друг друга два медведя. Расстелили принесенную мной яркую в психоделических полосках ткань, подходящий фон для меня в блестящем китайском платье. Музейные же ж вещи! И немного театра.

Установили ноутбук и стали смотреть все карты памяти. Первой попалась карта, снятая АМ в зоологическом музее – фреска с двумя медведями. Потом открыли по очереди все записи членов КД и приглашенных участников. Но АМ, придерживаясь практики суеты, не дал досмотреть ни одного фильма.

Оглядываюсь вокруг – да или нет?

Теперь на место взрослой пары медведей закладывается один медвежонок с архивом КД и БМК. Делаем новый жемчужный сверток. Мне нравится, как в этом минимальном техническом действии сияет пленочный сверток, наша одежда и яркая ткань с разводами. Должно быть красиво в зеленой гуще. Все ради кадров, ради новых объемов информации.

После этого ГТитов стал копать свою ямку, в которую год назад самонадеянно заложил карту памяти просто в картонной коробочке. Земля абсорбировала картон и принялась уже переваривать карту – всего лишь несколько пятен окисления и компьютер уже ее не признаёт.

ГТ с ИМ и ЕЕ уезжают, а мы перетаскиваем ткань и устраиваем пикник перед березовыми воротами с ШЧ, АМ, НП и ДН. И тут я слышу хруст ветки. И вижу

знакомую кепку. Главное теперь не проколоться. И чтобы никто не пошел туда искать грибы или писать. Переглядываемся с ШЧ.

Закончив пикник, находим предлог остаться – закопать оставленную ГТ ямку. Пока они удаляются, забрасываем ее землей и я иду искать АК – что-то его не видно. Но я же точно знаю. Приходится звать. Куча веток поворачивается на зов. Ух ты!

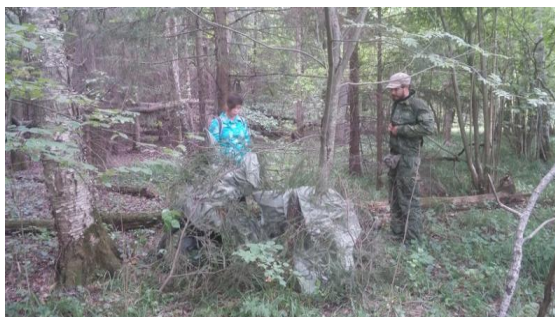

Мощная подготовка – лежбище из хвороста, на носу листья, длинный объектив, рюкзак с припасами. Только подойти ближе нельзя.

Ветрянка же.

(ночью снилось название фильма, съемочную группу которого перевозит гуманитарный конвой – троянский конь, на кубических белых кузовах «газелей» написано: «soplivuj veter».)

Идем искать закамouflированный мопед – его тоже невозможно заметить даже с 10 шагов. ШЧ снимает как АК снимает камуфляж.

Немного сидим на безопасном расстоянии – общение будто с призраком. Потом он исчезает, а мы с ШЧ идем на пожелтевшее поле, снова расстилаем психоделическую ткань, ложимся, смотрим на небо, откуда на нас смотрит ястреб. Нас хорошо видно.

27 августа 2014,
МС.

А. Монастырский

Проход через просеку Хайдеггера на поле Фёдорова

Последнее событие в философии, связанное со становлением картины мира (для меня лично), это книга Хайдеггера "Бытие и время". В ней происходят открытия в "пространстве сознания" и его "расширение" наподобие географических открытий новых земель, которые также прекратились к 20 веку, как и открытия в философии. Здесь можно усмотреть взаимозависимость между географией и философией (или наоборот): расширение сознания через философский дискурс связано с расширением реального пространства обитания и его исследования через путешествия. Исчезли белые пятна - исчезла и философия становления (началась философия деконструкции картины мира).

В поэтическом смысле тут можно говорить о деактуализации (деактивации) пространства и даже о его исчезновении, схлопывании и о том, что для дискурса осталось только время, а пространство исчезло (тематически во всяком случае). В названии книги Хайдеггера, в сущности, так и есть: там присутствует только время (бытие и время).

Становление следующего этапа пространства, видимо, возможно только на основе геометрии времени, на простой временной протяженности, имеющей форму линии - линии времени. Для эстетического самосознания КД, начиная где-то с 1997 года, с акции "Библиотека" (когда мы зарыли в землю книги), вместо прежних пространственно-временных переживаний возникли исключительно переживания времени: "от" и "до" не в километрах, а в годах. Это обстоятельство удивительным образом совпало с реальным положением дел на "биографическом" горизонте группы: Киевогорское поле, где мы делали "пространственные" акции, застроилось дачами, исчезло, а сами мы постарели и у нас уже не осталось психофизических сил осваивать большие пространства. (Хотя возможно, что именно эти личные обстоятельства определили такой "хроно"-взгляд на всю эту проблему, которой на самом деле нет).

Действия переместились в лес и под землю. Под землей лежат книги акции "Библиотека" (несколько уже вырыты, но большая часть все еще лежит в земле) - это "аналоговая" информация в виде текста на бумаге и фотографий; "дигитальная" информация "чертит" линию времени под землей в медвежонке, зарытом в акции "Подземная пятилетка" на просеке Хайдеггера, где до него под землей в течение года пролежали его "родители" - два белых медведя с видеофайлами на картах памяти внутри.

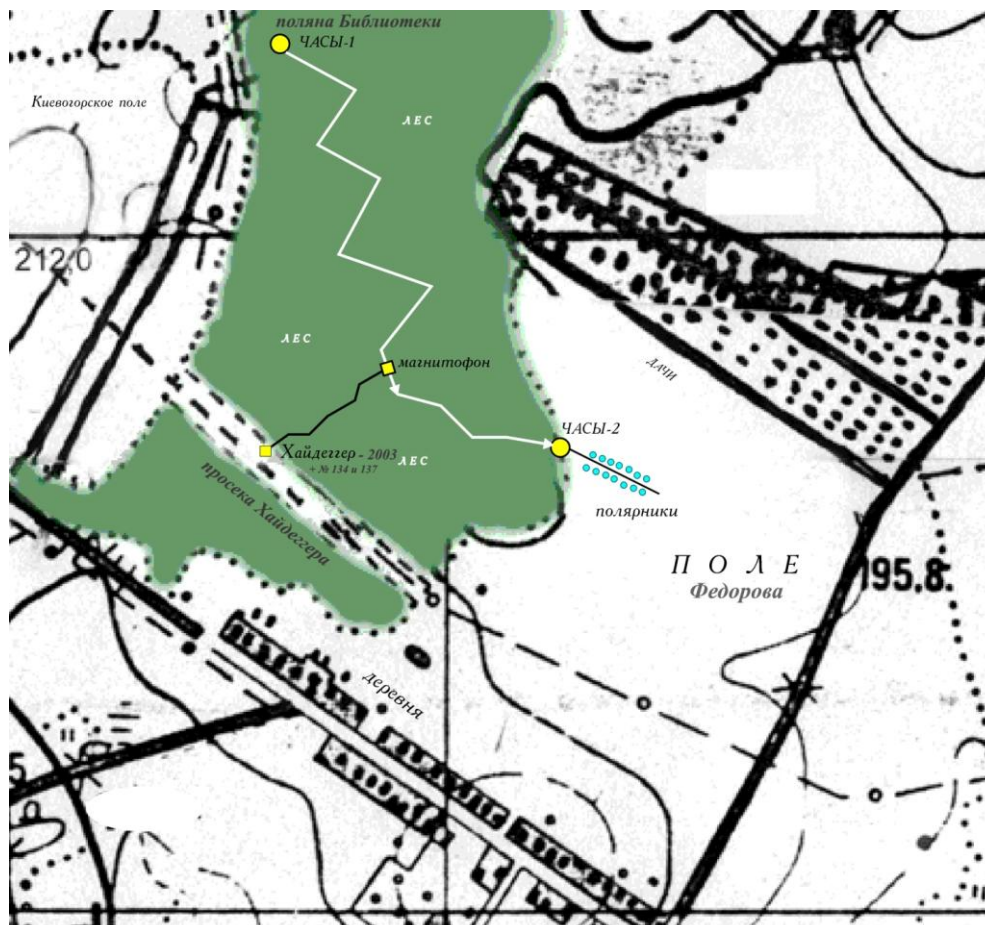
Пространство в этих акциях - подземное (то есть его - или его, пространства, динамики - практически нет), оно выстраивается на геометрии времени длительности "пустого действия" этих подземных акций, и в случае с медведями - "геометрия" эта "чертится" именно на просеке Хайдеггера - автора "Бытия и времени" (без "пространства"), которая была названа нами так в 2003 году, когда на этой тогда безымянной, конечно, просеке был повешен маленький портрет Хайдеггера в качестве акции КД "Лозунг-2003". Здесь речь, конечно, идет только о топонимике КД - Киевогорское поле, просека Хайдеггера, поляна акции Библиотека - на официальном уровне никаких таких названий нет.

Возвращаясь к общей проблематике пространства дискурса и пространства "открывающего" путешествия, динамика выхода из создавшегося тупика и в философии (точнее - сознании), и в географии (пространстве) просматривается

скорее всего через узел "Циолковский - Хайдеггер", через космонавтику, если, конечно, наука сможет решить проблему двигателя и преодолет скоростной порог современных космических аппаратов.

Хотя в 2003 году безымянная еще "Просека Хайдеггера" в "Акции с часами" - [14 : 07 - 15 : 13] - вывела нас на большое поле (тогда новое для КД) - и почему бы не назвать то поле полярников - зимовщиков полем Фёдорова? Это тоже путь.

6.10.2014.

ЛОЗУНГ-2014, промелькнувший на западных и восточных

Тканевое полотнище фиолетового цвета (6 м x 1,5 м) с напечатанными на нем фамилиями присутствующих на акциях КД с 1976 года (258 фамилий) в процессе одновременного перемещения организаторов и зрителей акции вдоль берегов Яузы с востока на запад вешался три раза в разных местах между деревьями на южном берегу Яузы (лицевой стороной к группе зрителей, находящихся на северном берегу). В первом месте лозунг провисел 1 минуту, во втором - 2 минуты и в третьем месте - 3 минуты. Во время третьего этапа (трехминутной растяжки лозунга) зрителям была роздана фактография акции, представляющая собой снятые предварительно фотографии 13 x 18 см, изображающие места (деревья) на южном берегу Яузы, где предполагалось растягивать лозунг во время акции с напечатанным поверх изображения списком предыдущих лозунгов КД в таком виде:

Лозунг - 1977 (красный), Лозунг - 1978 (звенигородский),

Лозунг - 1980 (якутский), Лозунг - 1986 (секретный),

Лозунг - 1989 (финансовый), Лозунг - 1990 (каширский),

Лозунг - 1996 (яузский), Лозунг - 2003 (хайдеггеровский),

Лозунг - 2005 (буддийский), Лозунг - 2008 (неудачный),

Лозунг - 2011 (мытищинский), Лозунг - 2014 (промелькнувший).

После раздачи фактографии, группа двинулась к двум холмам на северном берегу (на них в 1990 году проводилась акция "Поляроид" (ПП)), где группе было предложено разделиться на две: на тех, чьи фамилии были на лозунге и на тех, чьих фамилий там не было (это - те зрители, кто первый раз попал на акцию КД). Первая группа (17 человек, кто бывал на акциях + организаторы) была сфотографирована на западном холме, вторая группа из 23 человек (присутствующих первый раз на акции) - на восточном. После чего все спустились с холмов и была сделана общая фотография всей группы участников между холмами.

Москва, Лосиный остров

7 октября 2014 г.

А. Монастырский, М. Сумнина (повеска лозунга), Н. Панитков, М. Лейкин (повеска лозунга), А. Кузькин (повеска лозунга), О. Кройтор (повеска лозунга), Д. Новгородова (фото).

Зрители (и организаторы акции) в группах:

Группа "западного" холма:

МишМаш, Г. Титов, Ю. Альберт, Ю. Лейдерман, В. Чиженков, А. Монастырский, В. Рибас, М. Руденко, Н. Панитков, М. Чуйкова, Н. Проскуракова, А. Романова, А. Кузькин, О. Кройтор, Д. Новгородова, Т. Пёникер.

Группа "восточного" холма:

И. Штейнберг, И. Нилин, Саша Сам, В. Леденев, А. Шестакова, Э. Веселова, И. Корина (должна была быть в "западной" группе), Т. Кондакова, Стас Новак, А. Белова, Д. Тер-Оганян, В. Геворгизова, Nicolas Sessaldi Audureau, Н. Серикова, Г. Напреенко, Ю. Лебедева, Е. Коновалова, И. Мухин, А. Йоффе, Кукуверов, Е. Яичникова, А. Олева, Фил Фил.

GoPro

Видеорегистратор

138. Slogan -2014 glimpsed on the western and the eastern ones

A large cloth sheet purple in color (6 m x 1.5 m) with the last names of all those present at CA actions since 1976 (258 names) printed on it, as the organizers and viewers of the action moved simultaneously along the shores of the Yauza from east to west, was hung three times in different spots between trees on the southern shore of the Yauza (facing the group of viewers located on the northern shore). On the first spot, the slogan hung for 1 minute, on the second – two minutes, and on the third – 3 minutes. During the third step (the three-minute stretching of the slogan), the viewers were given the action's factography, consisting of 13 x 18 cm photographs taken ahead of time depicting the place (the trees) on the southern shore of the Yauza where it had been suggested to stretch the slogan during the action with the list of the previous CA slogans printed above as follows:

Slogan – 1977 (the red one), Slogan – 1978 (the one in Zvenigorod),
Slogan – 1980 (the one in Yakutia), Slogan – 1986 (the secret one),
Slogan – 1989 (the finance one), Slogan – 2003 (the Heidegger one)
Slogan 2005 (the Buddhist one), Slogan – 2008 (the unsuccessful one)
Slogan – 2011 (the one in Mytishchy), Slogan – 2014 (the one that glanced by).

After the distribution of factography, the group moved to the two hills on the northern shore (on them is where in 1990 the action Polaroid (PP) took place), at which point the group was invited to divide in half: those whose names were on the slogan and those whose names were not there (that was those audience

members who had come to their first CA action). The first group (the 17 people who were at the action + the organizers) was photographed on the western hill, while the second group of 23 people (first time attending an action) – on the eastern one. After which, everyone descended the hills and a photograph of the entire group of participants was taken in between the two hills.

Moscow, Losinyi ostrov

7 October 2014

A. Monastyrski, M. Sumnina (hanging the slogan and photos), N. Panitkov, M. Leykin (hanging the slogan), A. Kuzkin (hanging the slogan), O. Kroitor (hanging the slogan), D. Novgorodova (photos).

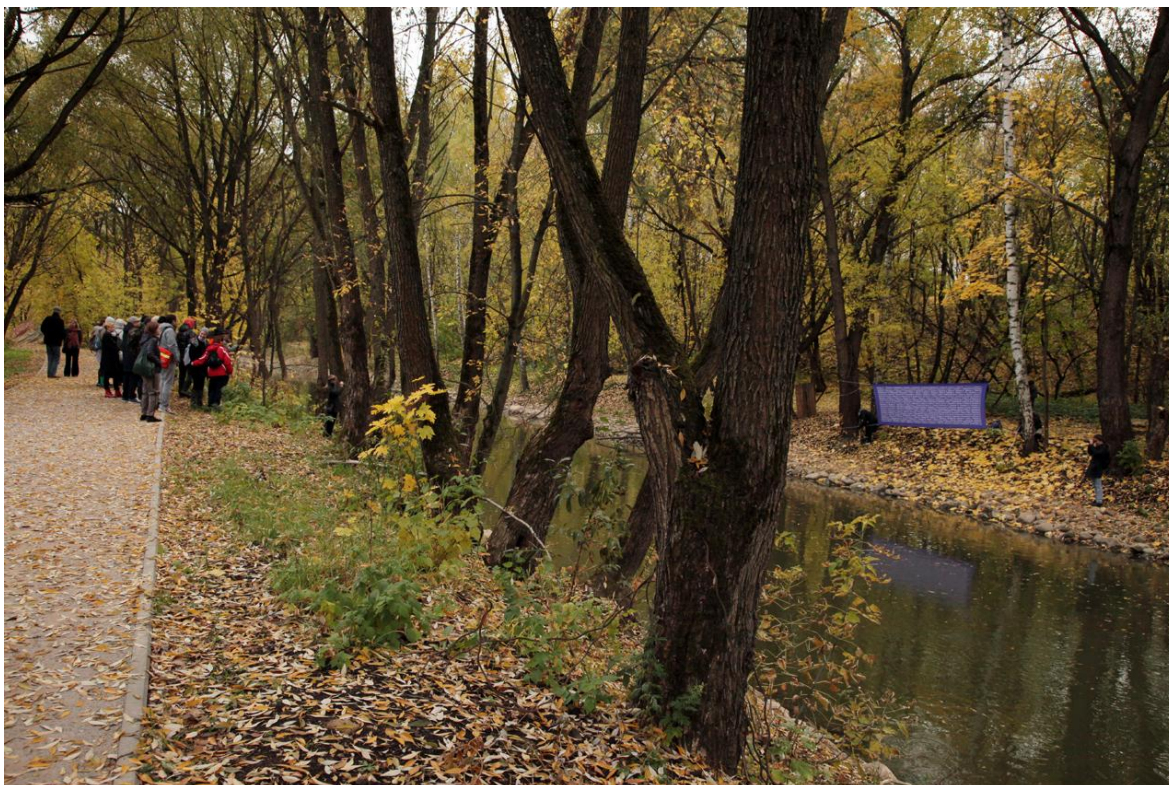
Viewers (and the action organizers) in groups:

The “western” hill group:

MishMash, G. Titov, Yu. Albert, Yu. Leiderman, V. Chizhenkov, A. Monastyrski, V. Ribas, M. Rudenko, N. Panitkov, M. Chuikova, N. Proskuriakova, A. Romanova, A. Kuzkin, O. Kroitor, D. Novgorodova, T. Peniker

The “eastern” hill group:

E. Shteinberg, V. Nilin, Sasha Sam, V. Ledenev (photos), A. Shestakova, E. Veselova, I. Korina (was supposed to be in the “western” group), T. Kondakova, Stas Novak, A. Belova, D. Ter-Oganian, V. Gevorgizova, Nocolas Ceccaldi Audureau, N. Serikova, G. Napreenko, Yu. Lebedeva, E. Konovalova, I. Mukhin, A. Ioffe, Kukoverov, E. Yaichnikova, A. Oleva, Fil Fil.

Фамилии на Лозунге-2014:

Абалакова Н., Абрамов А., Алейников И., Алексеев Н., Алимпиев В., Алимбиева (Никитина) О., Альберт Ю., Альчук А., Андре Шт., Аникеев А., Антошина Т., Ануфриев С., Арутюнян Р., Ауэрбах А., Бажанов Л., Бакштейн И., Балаховская Ф., Барабанов Е., Биньямини И., Блудо Т., Блумберг С., Бобринская Е., Богданова Б., Бордачев С., Бреславцева Н., Бриллинг Н., Броницкая А., Бувайло М.,

Булат В., Булатов Э., Буренков А., Бурый И., Бушенева Н., Васильев О., Венков Д., Вешневские В. и Л (Меркушева), Винокурова А., Витте Г., Волков С., Волкова Т., Володин Д., Воляк В., Воронцов С., Вяткины Н. и М., Герловины Р. и В., Головинская И., Горелик М., Гороховская Н., Гороховский Э., Горючева Т., Грибков В., Гундлах С., Гройс Б., Гэмбрел Дж., Деготь Е., Джеуза А., Диденко Т., Дипвел К., Дипвел-Бакштейн Дж., Добрингер Э., Добросельский В., Дроздецкая Н., Ду Руокко А., Егоров В., Егорова О., Елагина Е., Елагина М., Еремина М., Жигалов А., Жигалова Е., Жилиев А., Жунина Ю., Забродин А., Загний С., Зайцева А., Занегина Н., Заровная Н., Зассе С., Затуловская И., Захаров В., Звездочетов К., Звездочетова Л., Иванова А., Илюхин М., Инфанте Ф., Кабаков И., Калинин С., Калинин Е., Кара-мурза В., Качарава, Кизевальтер Г., Кисина Ю., Ковылина Е., Козлов Н., Кольк М., Константинова М., Копыстьянские С. и И., Корина И., Котел Н., Крехотнев М., Кройтор О., Кроль Т., Кручинский В., Кузькин А., Кук Д., Кулик И., Кулик О., Куприна-Ляхович Е., Кусков С., Левашов В., Лейдерман Ю., Лейкин М., Лексина А., Лепин Н., Летов С., Лукьянова Е., Лунгин Е., Ляхович М., Магидова М., Мачабели Д., Мелдрис И., Мироненко В., Мироненко С., Митурич-Хлебников М., Митурич-Хлебникова В., Макаревич И., Макаревич В., Малышкин А., Малышкина В., Махачева Т., Мачулина Д., Медведев Г., Михайлов Б., Модель Е., Морозова Е., Монастырский А., Мочалова В., Наумец В., Нахова И., Недбайло Н., Некрасов В., Нестерова Е., Никитина Н., Новгородова Д., Носик А., Обухова А., Овчинников Н., Овчинникова Ю., Огурцов С., Орлов Б., Орлова М., Орошаков Х., Осипова Н., Палажченко Н., Панитков И., Панитков Н., Панов А., Первов Г., Пёникер Т., Пивоваров В., Пивоварова И. Пепперштейн П., Перцы, Перчихина М., Петрелли А., Петровская Е., Пригов А., Пригов Д., Притчард К., Проскуракова Н., Порудоминская М., Разумовский О., Раппопорт А., Рибас В., Рид С., Романова А., Романова Е., Ромашко С., Росс Д., Россихин А., Рохлис А., Рубинштейн Л., Руденко М., Рыклин М., Рябова А., Сальников В., Самойлова Д., Сапонов М., Саркисян О., Семенов Ю., Сидлин М., Сидоров А., Сильвестров А., Ситар С., Скерсис В., Соков Л., Сокол Х., Соломон Э., Сорокин В., Софронов В., Сохранский В., Спровиери П., Стахеева Н., Степанов М., Стигнеев В., Стручкова Н., Сумнин И., Сумнина М., Талочкин Л., Тамручи Н., Тимофеев Д., Тимченко О., Титов Г., Тобашов А., Трушевский И., Тупицыны М. и В., Урусов А., Филиппов А., Фляйшер М., Франк З., Фрид М., М., Хансен А., Холин И., Хэнген С., Хюттель М., Чацкин И., Чернозатонская А., Чижиков В., Чинаев В., Чуйков И., Чуйкова М., Шаблавин С., Шептулин Н., Шеффер Е., Шибанова Н., Ширкина Ю., Ширковский П., Шмагина О., Шмидт А., Шмиц Л., Штейнер Е., Эвели Р., Эйфлер Ш., Этинггоф О., Южина И., Юзбашев В., Юрно И., Яворский И., Яковлев О., Янгирова Л., Янечек Дж. и др.

(258)

Глеб Напреенко **ИСЧЕЗАЮЩИЙ ЛОЗУНГ**

Мы выбегаем из Макдональдса, куда заходили в туалет, ловим машину у метро «Сокольники», опасаясь опоздать, едем вдоль окраин парка, обсуждаем, что ожидание акции, знание о других акциях КД, на которых мы не были, нелепые ситуации при спешке на акцию – уже её часть. Вот место акции: перерытый экскаваторами край парка, где кучкуются участники – тоже пограничье, где нельзя точно сказать, город это или природа, состояние благоустройства или уничтожения. И далее каждый вторгающийся в акцию элемент: полицейские на лошадях, птицы, гуляющие – воспринимается как произвольная, но, возможно, важнейшая часть акции, – и ловишь себя на том, что уже читал об этом эффекте в пересказе акций КД другими людьми, и ощущение удваивается, распадается на твое переживание сейчас и чужое переживание ранее. Уже на следующий день выясняется, что один из пригорков, задействованных в финале акции, имеет скрытое историческое измерение – что на этом пригорке акции проходили уже ранее, и кажется, что, возможно, всё происходящее значило что-то иное, чего ты не заметил и не понял.

Неустранимое присутствие внутри структуры и пространства искусства других, вроде бы внешних структур и пространств, необходимое присутствие внутри художественной ситуации воздействий акторов и агентов, казалось бы, располагающихся где-то за границами ситуации, несовпадение ситуации с самой собой, невозможность очертить её границы – такова постоянная логика акций Коллективных действий. Такого рода проникновение не-искусства внутрь искусства задает рефлексию о границах искусства, которые очерчивают не замкнутую область, но скорее складку или бутылку Клейна. В случае КД такого рода рефлексия является одновременно рефлексией о границах сообщества участников акции – рефлексией в том числе в сегодняшнем контексте, когда московский концептуализм уже воспринимается как признанное историческое явление, почти ностальгически манящее. И в акции «Исчезающий лозунг» постоянно производилась операция различения между старым костяком участников акций КД и «новичками»: через список постоянных участников, в котором нужно было выискать себя, через разные фотокарточки, выдаваемые «новичкам» и нашедшим себя в списке, через разные холмы, на которые направлялись разные участники; но также были и другие рассечения сообщества – например, на идущих по одному берегу Яузы и по другому. Вопрос присутствия внутри ситуации эффектов других ситуаций, внутри сообщества воздействий иных сообществ – это вопрос, связанный с медиа, с медиацией. Раньше на акции КД звали по телефону; телефонный звонок, личная договоренность были её конституирующими средствами. В нынешней акции возник новый медиум, фейсбук. Возможно, он использовался при подготовке акций ранее, – но именно в этой акции фейсбук был осмыслен, отрефлексирован как медиум. Потому что именно включение в акцию фейсбука позволило, как кажется, вовлечь в акцию столько новых людей, и создало главный для этой акции разлом между «посвященными» и «новым поколением»; между людьми, связанными ещё через другие, прежние медиа, и людьми фейсбука, – возможно, более, суетливыми и прагматичными: как всегда водится на фейсбуке, на акцию записалось куда больше людей, чем пришло, а после акции все спешно поехали по своим делам.

Ю. Лейдерман

Заметка об акции КД "Лозунг-2014"

Вчера в самолете записал для себя несколько строк о вашей акции: Акция КД на Яузе. Куча молодняка, фэйсбушное мероприятие. Да и сам лозунг -- как список "друзей" на фэйсбуке. Попытка обратить историю КД, с другого берега Яузы развернуть ее навстречу нынешнему информационному сообществу, обратить ее к ним -- пусть даже констатируя, что они в этой истории не принимали участия. "Другие берега" Набокова, как если бы он зачитал их в зале заседания ООН. Элиминирование разницы между "принимали участие" и "не принимали участия", два холма объединяются в один. "Стоя на прекрасном холме" и глядя в списки участников.   Тройное   вывешивание   участников.

P.S. Забыл еще упомянуть -- когда мы вчера стояли, присутствовавшие и не присутствовавшие, на двух холмах, разделенных дорожкой, мне почему-то представилось, что по этой дорожке внизу, между нами, должен пройти нелепо одетый по своему обыкновению, или вообще голый, приплясывающий Сережа Ануфриев -- некое промежуточное, галлюцинаторное явление не вписывающееся (или объединяющее) оппозицию присутствие/ не присутствие.

И. Нилин
Об акции "Лозунг-2014"

Вот уже второй день я пребываю в состоянии глубокой подавленности. Вызвано это тем, что вчера я попёрся на акцию Монастырского.

Обычно перед тем как кого-нибудь выебать в первый раз, я веду эту женщину на р. Яуза. Иногда в лосиный остров, чаще - на шлюз в Сыромятниках. И наоборот, когда я понимаю, что придется послать кого-нибудь на хуй, речь опять же о женщинах, я проделываю то же самое.

Но теперь я, наверное, брошу. Месяц назад я выяснил, что Юрий Михайлович Лужков и Сергей Семёнович Собянин изнасиловали мою любимую реку Яузу, обложив ее дикие берега декоративным камнем.

Вышеизложенное никак не повлияло на мое восприятие произведения

.....
.....

Этот проект работает с тщеславием потребляющего его. Когда ты понимаешь, что для тебя сейчас важнее всего на свете - написана ли твоя мудацкая фамилия мелким шрифтом на ядовито-фиолетовой тряпке, в изуродованном Собяниным лесу, над изнасилованной рекой - это действует на тебя как удар током.

Это похоже на то, как в начале 80-х, юный художник, подписчик журнала «юный художник», ты выходишь на Кадашевскую набережную и видишь за каналом, лицом к тебе, памятник Репину, и понимаешь, что никогда этот канал не преодолеешь.

Никогда, бля.

Новому поколению это чувство незнакомо, в 94-ом году открылся Лужков мост, сделавший Репина доступным, но и загородивший его – в створе Лаврушинского переуллка торчит одна голова.

М. Чуйкова
Об акции Лозунг-2014

1 Ажиотаж в ГЦСИ (Караева, ее сотрудница Бирюкова, Горлова, Стародубцева)

2 Интересная дорога (изучение карт)

3 Желтый дракон, окруженный джонками

- 4 11 трамвай, его задержка, встречи в нем
- 5 Рассказ Ани Романовой про подготовку выставки Соболева
- 6 Опоздание на акцию и поиски участников
- 7 Уютная акция
- 8 Съёмки на двух холмах, невозможность попасть на другой холм.
- 9 Обратная дорога: рассказ Паниткова про Ситникова
- 10 Путь на лихой маршрутке – беседа с двумя Юрами.

Где-то в начале октября я получила по фейсбуку неожиданное приглашение на акцию КД – 7 октября в 13 часов. Неожиданное, так как обычно получала только фрагменты отчетов про состоявшиеся акции. Решив пойти, вспомнила, что последний раз была на мероприятии КД в сентябре 2001 (когда кидали картошку в часы на столбе), то есть 13 лет назад. Календарь неутешительно сообщил мне, что седьмое октября будет вторником – днем и часом собрания у Миндлина в ГЦСИ. Позже я столкнулась с ажиотажем сотрудников вокруг акции КД и проблемой присутствия на собрании. Учитывая небывалые дисциплинарные строгости и гонения последнего года, разные сотрудники, решившие также пойти, придумывали собственные стратегии (написать коллективное письмо, отпроситься у начальника, заболеть). За день до акции, в понедельник, ажиотаж продолжался, а я написала заявление на отпуск.

Утром седьмого октября я проложила себе путь по картам в интернете от Шереметьевской улицы до пруда Пятак на остановке Богатырский мост (первый сотрудник ГЦСИ Зина Стародубцева мне в это время позвонила, сказав, что сильно простудилась и не пойдет). Легко добравшись до конечной остановки 11 трамвая у Останкинского пруда, я надолго задержалась там в ожидании. Не то, чтобы трамвай не ходил, но подошедший объявлял, что идет только до ВДНХ. Бывалые люди на остановке смеялись:

- этот одиннадцатый всегда так, едет отдыхать в парк, никогда не может преодолеть свой сложный и длинный маршрут...

В тоже время зазвучала очень громкая басовая музыка, воспринимаемая мною, как отвратительный шум. Кроме того, я поняла, что опаздываю. Недовольно обернувшись, я увидела посередине Останкинского пруда огромного, желтого, покрытого чешуей, китайского дракона с пятью-шестью изгибами, уходящими в воду, окруженного джонками, энергично плывущему в мою сторону. Прозвучал страшный голос:

- Левая джонка, плывите ровнее, держитесь строя! Повторите аккуратнее еще раз!

Подумалось, что акция КД началась или вот-вот начнется.

После получаса ожидания, я наконец села в подошедший одиннадцатый. На остановке «ВДНХ» в него вошли знакомые лица: фотограф из Зверевского центра – Влад?, известный агрессивной манерой съемки, и Аня Романова. Заняв место рядом со мной, она протянула пригласительный билет на выставку Юрия Соболева в ММСИ. Задав вопрос о том, что я знаю о Соболеве, и прищурясь выслушав ответ, что, мол «Соболев был феноменальной личностью, художником сформировавшим неформальную школу для многих поколений...», она стала горячо рассказывать о своих изысканиях о «Соболеве - как именно художнике». Рассказывала, как разбирала его архивы, запакованные в советские целлофановые пакеты, как расспрашивала Галю Леденцову (последнюю жену) и с помощью дедуктивного метода пыталась восстановить связь найденных бумажек с идеей его работ. Как постепенно из искусствоведа превратилась в детектива и даже разыскала несколько его, никому не нужных, работ в Третьяковской галерее.

Незаметно мы приехали на остановку Богатырский мост. Влад сказал, что опоздали на 20 минут. Решили пойти к месту встречи – северной стороне пруда Пятак. Оттуда Аня увидела группу людей в дальней роще слева. Пошли по лесной грунтовой дороге вдоль реки Яуза. Через некоторое время увидели наконец участников акции, которые стояли на высоком берегу Яузы и смотрели на противоположный берег, где был повешен между деревьями прямоугольный бледно-фиолетовый лозунг, весь покрытый белым неразличимым текстом. По форме лозунг был не длинный и вытянутый, а прямоугольный, в пропорциях баннера. Наскоро поздоровавшись с Панитковым, я узнала от него, что более ничего не упустила и тут же получила бинокль, с помощью которого смогла прочесть белые надписи. Они оказались списком зрителей по алфавиту, когда-либо присутствующих на акциях КД (не удивительно, что шрифт был таким мелким). Надя Проскурякова сказала мне, что нас надо искать внизу. Голос Монастырского произнес:

«Обязательно найдите свою фамилию». Я нашла свою в третьей или второй строчке снизу.

Потом мы следовали по той же грунтовой дороге, еще два раза останавливаясь, чтобы посмотреть на тот же лозунг, которой перемещали вслед за нами участники акции на другом берегу реки. Нас обогнали двое конных парковых полицейских, за ними двое нестройных таджиков на велосипедах. В какой-то момент, на дороге, Монастырский стал раздавать всем участникам ламинированные карточки со списком всех Лозунгов на акциях КД, расспрашивая предварительно, первый ли раз вы на акции или нет.

Акция, минималистическая по форме и начетническая по содержанию, была созвучна моему внутреннему настрою, вызвав чувство приятной эйфории.

Так мы вышли из рощи на открытое пространство. Дождавшись участников с другого берега, Андрей попросил нас взобраться на два холма - на один, тех кто когда-либо участвовал в акция КД, на другой, тех, кто не участвовал. При подъеме на холм меня охватило сильное экзистенциальное переживание о невозможности оказаться и на другом холме тоже. Нас сфотографировали. Затем всем было сказано спуститься на черное плато посередине, где нас сняли уже всех вместе.

После окончания акции некоторые ее участники, и мы с Панитковым тоже, продолжили свой путь по дороге вдоль Яузы. Но теперь под многочисленными мостами, где когда-то проходили акции КД. Я рассказала ему, кстати, что в Гараже организованы экскурсии по знаковым местам «неофициального искусства» и «московского романтического концептуализма», таким как «Бульдозерная выставка» и «Акции КД».

Панитков стал рассказывать мне про недавний просмотр фильма о Ситникове, вспоминая, что знал его лично, посещал мастерскую в семидесятые годы. Удивительная биография этого человека, создавшего большой круг учеников и последователей, поведенная Колей, поразительно гармонично соотносилась с «поездкой на акцию» (и рассказом про Соболева), таким образом, завершив «возвращение с акции».

13 октября 2014

Настя Белова

ОБ АКЦИИ КД - ЛОЗУНГ 2014 «ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ»

С Андреем Монастырским я давно хотела познакомиться! И вот, этот час пробил – мэтр пригласил меня участвовать в Акции КД. 7 Октября в 13.00 – конечно, я подумала о неслучайной дате – День рождения Президента России, а в википедии вообще целый перечень, но мое внимание остановилось на бывшем празднике СССР — день Конституции (1977—1991, фактически в 1991 не отмечался) и 3761 г д.н.э. — дата сотворения мира, от которой идёт отсчёт времени в иудаизме, а так же примета - В старину верили: в этот день всё, что завяжешь, — не развязать, то есть крепким счастье будет, а свадьба — доброй.

Я приближаюсь к месту назначения, практически все в сборе – человек 40. Думаю, это рекордное количество за всю историю КД!

Мы отправились вдоль реки Яуза. Я уже что-то «такое» жду! Вдруг, с противоположного берега выходят еще участники акции, точнее помощники. Понимаю, что сейчас начнется действие, связанное с рекой. В голове – «...надо плыть, будем строить плот...»

Река – амбивалентный символ, который соответствует как созидательной, так и разрушительной силе природы. С одной стороны, она означает плодородие, движение и очищение, а с другой – препятствие, опасность, связанную с потопом, наводнением. Символ постоянной изменчивости, «Нельзя дважды войти в одну воду». В мифологиях река отделяет мир живых от мира мертвых.

Помощники начинают разворачивать огромное полотно фиолетового цвета (фиолетовый выбран Андреем неслучайно) и вешать его между деревьями. Оказалось, там список фамилий, и нам, напротив стоящим, нужно было найти свою фамилию. Я как в школе (институте), перед тем, как узнать прошел ли ты по баллам, затаила дыхание в поиске... Не увидела – немного огорчилась. Затем, перемещаясь, этот список вывешивали еще 2 раза, всего – 3. Три шанса, три попытки...кроме сакральных понятий мне вспомнился фильм «Беги, Лола, Беги!» как яркий пример, где показывается будущее в разрезе трех историй некоторых людей, с которыми встречается героиня. По такой прогрессии протекает весь сюжет фильма от эгоизма к альтруизму и любви к окружающим. Так же и у меня, прочитав третий раз список я успокоилась и обрадовалась! В списке были фамилии тех, кто раньше принимал участие в акциях. Исходя из этого - образовалось две группы. Тем, кто раньше участвовал - Андрей раздал ламинированные фото с изображением реки, поверх которой были подписаны все лозунги с самого начала. Вторая группа получила те же фото, только не ламинированные.

Помощники с другого берега перешли через мост на нашу сторону. Представления о мосте отражают, прежде всего, символику "перехода в новую форму существования, которой можно осмысленно управлять лишь при точно установленных религиозных обрядах перехода"

В завершении акции группы разошлись по 2 холмам – Западному и Восточному (кстати, на расположения основных объектов, Монастырский делает акцент! Вывешивание полотна с Южной стороны, смотрящие - с Северной) Участница акции Ира Корина – известная и состоявшаяся художница, нарушила условие Андрея и ушла в другую группу. Вот так в обществе зарождается оппозиция - такое в жизни встречается. Затем мы спустились, соединившись в настоящем!

Большинство участников считало акцию, как «фейсбушный» прикол, но это только «пена»...

Андрей Монастырский – скрытый предиктор во главе пирамиды!

Спасибо, Андрей!

...И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

А.С. Пушкин

В. Геворгизова

КД исчезающий лозунг

Обычно рассказ участника акции КД включает в себя:

1. Описание того, как проходил путь до места проведения акции (мы ехали в метро, опаздывали, встретили Нилина на станции Лубянка, потом на улице у метро Сокольники нам повстречался Ю.Альберт - все мы взяли такси),
2. Описание ощущения ожидания (это мы пропустили, т.к. опоздали чуть ли не на час и пришли к самому началу акции),
3. Заметки о погоде (середина октября, штиль, пасмурно, но дождя нет)
4. Включение случайных внешних факторов в пространство акции (проехавшие мимо нас полицейские на лошадях)
5. Личные воспоминания об этих местах (я была там лишь однажды и занималась поисками заброшенного дома, засквотированного бездомными - и не нашла его)
6. Ощущения во время самой акции (мною весь процесс воспринимался как нейтральный и не призванный произвести какой-либо эмоциональный или эстетический эффект)
7. Последующее осмысление. На этом моменте я и остановлюсь, потому что до этого мне не приходило осознание того, что эта последующая часть может являться наиболее интересной. В книгах Поездки за город участниками происходящее описывается так поэтично, на фотографиях все выглядит так эфемерно, а на деле главное, что в акции основным моментом является внутренняя структура, которая считывается, и не является авторским инсайтом. Существует какое-то распространенное мнение среди молодых художников о диссонансе между происходящим в акции и ее концептуальной нагрузкой, которая прописана в текстах. Поэтому была особенно удивительна доступность, с которой можно погрузиться в смысловую структуру акции, и отсутствие лишней спектакулярности самого действия. В этой акции мне заметны следующие структуры (почему-то геометрические) - параллельность (в том, как две группы идут параллельно друг другу вдоль реки; в том, что открытки, которые раздал Монастырский, изображают параллельные берега; в разделении на две группы, которые расположились на двух параллельных холмах), точки (три точки вдоль реки, где проходили остановки с

вывешиванием лозунгов, две точки - холмы, и последняя точка, где группа объединилась), деление (деление группы рекой, деление на тех, кто есть в списке и тех, кого нет, деление на холмы), и четвертое измерение - историческое (в 1990 году холм для новичков был задействован в акции Поляроид).

В общем, хотелось бы отделить внешние обстоятельства и личные переживания, которые наслаиваются на акцию, от ее структуры и проявить бесстрастность и строгость.

Ю. Альберт

Об акции КД "Лозунг-2014"

Последняя акция КД произвела на меня двойственное впечатление. Во-первых, конечно, все было очень приятно – как и раньше. Я уже в метро Сокольники встретил знакомых и это ощущение прекрасной прогулки и общения с прекрасными людьми в прекрасную погоду и в прекрасном месте не покидало меня до самого спуска в метро ВДНХ по окончании акции. С другой стороны, я испытал чувство легкого разочарования. Те несколько ранних акций КД, в которых я когда-то участвовал, обязательно содержали в себе какое-то ощущение внезапного озарения: «Так вот в чем дело!», «Дело-то совсем в другом!» Такой странный разрыв в пространственно-временной обыденности. Яркий пример – невозможные фотографии из Десяти Появлений и спровоцированная ими вспышка мгновенного недоумения/понимания. Потом все это можно было месяцами обсуждать и комментировать, но ядром обсуждения была эта неповторимая вспышка. Тут все было по-другому. Хотя структура акции была очень простой, даже классической, непонимание было очень уж вялым, а понимание – слишком уж дидактическим. Было такое впечатление, что я, в качестве почетного ветерана, присутствую на мастер-классе для молодых художников «Как надо делать акции КД». Орешек оказался без ядрышка. Но это мне неожиданно понравилось. Воображаемое ядрышко может быть интереснее реального. И его ожидание, а потом отсутствие, ощущается сильно, во всяком случае, человеком, бывавшим на ранних акциях и ждущем чего-то подобного. В каком-то смысле это даже радикальнее ранних акций

М. Руденко

Лозунг - 2014: промелькнувший.

Написать этот текст было целой внутренней проблемой, которую я пыталась решить несколько раз. Вроде бы прошел месяц после акции, но я лишь впервые смогла сформулировать несколько предложений в какую-то осмысленную историю. Уже

второй месяц подряд я нахожусь в полной прострации. Также было и в день проведения мероприятия.

Начать было бы правильнее со способа приглашения на акцию в этот раз - через фэйсбук. Мне подумалось, что людей должно быть много, так как информация практически в свободном доступе и пригласить действительно возможно кого угодно, хоть Андрей и сказал, что пару человек можно взять без проблем - но четкому контролю все это не подлежало. Людей на акции действительно оказалось очень много - особенно молодых/начинающих деятелей искусства - но в этом и была суть происходящего.

В тот день, всю его первую половину, я занималась лежанием в постели и размышлениями обо всем на свете - вообще тотальное ничегонеделание: в этом и заключается мое состояние прострации. Это запоздавшие пост-эффекты после открытия выставки - дебютного кураторского проекта, на реализацию которого было потрачено действительно много сил, что осознала я в полной мере лишь спустя какое-то время. Пострадал пункт "коммуникации": море непрочитанных писем, сообщений в социальных сетях, вопросы, решение которых я постоянно откладывала на какой-то срок. На акцию совершенно не хотелось - не потому что было неинтересно, просто в этот день не хотелось совершенно ничего. Я долго уговаривала себя и решающим фактором стала близость проведения мероприятия в этот раз. И хоть я в этом месте не была никогда, как доехать туда знала. Поэтому ровно за пол часа до акции невероятным усилием я собираю себя (утепляюсь), дохожу до дороги, жду маршрутку и четко, минута в минуту, оказываюсь на месте. Столь пунктуальных товарищей было не так много: поздоровались, познакомились, пообщались с теми, кто был. Людей становилось все больше и больше и я, как обычно, никого не знаю. Как-то вразумительно со всеми знакомиться уже не представлялось возможным, поэтому я придумала иной способ - сделала общую фотографию, загрузила её на Фейсбук и стала всех присутствующих на ней отмечать, добавляя в друзья тех, кого там ранее не было. Так коротала все оставшееся время до начала движения процессии.

Очень обрадовалась, узнав, что Андрей даст мне регистратор и я буду записывать все происходящее на него. Для меня это оказалась очень важной миссией, я подошла к ней ответственно. Пыталась всех заснять, экспериментировала и постоянно нервничала, что девайс не работает. Но вроде бы все было в порядке! Запись еще не видела, но подумала, что это будет актуально только после того, как я изложу все свои воспоминания об этом событии.

Процессия шла вдоль реки, на другой её стороне в какой-то момент также появились участники акции - у них была четко определенная миссия. На всех остановках у реки, что-то около 3 раз, они разворачивали флаг с фамилиями художников, а мы, со своего берега, пытались эти фамилии прочесть и понять, кто там есть, кого нет, кто из указанных людей присутствует на акции и вообще старались уловить логику события. Было достаточно интересно снимать окружающих и все происходящее на регистратор. Я как-то несколько абстрагировалась от процесса, смотря на все через "объектив", которого по сути и не было - с этим устройством совершенно непонятно, какой видео-результат получится. Полагаю, это будет череда обрывочных и мельтешащих кадров.

На одной из остановок умудрилась влететь в куст, который в свою очередь осыпал меня своими "детьми", отпочковавшимися частями куста: они были похожи на мелких насекомых, облепивших меня с ног до головы. Причем, увлеченная процессом съемки, заметила это я по удивленным взглядам окружающим и милым попыткам помочь мне почистить пальто. Это показалось забавным, поначалу я

застеснялась, но в целом для меня попадание в нелепые ситуации абсолютная норма - поэтому быстро перестала обращать внимание на наличие "жучков" и скорее радовалась реакции людей вокруг.

Еще из неожиданного: встретили конную милицию, а также мужчину, который путешествовал вдоль реки на колесе (некое новое средство передвижения - электронное колесо, на которое встаешь двумя ногами, балансируешь, а оно везет тебя на определенной скорости по поверхности). Он ехал навстречу нашей процессии, и ровно в тот момент, когда большая её часть обратила на него внимание, он наехал на кочку - колесо отлетело в одну сторону, мужчина в другую, вроде бы обошлось без повреждений. Интересный случай.

Закончился процесс тем, что мы вышли на достаточно открытое пространство, некую поляну у реки, с двумя холмами. Андрей забрал у меня регистратор и мы погрузились в ожидание ребят, которые все это время шли по другой стороне и им нужно было попасть на наш берег. В конечном счете, когда они пришли, все разделились на 2 группы: те кто ранее посещал акции КД, и те, кто был на ней впервые. В этом и был смысл флага и тех фамилий на нем - список участников акций за все время их проведения. Я в этом списке была - это моё второе подобное мероприятие. Также Андрей раздал нам карточки: фотография пейзажа вдоль реки, поверх которой написаны все ранее проводившиеся акции с аналогичным названием "Лозунг - ...". Разница в карточках была в том, что для участников, ранее посещавших акции КД - они были заламинированы, для остальных - просто стандартная напечатанная фотография. Разделившись на 2 группы, мы пошли на 2 разных холма - один напротив другого. Наш холм, с участниками акций, был значительно меньше, чем с теми, кто на подобных мероприятиях был впервые. В какой-то момент я почувствовала очень странное чувство: что вот на нашем холме мы все такие хорошие, милые, знакомые (хотя я далеко не со всеми хорошо знакома), а вот на том холме, что-то новое, агрессивное и дерзкое. Это было неожиданно, учитывая то, что я знаю часть ребят которые были на акции впервые и в целом хорошо ко всем отношусь. Затем последовала групповая фотография, некое объединение двух этих групп. И все стали расходиться.

В целом состояние некой растерянности у меня было в течение всего события. Я бы даже сказала, что все произошедшее наоборот выбило меня из этого состояния и, впоследствии, на какой-то срок вернуло к активной жизни. До общественного транспорта шла в своих мыслях, периодически общаясь с участниками. Пыталась загрузить фотографии в соц.сеть, зафиксировать последние моменты этой встречи - нашлись по дороге занимательные граффити, огромная голубятня, умильный фонтан. Как-то вдруг все разбрелось: кто-то ускорился до метро, кто-то задержался в одном из дворов по дороге - я же села на трамвай и уехала домой, переодеться - т.к. по-прежнему была вся в "насекомых". После чего пришлось ехать дальше, по делам - вернуться обратно во всю эту суету большого города.

ДЕТСКАЯ АКЦИЯ

Предваряя запланированную на зиму акцию "Кашей бессмертный Коллективных действий" (Длина слышимости), по ее мотивам и по предложению А. Рябовой для учеников ЦТИ "Перспектива" (профессия "архитектор") возник следующий сюжет акции:

Группа направляется в парк Сокольники, останавливается на 1-м Лучевом просеке, затем самый высокий ученик группы, держа звуковую колонку у себя за спиной (с включенной фонограммой "Сокольническая линия московского метрополитена"), двигается в лес на север от просеки до тех пор, пока не выйдет из зоны слышимости группой фонограммы (о чем кто-то из группы сообщает ему по мобильному телефону). Затем самый младший ученик в группе привязывает веревку к дереву и направляется в сторону Высокого, разматывая по пути веревку. Дойдя до Высокого, он обрезает веревку (длина веревки и есть "Длина слышимости" в данном контексте акции) и они вместе возвращаются к группе.

(предварительные инструкция, прослушанная учениками, была выложена АМ на YouTube: <http://www.youtube.com/watch?v=6lZRdsAyx9E>)

Москва, парк Сокольники
6 декабря 2014

А. Монастырский, А. Рябова, Ф. Шаулин ("Высокий"), И. Акимов ("Младший"), А. Старожилец, Е. Бургеева, М. Поляк, П. Клименко, А. Бралкова.

139. The Children's Action

Prior to the planned winter action Kashchei the Immortal of Collective Actions (Length of Audibility), using its themes and at the suggestion of A. Ryabova, the following plot was carried out for the students of TsTI "Perspective" (professor "architect"):

A group heads to Sokolniki park, stops at the 1st Radial Roadway, and the tallest student in the group, holding an audio speaker behind him (with the "Sokolniki Moscow metro line" soundtrack playing), moves towards the forest in the north from the roadway until he is out of the group's zone of audibility of the soundtrack (which someone from the group reports to him via the mobile telephone). After this, the youngest student in the group ties a rope to a tree and heads in the direction of Vysokogo, cuts the rope (the length of the rope is the "length of audibility" in the given action context), and together they return to the group.

(instructions that the students heard ahead of time, were published on YouTube by AM: <http://www.youtube.com/watch?v=6lZRdsAyx9E>)

Moscow, Sokolniki Park

6 December 2014

A. Monastyrski, A. Ryabova, F. Shulin ("the tall one"), I. Akimov ("the youngest"), A. Starozhilets, E. Burgeeva, M. Poliak, P. Klimenko, A. Bralkova.

ИНСТРУКЦИЯ

Самый высокий (по росту) человек из вашей группы должен взять у вашего сопровождающего реквизит № 1 (колонку) включить его на полную громкость и направиться в лес на север - по направлению, перпендикулярному 1-му лучевому просеку, по которому вы пришли и где осталась группа.

Он (а) должен идти вперед и не останавливаться до тех пор, пока ему не поступит телефонный звонок от кого-то из остальной группы на просеке.

Услышав звонок по телефону, высокий должен остановиться и ждать, не выключая колонку.

Далее самый младший человек из группы берет у сопровождающего реквизит № 2 и № 3 (веревку и ножницы), привязывает конец веревки к дереву, около которого стоит группа и идет, разматывая веревку, к Высокому в лес. Остальные ждут его у дерева у края леса. Дойдя до Высокого, Младший обрезает веревку ножницами и тот кусок веревки (ее длина), конец которой привязан к дереву, а второй конец у него в руках - будет обозначать то, ради чего вами делалась эта акция.

Высокий выключает колонку и они вместе с Младшим возвращаются к группе. По дороге Высокий сматывает в бухту веревку, дальний конец которой привязан к дереву.

Затем кто-то из группы и руководитель делают фотографию группы участников на память: все стоят лицом к 1 лучевому просеку на фоне леса.

Далее вся группа следует в теплое место и каждый кратко пишет про свои ощущения от произошедшего и соображение по этому поводу - то, как он (а) понял акцию. Если у кого-то из вас возникнут вопросы - прямо сразу после акции вы можете позвонить мне по скайпу и задать их.

Рассказы участников об акции

Илья Акимов ("Младший"):

Мне понравилась акция - это был для меня новый опыт. Было весело разматывать верёвку (я был самый младший) и снова её заматывать.

Мне также понравилась лекция о метро, которую мы должны были слушать до тех пор, пока самый высокий не дошел настолько далеко, что мы не могли его слышать (кстати, был бы признателен, если бы Вы смогли отправить ссылку на аудиозапись лекции).

Ещё мне очень понравилась сама идея измерять дальность нашего слуха. Вот только вопрос: как это может быть связано с архитектурой? Ведь мы нацелены заниматься архитектурой, а акция была похожа на урок музыки:-)

Обобщая, мне понравился перформанс. Его автор - человек, имеющий несомненный талант! Сама идея перформанса - замечательная (не уверен, что я смог бы придумать что-нибудь столь же оригинальное).

Федор Шаулин ("Высокий"):

Было необычно. Я замерз. Такого искусства не понимаю. В чем суть не понял.

Если бы предложили еще раз, не пошел бы.

Алина Старожилец

Сначала я не понимала, для чего мы все это делаем, но потом нам объяснили.

Веревка- длина слышимости (от дерева до самого высокого в группе).

Запомнить:

"Внешние факторы"

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Во время продвижения участников по заснеженному полю и по новопрорубленной просеке в лесу (параллельно просеке Хайдеггера) из маленькой колонки (ее нес С. Ситар) звучала фонограмма чтения (голосом АМ) фрагмента из книги Анандамайтрейи "Путь к нирване".

(Этот проруб новой просеки, в несколько раз шире просеки Хайдеггера, был нов и совершенно неожиданен для участников; возникли опасения, что место закупа медвежонка в акции "Подземная пятилетка" было уничтожено земляными работами на этой новой просеке).

Дойдя до места закупа медвежонка на заснеженной полянке между двумя сохранившимися березами (где до этого нами было сделано 8 акций), участники установили на сугроб фигурку белого кролика с часами на круглой подставке диаметром 20 см, представляющей собой "Схему защиты Кашея Бессмертного" ("дуб", "сундук", "заяц", "утка", "яйцо", но кружок с надписью "игла" был закрыт изображением значка с ракетой "Союз").

Затем Кузькину на спину был укреплен круг (диаметром 60 см) с той же схемой, но где существительные были заменены на фамилии: Дубов, Сундуков, Заяков, Уткин, Яйцов, а на кружок с надписью "игла" укреплено изображение академика Вильямса (Киевогорское поле, где мы проводим акции, принадлежит Институту кормов им. Вильямса).

По инструкции Кузькин должен был двигаться в лес от просеки (на северо-восток), неся в одной руке колонку с включенной фонограммой чтения фрагмента "Критики чистого разума" И. Канта, а в другой видеорегистратор. Когда Кузькин вышел из зоны слышимости нами звучания фонограммы, мы позвонили ему по мобильному телефону, он остановился, укрепил круг-схему на дереве и вернулся к группе участников (фонограмма Канта продолжала звучать).

Затем была включена вторая колонка с записью чтения Всеволодом Некрасовым своих стихов в 1991 году в Париже (аудиодорожка была извлечена из видеозаписи И. Макаревича). Колонка была помещена на маленький круг-схему у ног фигурки кролика с часами. Одновременно с фонограммой чтения стихов Некрасовым мы переключили на первой колонке воспроизведение файла Канта на воспроизведение файла продолжения чтения АМ текста Анандамайтрейи "Путь к нирване" (второй части) и двинулись в обратную дорогу на Киевогорское поле (колонку с фонограммой звучащего буддийского текста нес С. Ситар).

Объекты акции: большой круг-схема на северо-востоке в лесу и фигурка кролика с колонкой, продолжающей воспроизводить фонограмму чтения стихов Некрасовым на маленьком круге-схеме на юго-западе, были оставлены на месте действия.

При выходе на поле, из-за того, что С. Хэнсен отстала от остальной группы участников, чисто случайно возник значимый эстетический элемент акции - "Появление" фигуры Сабины из просеки (в той самой шубе, в которой она была в 1985 году на акции "Русский мир" на том же поле) в поле зрения созерцающей ее группы участников акции. (Этот неожиданный для устроителей акции демонстрационный элемент "появления" самоорганизовался в структуре акции по принципу «РЫБАК» - сингулярный элемент неясной структурной принадлежности в системе демонстрационно/экспозиционных знаковых полей. Назван по фигуре рыбака, возникшей на демонстрационном поле акции КД «Вторая картина». В других акциях элемент «Рыбак» может быть в виде джипа, велосипедиста, "появляющейся" фигуры, как произошло с С.Х. в этой акции и т.п.).

12 февраля 2015 г
Киевогорское поле

А. Монастырский, С. Хэнсен, А. Кузькин, (Ю. Лейдерман), М. Сумнина, С. Ситар, Г. Титов, М. Лейкин, О. Саркисян.

акция GoPro

акция видеорегистратор

Приложения

ф-мма Вс. Некрасов

ф-мма Путь к нирване 2

ф-мма Кант

140. Kashchei the Immortal of Collective Actions

During the participants' movement along a snow-covered field and a newly leveled clearing in the forest (parallel to Heidegger's clearing), a small speaker (it was carried by S. Sitar) played the soundtrack of a reading (in AM's voice) of a fragment from Ananda Maitreya's book *The Path to Nirvana*.

(This cutting of a new clearing, which is several times wider than Heidegger's clearing, was new and completely unexpected for the participants; there arose fears that the place where the bear cub from the action Underground Five-Year Plan was destroyed in the excavations on this new clearing.)

Reaching the place on the snowy field between two remaining birch trees where the bear cub was buried (where up to then we had staged 8 actions), we installed the figure of a white rabbit holding a clock and standing on a round platform 20 cm in diameter, constituting the "Protective Schema of Kashchei the Immortal" ("oak [dub]," "chest [sunduk]," "hare [zaiats]," "duck [utka]," "egg [yaitso]," but the circle with the label "needle [igla]" was covered with an illustration from a pin containing the rocket Soyuz).²

We then attached a circle (60 cm in diameter) with the same schema to Kuzkin's back, except where the nouns were replaced with the last names: Dubov, Sundukov, Zaitsov, Utkin, Yaitsov, and the circle with the word "needle [igla]" had attached to it an image of academic Williams (Kievogorsky Field where we stage our actions belongs to the Williams Institute of Feeds).

Per the instructions, Kuzkin was supposed to move into the forest from the clearing (in north-west direction), carrying in one hand a speaker with the soundtrack of a reading of the fragment of Kant's "Critique of Pure Reason" playing, and in the other a video-recorder. When Kuzkin came out of our zone of audibility of the soundtrack, we called him on his mobile telephone, he stopped, attached the circle-schema to a tree, and returned to the group of participants (the Kant soundtrack continued to play).

Next, a second speaker was turned on with a recording of Vsevolod Nekrasov's reading of his poems in 1991 in Paris (the audio track was extracted from I. Makarevich's video recording). The speaker was placed on a small circle-schema by the feet of the figure of the rabbit holding a clock. Simultaneously with the soundtrack of Nekrasov's reading, we switched the sound on the first speaker from the Kant file to a file of AM reading the text of Ananda Maitreya's *The Path to Nirvana* (second part) and started moving in the other direction to the Kievogorsky Field (the speaker with the soundtrack playing the Buddhist text was carried by S. Sitar).

The action's objects: a large circle-schema in the forest in the north-east and the figure of the rabbit with the speaker continuing to play the soundtrack of Nekrasov reading his poetry on a small circle-schema in the south-west were left at the place of action.

When we came out onto the field, because S. Haensgen had fallen behind from the rest of the participants, a purely accidental but important aesthetic element arose in the action: the "Appearance" of S. Haensgen from the clearing (in that same fur coat that she wore in 1985 at the action *Russian World* on that same field) onto the field of vision of the group of the action's participants who were perceiving her. (This demonstrational element of "appearance," which was unexpected to the action's organizers, had organized itself in the structure of the action by the "FISHERMAN" principle – a singular element with an unclear structure within the system of demonstrational/expositional sign fields. Named for the figure of the fisherman that had appeared on the demonstrational field of the CA action *Second Picture*. In other actions, the "Fisherman" element can occur in the form of a jeep, a cyclist, or an "appearing" figure, as had happened with S.H. in this action, etc.).

12 February 2015
Kievogorsky Field

A. Monastyrski, S. Haensgen, A. Kuzkin, (Yu. Leiderman), M. Sumnina, S. Sitar, G. Titov, M. Leykin, O. Sarkisian

---

² These words refer to an illustration containing 6 multicolored circles with these words. –trans.

А. Монастырский

ВИПАССАНА НА МОГИЛЕ ВИЛЬЯМСА

Оказывается, вот та якобы новопрорубленная просека от Киевогорского поля до поля "полярников", которая так нас поразила, когда мы пришли на поле - не совсем новая, она просто восстановлена осенью прошлого года, а прорублена она была в конце 80-х для газопровода и за прошедшие 25 примерно лет так заросла, что полностью исчезла и вот теперь ее опять прочистили, прорубили по-новой. Интересно, не повредил ли этот *проруб закону* с медвежонком? Хотя вряд ли они что-то там копали в земле.

Вот вид на эту просеку в 1990 году:

Когда я записывал фонограмму для акции (текст Анандамайтрейи), камера была направлена на эту фотографию, висящую у меня над диваном.

Эта "новая" просека произвела на меня столь же неожиданное - особенно по ширине - впечатление, как и просека в нашем акционном месте "Вдоль Яузы", которая появилась в прошлом году на южной стороне Яузы - с севера на юг к бывшей станции юннатов. Интересно, что два наших основных места акций - Киевогорское поле и Вдоль Яузы - получили в прошлом году вот такие большие просеки (само Киевогорское поле как бы "приползло" в виде этой широкой просеки к просеке Хайдеггера, к зарытому медвежонку, к полянке между березами, где нами было сделано уже 8 акций).

Структура акции - это абстрактная геометрия движущихся аудиальных точек, становящихся линиями: сначала буддийский текст с северо-запада на юго-восток (туда) - 1, потом Кант с юга на северо-восток - 2, + неподвижная аудиальная точка звучащей поэзии (Сева) на западе - 3, и опять движение буддийского текста с юго-востока на северо-запад (обратно) - 4.

На визуальном уровне: на западе - маленький цветной круг-схема с кроликом и ракетой, на востоке - сначала движущаяся точка большого круга с Вильямсом, которая превращается в неподвижную точку-круг на дереве.

Фамилии на большом круге-схеме (которую унес в лес на спине А. Кузькин), произведенные из названий предметов-оберегов сказки о Кашее с одной стороны напоминают фамилии из стихов обериутов, но в то же время - из-за фамилии Зайков - могут ассоциироваться и с фамилиями членов политбюро ЦК КПСС позднего советского периода (Зайков Л.Н. реально входил в состав политбюро с 1986 по 1990 годы).

Эта "восточная" фольклорная зона мифологии акции с Кашеем Бессмертным соотносится с "западной" литературной зоной, представленной персонажем авторской сказки Л. Кэрролла (фигурка белого кролика с часами - из "Алисы в стране чудес").

На востоке кашеева игла на большой схеме "Защиты Кашея" закрыта портретом Вильямса (в том направлении и находится институт кормов имени Вильямса), а на западе на маленькой схеме под зайцем она закрыта изображением ракеты "Восток". В оригинале и то, и другое изображение изготовлены из металла (в первом случае это медаль, во втором - значок):

Сильное впечатление произвел голос Севы Некрасова, когда мы включили фонограмму с его чтением - как будто голос с того света. В 1981 году на акции

"Десять появлений" на Киевогорском поле, когда участники по снегу расходились с нитками от центра поля в окружающий лес, именно Сева Некрасов потом не вернулся, а пошел дальше куда-то через лес на северо-восток, дошел до ж-д станции Луговая (скорее всего) и вернулся в Москву (см. его рассказ об этой акции во 2 томе ПЗГ). И вот из-за этого давнего его поступка, исчезновения в этом лесу, было как-то правильно, естественно слышать его голос и оставить его продолжающим звучать, когда мы ушли с места действия.

Дико смешно на акции получилось с "випассаной", которая все время упоминалась на буддийской фонограмме обратного пути с места акции ("Путь к нирване" - 2). Ко мне подходит Герман и говорит: - "Вот к слову о випассане: вы, Андрей, поссали по пути сюда, а я терпел всю акцию!" - и пошел за столб поссать. А я тоже все время из-за простатита хотел ссать, но перед акцией, когда приехали, сумел поссать в кустах. Слово "випассана" и "поссать" отлично аллитерируют друг с другом, рифмуются по звучанию. Тут смешно соединилось "высокое" (медитация випассана) и "низкое" (поссать) - как у меня в "Каширском шоссе" в эпизоде "Реутовская лужа", в которую я поссал с огромным облегчением после взывания к "отцам" - "отцы" - "отссы".

Уже в кафе "Грабли" после акции возник важный момент с желтой медицинской коробкой с иглой-самописцем внутри, которая рисует график температур. Ее нашел и принес на акцию Кузькин вместе с тоже найденным им металлическим красным яйцом на ножках (типа фаберже). Мы решили эту желтую коробку с иглой и яйцом на ней установить на могиле Вильямса, которую Маша и Кузькин обнаружили в прошлом году в Тимирязевском парке. Игла в яйце - это скрытая в самой акции (портретом Вильямса и ракетой) ее сказочная, фольклорно-литературная суть, которая была опредмечена таким образом через эти две находки Кузькина (жизнь Кашея хранится в игле, спрятанной в яйце - по одному из вариантов сказки). Кузькин как герой сказки ходил с кругом схемы Защиты Кашея в лес и вешал этот круг на дерево (кстати, большой красный китайский воздушный шар, который мы ему дали для надувания, не надулся, а сразу лопнул).

Возможно, что самым главным эстетическим и событийным моментом акции было незапланированное, случайное "появление" Сабины из просеки на поле (она отстала от группы и мы ее ждали на дороге). И еще то, что она была одета в ту же шубу, в которой была в 1985 году там же, на поле, на акции "Русский мир"! По сравнению с этим чисто пространственно-временным переживанием-созерцанием приближающейся к нам фигуры СХ остальные элементы акции были в каком-то смысле "символическим мусором" (с точки зрения ранней эстетики КД первого тома ПЗГ).

Эта созерцательная фигура-движение случилась как "появление" третьего уровня по принципу "*рыбака*" из словаря терминов МКШ (первый уровень, чисто

событийный, это "Появление" 1976 года, второй уровень - появление из фактографического дискурса в 1981 году на акции "Десять появлений", где исчез Сева Некрасов).

«РЫБАК» - сингулярный элемент неясной структурной принадлежности в системе демонстрационно/экспозиционных знаковых полей. Назван по фигуре рыбака, возникшей на демонстрационном поле акции КД «Вторая картина». В других акциях элемент «Рыбак» может быть в виде джипа, велосипедиста и т.п.

См. материалы акций КД 5-того тома ПЗГ.

(Кроме всего вышеизложенного эта акция с Кашеем 12 февраля подлипла (как всегда в акциях последних лет 20) к политическим и просто ярким событиям социума - к 17 часовым нормандским переговорам в Минске по Украине. Переговорщики где-то в 12 часов по Москве в этот день закончили переговоры, а мы через час поехали делать акцию. И когда Сабина (в шубе Русского мира! - что важно, то есть как бы неся на себе психо-шуб этой новороссийской, крайне неприятной и агрессивной идеологии) выходила на поле из просеки с **юго-востока** на северо-запад - это как бы Меркель возвращалась в Европу с переговоров **по юго-востоку** Украины. Шизо - политический контекст акции.

И на акции эта широкая просека с юго-востока на северо-запад (так ориентированная) - тоже оказалась как бы символом предмета переговоров о разведении войск на Украине, о демилитаризованной полосе - собственно, суть переговоров. Восток (Россия) в акции представлен большим кругом со схемой защиты Кашея (=Путина) в лесу по одну сторону просеки, запад - по другую сторону просеки маленьким кругом с кроликом с остановленными часами и с ракетой (+ Сева с того света) - как бы страх и смертельная угроза ракетно-ядерной войны (страх прежде всего именно для Запада, для Европы).

13 - 14.2.2015.

А. Кузькин

Об акции "Кашей бессмертный Коллективных действий"

Начну я с того, что меня рассказ не просили писать. Всегда раньше он (Монастырский) присылал письмо - в общем так и так, дорогой Андрей, не могли бы вы, по желанию, естественно, описать ваши впечатления об акции и т.д... Я конечно - да-да, с удовольствием. Ну и я думаю письма нет, значит писать не обязательно и расслабился... Сiju смотрю юмористические передачи по компьютеру, жую сырые сосиски с майонезом, запиваю растворимым кофе с молоком, как я люблю и не о чем таком и не думаю. И тут звонок. Машка звонит. Ну мы с ней разговариваем - то се, пятое десятое и тут она и говорит - а где твой рассказ? Моня уже заждался, каждый день спрашивает, я, мол, ему отвечаю, что ты занят, выгораживаю тебя как могу... Ну я удивился конечно. Я говорю - а что такое? - меня же никто не просил писать, - а она говорит - ну как ты не понимаешь, это само собой разумеющееся уже...

Ну хорошо говорю. Напишу, чтонибудь, хотя как-то последнее время к словам охладел.

Моему сыну – ему семь лет - в школе назадавали много к понедельнику, математики три страницы и английский еще, а он ничего не делал до воскресенья, до сегодня то есть, вот будет сидеть писать полдня теперь, и я получается тоже буду... Домашку делать... Ну ничего... Буду развивать себя, свой ум и не знаю, что еще...

Об акции с зайцем...

...хотя тут сразу не точность – это же не заяц, а кролик, а кролик и заяц не одно и тоже, - заяц большой, сильный лесной зверь, русский, наш. Пушкину дорогу перебежал, как известно. Перед тем как его (Пушкина) Дантес как зайца подстрелил - дичь. А кролик что? – кролик он мелкий, в норах на поле живет, а не в лесу. Разводят еще их, они ручные бывают. Шкура, ценный мех, и мясо. По еврейской традиции, кстати, их есть нельзя, потому что у них когти на ногах... А на рынках в мясном отделе им как раз эти лапки когтистые оставляют, чтобы было понятно, что это кролик, а не кошка... И вот здесь у нас была фигура кролика, причем кролика весьма конкретного – с часами в жилетке – из Алисы в стране чудес - как вы догадались, наверное – норный зверь наподобие крота. Да. Но его почему-то тут все именовали зайцем - и это раздражало, такие неточности. Кролик этот был глиняный, наподобие садового гнома, только поменьше – совершенно не русский кролик, немецкий или голландский может, хотя может и из другой страны... И слегка такой состаренный искусственно.

Машка, когда мне заранее об акции рассказывала – говорила – «обслуживание зайца», что там костер будет и мол ночью 6 часов будем сидеть с этим зайцем в снегу... и что может вообще никого кроме нас и Мони не будет... Ну мне понравилось, заинтриговала меня...

Ну потом там все изменилось у Мони и передумалось.

Я приехал к Миш-Машам в 13-00 в сильном возбуждении. Миша со входа говорит – ну подними меня – он почти всегда так говорит... Я его как-то давно, действительно, поднял и видимо ему это понравилось, и теперь он просит его поднимать каждый раз, как мы видимся. Ну приходится поднимать, хочется мне этого или нет... В этот раз я с радостью его поднял и даже положил на левое плечо и потом не знал, что с ним делать. Поносил немного, Маше показал, а потом принес в спальню и со всей дури шмякнул на диван. А Миша он довольно увесистый – больше 80-ти кг., и диван как хрясь - и сломался... Потом мы чинили этот диван вместе долго - ну это уже вечером. А тогда нам уже выходить нужно было, не до дивана, и Ситар еще пришел...

Сели в машину, поехали, у меня в рюкзаке топор и разбавитель 646, на случай костра, Машка, правда, уже сказала, что костра не будет, но я решил всё равно взять – на всякий случай. Приехали довольно быстро, без пробок - а они, все остальные, уже там стоят. Надевают на ноги большие мусорные пакеты по колено где-то, зеленого цвета и обматывают красным скотчем цветным – как елки новогодние снизу становятся – красный с зеленым. Правда у некоторых пакеты черные, но тоже красиво – красный с черным. Кто там был-то собственно – Титов Герман, Сабина, Саркисян Оксана, Монастырский сам, ну и всё... Они на титовском мерседесе приехали. Шофер там еще был, но он в машине сидел и не выходил, пожилой такой дядька. Ну вот, и мы четверо – Миша, Маша, Ситар и я - такая компания. Когда обмотались все, сделали фотку групповую. Я, Машка и Титов обматываться пакетами отказались – у нас и так ботинки высокие были... Монастырский сообщил,

что идем к березам, где черепаха была, космонавты и где медведей потом зарывали – место известное. Меня вперед отправили, а за мной Ситар шел. Ему Моня дал динамик красный, из которого моим голосом текст зачитывался, – что-то про органы чувств, типы ума и потом про йогов и нирвану. Я еще Ситару говорю – давай ближе иди, а то я не слышу ничего...

Все растянулись вереницей, последней Сабина шла и отставала, тяжело так шла, труднее всех ей как будто было. Хотя снег там не глубокий был – не целина, колеи от машины или тропка старая... Вышли к «Просеке Хайдеггера» – а проще говоря ЛЭПУ. Я сначала подумал, что слегка ошиблись и нам левее надо было забрать, потому что тут заросли кустов были осенью, а теперь пустая просека метров 7 шириной и в конце ее дома видны многоэтажные и становится понятно, что лес этот не очень большой. Потом по металлическому грибу и какому-то газовому агрегату в сетчатом кубе стало понятно, что мы на верном пути. Дошли до берез. Под березами Ситар вытоптал окружность, и в центре ее как будто торт снежный получился. На этот торт сверху Моня положил зеленоватую мишень со смещенным к краю центром. В кругах мишени были расположены надписи если смотреть от края-то – Дуб, Сундук, Заяц, Утка, а вместо центрального круга мишени была какая-то картинка с ракетой и надписью СССР. На мишень установили зайца – его Сабина тащила всю дорогу в большой оранжевой сумке через плечо.

Затем вылезли из сугроба и перешли на противоположенную сторону просеки. Моня достал из пакета еще одну мишень побольше первой, со сходным изображением, только тут к словам были добавлены окончания – Дубов, Сундуков, Зайков, Уткин, Яйцов, а вместо картинки с ракетой был барельефный портрет лысого Вильямса в круглом пенсне – типичная мода тридцатых, Берия там и ко. (Вильямс – агроном, и поблизости от Киевских Горок есть институт кормов его имени, а похоронен он на территории Тимирязевского парка, близ Тимирязевой академии, где, видимо, и работал. Полиграфический институт, где учился я и Машка, тоже там находится).

К верхней части ассиметричной мишени была привязана веревочная петля. Моня предложил мне надеть ее на голову таким образом, чтобы мишень оказалась у меня на спине. Я согласился. Мне был выдан видеорегиистратор, молоток, 4 гвоздя в коробочке, ножницы, динамик, и сдутый красный шарик. И были даны необходимые инструкции.

Я должен был идти в лес перпендикулярно просеке с включенным динамиком до тех пор пока, люди, оставшиеся на дороге, не перестанут его слышать. Как только я миную границу слышимости, мне позвонят и сообщат об этом. В этом месте я должен буду прибить мишень на дерево, надуть шарик, закрепить его где-то рядом, а после вернуться назад. Весь свой путь я должен был фиксировать на камеру.

Монастырский включил динамик и я двинулся в путь. В одной руке видеорегиистратор, в другой динамик, на спине мишень, в кармане молоток, шарик, гвозди и ножницы. Из динамика женщина поставленным голом зачитывала какой-то философский трактат о пространстве, времени и нашем не объективном восприятии этих сущностей. Что-то там еще было про вкус вина, и о том, что наши оценки этого вкуса не могут быть достоверными... Я довольно долго шел по сугробам и даже стал волноваться, что у меня сломался мобильник – с ним иногда бывает такое – звука не слышно.

Я брал видеорегиистратор в рот, освобождал одну руку, доставал мобильник и смотрел на него, но он не звонил. Я клал его в карман и продолжал путь. Наконец раздался звонок. Я остановился, установил камеру на картонной коробочке в снегу. Прямо напротив меня была обломанная береза, я прибил к ней мишень тремя

гвоздями, четвертый потерялся, и стал надувать шарик. Шарик был какой-то мятый и старый. Как только Монастырский его достал, я сразу выразил сомнения в его новизне – его, кажется, уже надували - говорю... Монастырский говорит – да нет, он новый я его в переходе подземном купил – он большой – говорит- больше обычного.

Да там на нем рыбы какие-то китайские были нарисованы что ли. Ну я стал надувать этот шарик, а он не надувается, потому что у него жерло большое и все смятое. Я тогда его подрастянул и не в рот вставил, а просто к губам приложил снаружи и дую. Два раза дунул как следует, а он хлоп и лопнул. Вот блин... думаю, чего мне теперь с этим шариком делать. И знаете, такие чувства вначале, как у Пятачка из мультика про Вини-Пуха. Что-ж делать-то теперь, думаю, шарик ведь вещь такая – его обратно не склеишь... Ну ладно, думаю, то, что от шарика осталось на ветку привяжу и бог с ним. Так и сделал.

Тут надо сказать вот еще что. Где-то месяц назад на улице, точнее на синем столбике ограждения трамвайных путей у остановки «Сумской проезд» в Москве, вечером, часов в восемь я нашел красное яйцо на ножках - типа «фаберже», ну ширпотреб, конечно. Оно так стояло на этом столбике будто это его (столбика) продолжение, ну, знаете, украшения такие у заборов на кладбищах, бывают, шишечки... Я, когда его в руку взял, даже удивился что оно отделилось так легко от своего основания... Ну я его покрутил, повертел, проверил, что внутри пусто и в карман сунул. Ну и сразу подумалось, что эта вещь в Монином духе, шкатулки, медведи, все такое – снаружи разукрашенное, а внутри пустое)). И я Машке об этой находке рассказал после. Она говорит- да оставь, здорово, пригодится. Потом уже стало понятно, что оно к зайцу подходит, как нельзя кстати. И я когда на акцию дома собирался, ей позвонил и спрашиваю – ну чего яйцо-то брать с собой – она говорит - да бери, конечно, я уже и забыла о нем... Ну я его в бумажку завернул и сунул в сумку. А когда я в лес с мишенью на спине пошел, Машка это яйцо из моей сумки достала и с собой в одинокое лесное путешествие дала. Вот.

А ЧЕТВЕРТЫЙ ГВОЗДЬ ПОТЕРЯЛСЯ!

И тут я от нее смс получаю, после того как мишень прибил и шариком занялся:

«Они туда не пойдут, так что яйцо не увидят, может вынести его оттуда наоборот добычу?»

(орфография автора)

Я не понял, чего она хочет, какую такую добычу, может нужно что-то в яйцо положить отсюда, не знаю, почки, ветки - больше нет ничего тут...

После того как с шариком закончил, звоню ей и спрашиваю, чего с яйцом-то делать? Она говорит – неси обратно – скажешь, что там нашел – я говорю – я так не могу, я обманывать не умею – я Моне его просто так его как подарок подарю... - ну ладно говорит, - пусть как подарок...

А ЧЕТВЕРТЫЙ ГВОЗДЬ ПОТЕРЯЛСЯ! иголочка....

С гвоздями была история - с Лопуховой. Я делал карточки, ну, перформанс свой, где я предметы на карточки приклеиваю и по углам цифры пишу, и отдаю людям. И вот это был, пожалуй, второй раз, когда я его делал, на гоголевском в ММСИ – выставка «пис оф арт», курировала Аня Буйвид, дочка Виты (открытие состоялось 29 сентября

2009-го года), у нее, кстати, рисунки мои остались с той выставки с числами и текст рукописный про то, что самое главное для художника разработать универсальный язык. Я его зачитывал тогда перед перформансом, а потом он на стене висел. И там народу была тьма, очередь ко мне выстроилась. И Лопухова подходит и говорит - сделай мне тоже карточку - и вываливает на стол горсть гвоздей мелких, (она, видимо, развеской занималась и гвозди в кармане остались). (Восстановил из сохранившихся писем – их было 49, тех гвоздей.) Ну, - я ей отвечаю – Оль, 49 гвоздей долго клеить, а тут очередь, тебе-то я всегда успею карточку сделать, - и сложил эти гвозди в пачку из-под сигарет Союз-Аполлон, как сейчас помню, они эти пачки тогда синие были - там планета земля изображена и момент стыковки космических кораблей нашего и американского. Меня Поболь Николай Львович на них подсадил, я до этого Голуас красный курил, а когда денег совсем не стало, с его подачи, на Союз перешел, и курил их года два, пока кашель сильный мучить не начал, тогда перешел на ЛД и потом уже на Ротманс. А Лопухова умерла через 2 месяца после этого случая (9 декабря) в возрасте 51 года, и карточку я ей так и не сделал, а сигаретная пачка с гвоздями сейчас находится в одном из металлических ящиков.

Вот такая вот история с гвоздями. Да.

Ну вот я пришел обратно к ним на дорогу, динамик не выключал ни разу, он все свое долдонил, Выхожу – они меня фотографируют все, Моня чего-то суетится. Я говорю – шарик лопнул. Моня говорит - не страшно. Ну и я это яйцо прям в бумаге ему и сую, говорю - вот подарок вам. Машка кричит – Открой! Открой!, ну я разворачиваю кое-как – он говорит – Что же это такое, это оттуда? Я стою молчу как дурак. Машка говорит – Да!, Он говорит – Это Фаберже. А что внутри? Ммм, очень интересно. Ну кладите его сюда, нет, не в карман, в сумку... Саркисян говорит задумчиво - ну почему, если в лесу можно встретить зайца..., то можно встретить и яйцо...

Ладно, слава богу о яйце вроде все забыли, пошли обратно к зайцу, то есть к кролику.

Столпились вокруг него, Моня достаёт другой динамик, тоже красный, его в начале Ситар нес, включает его и кладет рядом с кроликом на мишень. (Мой динамик к тому моменту выключили наконец.) Из этого динамика раздается какой-то шорох, бытовая запись, голос читает стихи, такие отрывочные слова – смысл стихов да и сами отдельные слова трудно разобрать из-за качества записи. Моня говорит, что это поэт Всеволод Некрасов. На заднем плане слышен женский смех. Машка ложится на снег, я тоже следую ее примеру. Минут десять слушаем запись. После Моня говорит, что это финал акции и можно потихоньку двигаться назад. Нехотя встаем и гуськом медленно бредем в сторону выхода из леса. Впереди идет Ситар – он несет включенный динамик, с которым я ходил в лесную чащу. Мы уходим, а Сева Некрасов продолжает читать стихи кролику в лесу.

Ps

Из-за частого повторения в текстах аудиозаписей разнообразных буддийских терминов, заканчивающихся на «ссана» типа «Випассана», Герман Титов пожаловался на то, что по пути чуть не обоссался.

Температурно-временная коробка желтого цвета (Термограф), найденная мной ранее, примерно в тоже время когда и яйцо, задействована не была. Машка попросила, чтобы я тоже взял ее на акцию. Она предполагала оставить ее в лесу в зоне проведения акции, чтобы через 75 дней снять температурные показания, которые были бы зафиксированы на бумажной ленте устройства. Однако сделать это

не удалось. Ярко желтая коробка привлекла внимание Мони и вызвала негативную реакцию – Это еще что такое – сказал он – не надо внутри акции устраивать другие акции. Машка повиновалась. Однако часовой механизм устройства уже был запущен. И теперь мерил температуру в Машкином рюкзаке, не знаю, остановила ли она его или продолжает проводить измерения у себя дома. Теперь Моня просит, чтобы мы отправились на могилу Вильямса и оставили там яйцо и термограф.

15.02.2015. Москва.

М. Сумнина

Об акции "Кашей Бессмертный КД"

Ехали-ехали — и очень быстро приехали
там нас ждал желтый пес без хозяина.
красноногие и зеленоногая пошли вперед
им слышно про сознание и випассану
мы с зайцем отстали
сознание от нас удаляется
у желтого газового гриба вдруг лес раздался
широкой дорогой просекло его на право и лево
просвистело насквозь прямой иглой
упершись вообще в многоэтажки
пришило город к загороду
перед к заду:
пришли к сцене березовой
из-за кулис.
Раньше тут валежник да хворост был
кусты дремучие
в них ветряночный АК скрывался
пока мы медвежат вырывали-зарывали
а теперь тут ветры гуляют насквозь
прямо по краю медвежьей берлоги.
И никаких усилий не надо для преодоления.
Всем кроме СХ под тяжестью шубы Русского мира и Зайца.

АМ с СС станцевали танец
образовали снежный круг
на него поставили зайца с часами
а под зайцем 5 кругов защиты Вильямса
заяц смотрит не мигая в лапке часы держит
это все справа.

А слева АМ надел АК на спину круг — как павлинье перо:
Вильямс в Яйцове

Яйцов в Уткине
Уткин в Зайцев
Зайцев в Сундукове
Сундуков в Дубове.
Дал красный динамик с механическим женским голосом читающим Канта.
и шарик красный
и в лес отправил.

а я тихонько АК в карман положила красное яйцо Фрикасе
потому что он его вовремя нашел кстати

уходил АК в лес и вместе с ним
чистый разум скрывался
а мы стоим между двух лесов
уши наостраем
вот и затих разум.

Вернулся АК
вручил АМ яйцо
а шарик, говорит, лопнул.
он его на дерево повесил как флаг
это на видео потом видно стало.

Шарик лопнул.
Красный кружочек — это точка на карте
что значит «ты тут».
А карту у нас все время из под ног прямо перерисовывают.
С другой стороны установка флага
это значит — мы своего не отдадим.

Потом, лепестками вокруг зайца расположившись
послушали голос загробного Некрасова
оживляюще разбавлял его женский хохот из прошлого.

а випассану пока в сторонку отнесли.

но все очень быстро прерывается
не успевает сознание опытом насладиться.
Непостоянство.
Ни зацепишься
ни привяжешься.

мы с АК хотели поставить опыт
пристроить сундучок с иглой
она бы нарисовала нам график температур
но АМ не разрешил вмешиваться.

Вобщем унесли мы яйцо и иглу
да ведь так и сохраннее будет.
а то еще какой газовый экскаватор переломит иглу

так глядишь и вообще ничего не останется
к чему мы привязаны
и будет нам всем виспассана.

Осталось только молиться за медвежонка.

Ну и еще кое-что проделать с яйцом и сундучком
и внезапно присоединившейся иглоногой совой-бубукой.
Но я про это потом расскажу.

13.2.15.

С. Ситар
Странные вещи происходят

Было ли что-то действительно странным в этой последовательности событий?

Сейчас уже совершенно невозможно отделить то, что я ощущал в ходе акции, от того, что я «умозаключал» тогда и позднее, после знакомства с документацией. Дистанцировать чувственное восприятие от понятийного осмысления – с чем, кстати, так успешно справляется Кант в «Критике чистого разума». У меня все это давно и, кажется, безвозвратно перемешалось. Но точно имело место неожиданное совпадение двух планов: с одной стороны, общих полуинстинктивных ожиданий по поводу каких-то глубинных, долговременных культурно-политических процессов и, с другой стороны, некой событийной точки в ткани действия, которая поддержала эти ожидания, стала подтверждением их оправданности, – причем пришедшим как-будто извне, из области «объективно данного».

А что это за долговременные ожидания?

В целом приятное и обнадеживающее чувство, что заканчивается колоссальная ментально-поведенческая буря, которую мне пришлось наблюдать в течение всей жизни, и которая, как постепенно выяснилось, началась задолго до моего рождения. Не то чтобы все уже полностью «улеглось», – но, во всяком случае, показался, наконец, просвет, и стало очевидно, что этот просвет стабильно приближается, и что он скоро охватит весь горизонт происходящего. Хотя все это, повторяю, может оказаться лишь фантомом моего воспаленного ума.

Речь идет о каком-то конкретном событии в рамках акции?

Что-то сработало определенным образом в моем сознании, но ничто не гарантирует даже минимальной общезначимости этого момента. И, кроме того, это очень непросто объяснить. Любые вербальные выкладки тут крайне уязвимы.

Т.е. событие целиком располагалось в регистре «механики действия»?

Вся поэтика КД, насколько я понимаю, – это преодоление «затекстованности» мышления через раскрытие принципиальной нередуцируемости живого опыта и телесно-моторных актов. Но специфика этой практики в сравнении с любой другой, как мне представляется, состоит в том, что такое раскрытие – преодоление текста – происходит здесь именно на фоне текста и при его активном посредничестве. Соответственно, мы имеем дело не с возвращением-погружением мышления на т.н. «довербальные» уровни, а скорее с переходами в металингвистические, сверхязыковые слои, где действуют структуры, которые Монастырский в «Эстетике и магии» назвал «мандалами руководства». Прямой контакт с ними не входит в программу, однако он устанавливается самопроизвольно и подозрительно часто. Я имею в виду события, которые можно условно назвать «чудесами КД», и которые определяются сочетанием трех основных признаков: а) если рассматривать их из контекста акций и внутригрупповых нарративов, то они предстают как некие послания – отчетливо артикулированные и очевидно значимые, даже сверхзначимые высказывания-демонстрации; б) при этом они не входят в план акций и не являются прямым результатом осуществляемых во время акции действий; в) в то же время их нельзя квалифицировать как фрагменты «естественного шума» или «чистую игру случая», поскольку их вероятность – в смысле математического ожидания – близка к нулю. Проще говоря, это невероятные, но поразительные по своей кажущейся осмысленности совпадения, – про которые уже нельзя сказать, принадлежат они к миру эмпирических явлений или к миру безличной, но по существу текстовой, понятийной механики.

В данной акции роль текста тоже была существенной?

О роли текста стоит сказать более развернуто. Моя техническая функция в «Кашее Бессмертном» состояла в том, что я нес динамик со звучащей записью чтения Монастырским фрагментов буддийского текста Анандамайтрейи. По дороге вглубь просеки и по дороге обратно. Всего в акции было задействовано три фонограммы – уже упомянутый «Путь к нирване», несколько параграфов из «Трансцендентальной эстетики» Канта и чтение Всеволодом Некрасовым своих стихов. Каждому этапу акции соответствовала одна из этих фонограмм, и они переходили одна в другую практически непрерывно, так что по сути вся акция от начала до конца разворачивалась на фоне звучащего текста. За исключением этапа, когда Кузькин с фонограммой Канта уходил в лес до «состояния неслышимости», а потом возвращался оттуда: фонограмма продолжала звучать все это время, но в середине этого эпизода возникла размытая по краям лагуна, обусловленная временным удалением источника звука от основной группы. Так, по крайней мере, все было задумано, и единственная проблема состояла в том, что и по дороге туда, и по дороге обратно, когда я «нес Анандамайтрейю», группа сильно растягивалась из-за существенных различий в скорости передвижения по глубокому снегу, доступной или привычной для разных участников. Так что «движущегося звукового кокона», который «накрывал» бы всю группу, из Анандымайтрейи, похоже, не получилось. Во всяком случае в полную силу этот задуманный аудиальный план акции, видимо,

довелось пережить мне одному. Но для меня он, безусловно, стал доминирующим. Даже странно было потом обнаружить диалог по поводу акции между Монастырским и Лейдерманом, который настойчиво вращается вокруг статуэтки кэрролловского кролика с часами. С моей точки зрения, кролик был предельно периферийным элементом, совершенно несоизмеримым по значимости с подбором текстов и с тем, как было выстроено их звучание.

Этот набор текстов – настолько стандартный и предсказуемый для линии КД, что они могли быть подобраны и составлены чисто механически, по инерции...

Я не исключаю, что здесь может иметь место «вчитывание» каких-то содержаний туда, где они совсем не предусматривались, но для меня, повторяю, эта акция оказалась своего рода «текстовой ораторией», состоящей из очень тщательно и тонко найденных звучаний, – лишь «иллюстрированной», «освященной» телесно-моторным опытом перемещений, рассеянных наблюдений и т.д. Наиболее волнующим и проникновенным было, наверное, не оставляющее сомнений итоговое переживание того, что, хотя эти три текста принадлежат к разным эпохам, традициям и ситуациям, все они в сущности представляют собой один и тот же текст. И в то же время – не в последнюю очередь благодаря чуткому подбору тембров и интонаций читающих голосов – эти три текста оказались значимым образом противопоставленными друг другу и сложились во вполне законченный художественно-философский сюжет. Тхеравадический текст Анандамайтреи про т.н. «умы чувственного восприятия», звучавший по дороге к месту действия, вызвал теплое и немного щемящее чувство «возвращения туда, где провел детство». Что-то вроде глубинного воспоминания, которое всегда также обладает качеством реверсии (типа платоновского анамнезиса). Этому очень способствовал «случайно» прибившийся к нашей колонне светлоглазый пес из дачного поселка, наглядно олицетворявший собой органическое сцепление всех этих «умов чувственного восприятия», не обремененное еще никакой сознательной заботой об освобождении. Пес, к примеру, носился взад и вперед вдоль нашей движущейся вереницы, как будто пытаясь собрать нас в единое тело наподобие овечьей отары, – и при этом, пролетая мимо каждого из участников по прокладываемой нами узкой тропе, он не упускал случая слегка «погладить» тело каждого путника своим меховым боком, передавая по цепочке один и тот же мягкий, «связующий» тактильный аффект. Мы явно нравились ему, «воодушевляли» его как некое энергично-устремленное коллективное тело, врезающееся в зимнее бездорожье, и эти производимые им касания были, с одной стороны, совершенно произвольными, автоматическими, но, с другой стороны, полностью предопределенными внутренней логикой нашего стайного перемещения, коллективного авантюрного предприятия «в поисках какой-нибудь поживы». Стало понятно, что «загородность» большинства акций КД продиктована в том числе и внутренней необходимостью вновь и вновь опредмечивать, выявлять для себя вот эту скрытую в бессознательном механику «взаимозависимой» работы умов чувственного восприятия (включая тактильное), снова и снова обнаруживать плавность, непрерывность перехода между «мыслящими» нами и «низшими» царствами – животных, растений, минералов. Пришло даже в голову, что лежащие под снегом листья окружающих нас деревьев – в каком-то смысле те самые сухие пальмовые листья, на которых были впервые записаны сутры Палийского канона... Потом, после установки между двумя березами «кролика с часами», зазвучал фрагмент из «Критики чистого разума», который с первых своих «тактов» произвел на меня очень сильное и позитивное

впечатление, – как если бы среди бела дня вдруг раздались залпы праздничного салюта. Он как будто вступил в захватывающую «силовую конкуренцию» с предыдущим текстом, – в принципе он индуцировал то же самое классическое переживание «возвращения домой», но только несравнимо большей интенсивности и непосредственности, как бы говоря: «Да, возможно, детство ты провел там, но это все таки был не совсем ты... а вот здесь ты по-настоящему родился, здесь твой истинный дом!» Секрет такого довольно таки суггестивного воздействия заключался, как представляется, прежде всего именно в тембре и интонации: текст читала женщина – профессиональный диктор, и в точности таким голосом, каким в нашем советском детстве зачитывали по радио разного рода «Вести с полей» и решения партийных съездов. Голос звучал поразительно, ошеломляюще безапелляционно. В недрах дикторской интонации не обнаруживалось ни толики сомнения, ни малейшего намека на проблематичность кантовских формулировок – только всеохватывающее, непоколебимое торжество мысли. Или доверия к ней – учитывая, что сколько-нибудь глубокое понимание кантовского текста самим диктором вовсе не было гарантировано. Здесь также получилась любопытная инверсия: первый текст, хотя и был озвучен голосом Монастырского, из-за своей «проповеднической» модальности звучал в целом мягко, успокаивающе-просительно, – и тем самым скорее «по-женски»; текст Канта, напротив, хотя и читался женщиной, был воплощением нестигаемого мужественного бесстрашия, нес в себе отпечаток свойственной Просвещению беззаветной веры во вселенскую гегемонию европейского человека, – «вскормившей» в том числе и проект СССР. И однако же именно в этот момент я, наконец, пришел к выводу, что кантовская «реапроприация» пространства и времени в качестве нейтральных, «чистых» формул чувственного познания, – в качестве «ничто», сшивающего реальное с идеальным и субъективное с объективным, – это по существу абсолютно тоже самое, что и буддийское «затухание». Стопроцентная мадхьямика. До этого одно с другим как-то не сопрягалось: я, конечно, понимал, что восточная и западная традиции растут из общего доантичного корня, что средневековый номинализм во-многом аналогичен шуньяваде, и что уже с 17-го века Европа начала вновь активно впитывать в себя индуизм и буддизм при активном участии, к примеру, Лейбница, – не говоря уже о Гегеле и Шопенгауэре, после которых началось прямо таки «повальная ориентализация» мыслящих европейцев. Но Кант все таки «парил» над всем этим как что-то отдельное. А тут, в общем-то, выяснилось, что Кант в Европе снял противоречие между субстанциалистскими и релятивистскими взглядами на пространство-время примерно так же, как Нагарджуна в Азии примирил хинаяну с йогачарой и адвайта-ведантой.

Ну а третий текст?

Что касается стихов Некрасова, то для обнаружения их «буддийской подоплеки», разумеется, не нужно никаких усилий – достаточно указать на важность для всех направлений буддизма понятия «таковости». Я регулярно читаю его стихи, и мне они очень нравятся, но до этого дня я никогда не слышал, как он сам их исполняет. И надо сказать, впечатление оказалось крайне неожиданным, – до такой степени, что, когда Монастырский произнес его имя, я не сразу смог в это поверить. В напечатанном виде Всеволод Некрасов воспринимается как строгий, даже жесткий аскет-минималист, – так сказать, «застегнутый на все пуговицы». Ожидаешь, что в его чтении каждое слово будет падать как камень или мандельштамовский «плод». Хотя, признаться, я не особенно рассчитывал когда-нибудь услышать его голос. А

тут из динамика полилось какое-то почти что пение, или скороговорка, похожая то ли на младенческий лепет, то ли на то, как бубнит что-то себе под нос полуспящий юродствующий забулдыга. Пьяный даос. Это сочетание «пустотности» с какой-то разнузданной лихостью поначалу казалось очень странным, но постепенно так же совершенно меня заворожило. По контрасту с кантовским напряженным мессианским «напором» состояние, излучаемое чтением Некрасова, проявило себя как откровенно «нирваническое» или «пост-саторическое». Как говорится, «кнут дисциплины отброшен». В результате, из-за заданного первым текстом «буддийского кода», три тексто-звуковые фактуры, использованные в акции, отразились в моем восприятии как три вида или оттенка пустоты: Анандамайтрея – «опустошающая пустота» (проповедь); Кант – «наполненная» и «наполняющая пустота» (целеустремленная экспансия); Некрасов – «пустующая пустота» (когда нет уже и самой пустоты). А вся акция предстала как закономерный, содержательно выстроенный цикл: ОП – НП – ПП – ОП.

А чем объясняется возвращение к исходному тексту на последнем этапе?

Ну это же классика: идешь туда – слушаешь проповедь, идешь обратно – уже «несешь дхарму» людям. Что-то вроде дзенских «Десяти быков».

Поразительно, что уже столько лет, даже десятилетий, дискурс КД никак не может оторваться от этой категории «пустоты» и трансцендентальной эстетики...

Мне это как раз представляется очень ценным. Особенно на фоне распространенной сейчас среди пассионарных интеллектуалов тенденции, которая представляет собой что-то вроде «антибуддийской реакции» (продолжающей антимодернистскую реакцию). Это заметно, например, у Брюно Латура, который настойчиво стремится «ресубстанцировать» вещи, – хотя, надо отдать ему должное, уже на новых принципах. Очень сильна эта линия в поле архитектурной теории, – что неудивительно, поскольку отражает специфику профессии. Но интересно, что в своем не так давно опубликованном эссе «От пустоты к парадоксу» Гройс – который всегда воспринимался как одна из ключевых фигур Мокши – прямо таки атакует парадигму пустотности, провозглашает ее культурную исчерпанность и необратимое разложение. Пустота, согласно его трактовке, пережила этап трансформации в обращенный к Другому императив саморефлексии и саморепрезентации, а затем естественно выродилась в культурное клише, в условный жреческий жест, в «пустоту как стиль». То есть с ней произошло нечто подобное описанной Роланом Бартом «регрессии смысла к форме». Опустошенность превратилась в маску опустошенности.

Авалокитешвара вроде бы сказал: «Форма есть пустота, пустота есть форма».

Не думаю, что это было принято во внимание в данном случае. Хотя кто знает? Другой «фронт» этой критической тенденции – борьба с традиционным для Европы «переразвитием субъектности», то есть по сути антикартезианство и антикантианство. Примером может служить недавно услышанная мной лекция Михаила Ямпольского «Живопись, желание и язык», лейтмотив которой состоит в том, что «хваленый» европейский автономный субъект – это на самом деле виртуозно сконструированный культурный миф. В действительности он всегда был

децентрализован, впутан в разные сложные системы отношений, опосредован лингвистическими структурами и т.д.

Но ведь так все и было?

В принципе оба описанных случая можно интерпретировать не как борьбу с «дзенско-модернистской» традицией, а, наоборот, как борьбу за ее продолжение через очищение, как результат «любовного беспокойства» за ее историческую судьбу. Можно рассматривать их как призывы к очищению пустоты от «пустоты-как-стиля», к очищению субъектности от «идола эго» и т.п. Все это – вполне буддийские по характеру процедуры. Однако берет некоторая оторопь, когда встречаешь, к примеру, в речи Ямпольского слова: «но человек – все таки существо биологическое». Не скатываемся ли мы тут к принципиальному, непоправимому отказу от абсолютной достоверности в пользу достоверности относительной? Ведь почему, к примеру, Кузькин удаляется в лес именно на этапе чтения Канта? Очевидно потому, что Кант – это мощнейший, беспрецедентный «взлет субъектности» – в смысле отречения от господствующих мнений, достижения «трансцендентального единства апперцепции», самодисциплины и самоотдачи. Это всегда требует уединения и затворничества. И это, конечно, очень опасно. Но если мы пропускаем эту фазу, то получается, что «этап расслабленности», «отбрасывания кнута» наступает задолго до «встречи с быком», которая, соответственно, вообще никогда не происходит. К такой ситуации, как мне кажется, как раз и ведет «трясина гетеродоксии», в которой с радостью барахтаются многие сегодняшние дискурсы. Не пустота вырождается, а скорее дискурс превращается в какие-то невротические арьергардные битвы с собственной тенью. В итоге все его содержание сводится к выражению чувства растерянности и дезориентации. Хотя главное, что меня здесь смущает, – это отсутствие в этих дискурсах, «запутавшихся в собственных следах», хоть какой-нибудь странности: все выглядит вполне объяснимым и предсказуемым. А вот в практике КД – при всей ее вроде бы ортодоксальности – все время проскальзывают какие-то странные моменты.

И что же это за странные моменты в конце концов?

Я уже говорил: совпадения, события смешанной, промежуточной, неопределенной природы. Наполовину мысли – наполовину спонтанные явления внешнего мира, возникающие независимо от чьего-либо желания или практического целеполагания. «Само-материализующиеся» мысли – только непонятно чьи конкретно. Что-то такое случается чуть ли не каждый раз. Например, никем не запланированный проезд передвижного павильона с надписью «Кривые зеркала» мимо места проведения акции «Передача иконы Паниткову» в момент, когда зрителям вручали миниатюрные зеркала, причем половина этих зеркал действительно были кривыми (выпуклыми). Или в аппендиксе «Хождение по могилам» к акции «КБ КД» – обнаружение одинокого дуба напротив могилы старшего Вильямса. В порядке параноидального вымысла можно было бы предположить, что, скажем, перед акцией на ВДНХ Монастырский тайно договорился с персоналом «Кривых зеркал» о том, что они в условленный момент прогонят свой павильон мимо группы зрителей; или что перед тем, как были придуманы «схемы защиты» для «Кашея Бессмертного», Монастырский успел тайно побывать на могиле старшего Вильямса, и узнал про стоящий там дуб (откуда и возникла идея «схем»), а позднее, придя туда в компании свидетелей, очень убедительно изображал, что видит дуб впервые. Однако ясно, что

ничего подобного в действительности быть не могло. А значит эти события необходимо тщательно проанализировать, в том числе и с применением классической буддийской гносеологии. Такой анализ, в частности, позволил бы прояснить давно поставленный Хайдеггером, но так и не получивший должного осмысления вопрос о сущности техники. К сожалению, развивать эту линию мешает широко распространенный суеверный страх перед безумием. Все таки основная, господствующая тенденция сейчас – это поиск путей к очередной «всеобщей нормализации» – в условиях фактического упразднения географических дистанций, регулирующих повседневные взаимодействия между людьми.

Это и есть те самые «долговременные культурно-политические ожидания»?

Мне кажется, что сейчас мы переживаем очень ответственный момент. Пока глобальные «врата нормальности» еще до конца не закрылись, есть шанс втянуть в поле «нормальной рефлекслируемой предметности» вещи, которые еще никогда толком не рефлексировались. Возьмем эпизод, который я выделил для себя еще в ходе проведения акции, но всю странность которого я оценил только недавно, после просмотра видеодокументации. Кузькин отправляется в лес с заданием прибить к дереву «схему», а затем надуть и повесить где-нибудь рядом с ней красный воздушный шар. Группа стоит и ждет. Через некоторое время Кузькин возвращается из леса с сообщением «Шарик лопнул». А спустя еще несколько секунд он достает и разворачивает сверток, в котором оказывается красное яйцо-шкатулка, то есть тоже «шарик», только твердый и небольшой. Это яйцо как бы расколото пополам позолоченным швом, и Кузькин начинает открывать и закрывать его перед глазами собравшихся, повторяя эту процедуру как минимум дважды. В контексте только что прозвучавшей устной реплики Кузькина эти его действия трудно трактовать иначе как наглядное подтверждение его слов – то есть демонстрацию того, что «шарик» действительно лопнул. При этом раскладывающийся яйцеобразный шарик, очевидно, не был частью плана акции, – для Монастырского его появление оказывается полной неожиданностью. Можно было бы предположить, что «удвоение» шарика задумано и реализовано Кузькиным. Однако Кузькин до начала акции очевидно ничего не знал о том, что в акции будет задействован «первый» красный шарик – надувной. Этот «первый», похоже, затесался в набор акционного реквизита довольно спонтанно – Монастырский в какой-то момент упомянул о том, что он купил его недавно, проходя по подземному переходу. И уж тем более Кузькин не мог ожидать, что «первый» шарик лопнет у него в руках при попытке его надуть. Но получается, что в момент разрыва «первого» шарика у Кузькина в кармане находилась его модель, «твердая копия», причем уже в «лопнувшем» состоянии. Может быть «первый» шарик лопнул именно поэтому?

Едва ли найдется много желающих серьезно задуматься над подобным вопросом.

После просмотра видео с регистратора, который Кузькин носил с собой в лес, выясняется, что реализовавшаяся в данном случае коллизия гораздо сложнее и интереснее. Это видео позволяет обнаружить, что использованная в акции фонограмма чтения женщиной-диктором фрагмента «Критики чистого разума» была предварительно странным образом препарирована, так что оригинальная кантовская последовательность разделов подверглась существенному изменению. В письменной документации перформанса этот факт почему-то никак не отражен. Более того, обнаруживается совершенно отчетливая, но необъяснимая (случайная?) корреляция

между тем, что происходит на протяжении всего этого этапа с Кузькиным, и содержанием текста, звучащего из выданного ему динамика. Как отмечено в «описательном тексте» акции, Кузькин должен был углубляться в лес до тех пор, пока звуки из его динамика оставались хотя бы отдаленно слышимыми для основной группы. Когда эта аудиальная связь была полностью потеряна, Кузькин получил по мобильному телефону сигнал, означавший, что он должен остановиться и приступить к закреплению «схемы». Этот момент эмпирически определялся участниками, оставшимися на просеке, и я хорошо помню, что решение об отправке Кузькину сигнала несколько раз откладывалось, потому что то один, то другой из участников, обладавших особенно острым слухом, сообщал, что отдельные звуки кузькинской фонограммы все еще слышны. Но, разумеется, при таком удалении источника не могло быть и речи о том, чтобы слышать и понимать конкретные слова кантовского текста. Кроме того, фонограмма была включена за какое-то время до того, как Кузькин начал удаляться в лес, и момент его отправления не был соотнесен с каким-либо конкретным местом в звучащем тексте. Таким образом, не было ровным счетом никаких оснований предполагать даже возможность того, что график перемещений и действий Кузькина в лесу (в частности, момент его остановки) будет каким-то образом скоординирован с содержанием и последовательностью зачитываемого на фонограмме фрагмента «Критики чистого разума». Тем не менее, такая координация возникла. Отправление Кузькина и его движение до места прикрепления схемы происходили на фоне чтения заключительной части третьего параграфа «Трансцендентальной эстетики», который называется «Трансцендентальное истолкование понятия пространства». Момент, когда Кузькин прекратил движение и установил свой видеорегистратор на снег, совпал с чтением последнего предложения этого раздела (главы «О пространстве») и, соответственно, с началом чтения Второй главы «Трансцендентальной эстетики» – «О времени». При просмотре видео эта корреляция выглядит не только формальной, но и крайне содержательной. Пока Кузькин продвигается по лесу, вокруг него непрерывно перемещаются все предметы, попадающие в «поле зрения» камеры, а также все промежутки между ними – так что вполне правомерно сказать, что на этом этапе движется само пространство. Иначе говоря, пространство здесь является действующим элементом происходящего. После остановки Кузькина и фиксации камеры на снегу окружающие предметы (деревья, снег и т.д.) перестают двигаться. Пространство не исчезает, но оно обездвигивается, «усмиряется» и, таким образом, нейтрализуется в качестве действующего агента. Для дальнейшего развертывания событий от предыдущих активных четырех измерений остается только одно – а именно измерение времени. Поэтому возникает четкое ощущение, что происходящее (в кадре) является иллюстрацией к кантовским рассуждениям и странным образом соответствует их последовательности. Далее. Вторая глава «Трансцендентальной эстетики» («О времени») открывается параграфом четвертым, «Метафизическое истолкование понятия времени». На фоне чтения этого параграфа Кузькин осуществляет все действия, входившие в «задание» и требующее его остановки в конкретном месте: прикрепление «схемы» к березе, надувание шарика, – правда, приводящее к его разрыву, – и прикрепление лопнувшего шарика к молодому побегу, расположенному рядом с березой, к которой была прибита схема. Надувание шарика и его разрыв совпадают с чтением пятого пункта «Метафизического истолкования», а точнее с чтением второго и начала третьего предложения этого пункта, где говорится о том, что в представлении о времени в целом должна входить его неограниченность, и что такое представление не может быть дано через понятия. Собственно, только в этом пятом пункте Кант впервые обращается к теме

бесконечности времени. До этого происходит постепенное наполнение понятия времени содержанием – которое естественно связывается с постепенным наполнением шарика воздухом – а в данной точке к этому содержанию добавляется предикат неограниченности – и, соответственно, шарик лопается, «пустота высвобождается». Более того, тезис о невозможности постижения времени через понятия (концепты) в данном случае буквально «аргументируется» тем, что разрыв шарика является именно телесным действием-событием, то есть чем-то, в принципе несводимым к понятиям (тут, конечно, вспоминается известный объект Монастырского «Положить можно, понять нельзя»). Есть и еще один важный аспект, содержательно связывающий разрыв шарика с «Метафизическим истолкованием понятия времени». Ядро этого параграфа – метафизическая характеристика времени, включающая изложение его «аподиктических основоположений» или «аксиом о времени». Здесь Кант не употребляет термина «необратимость», но по существу сводит аксиоматику времени именно к ней – например, он указывает на то, что к пространству, мыслимому отдельно от времени, неприменимы понятия «до» и «после». Действительно, в «чистом» пространстве – например, геометрическом – не могут иметь места действия, последствия которых было бы невозможно преодолеть или отменить: любое «чисто геометрическое» действие – скажем, построение биссектрисы угла – является принципиально обратимым. Поэтому о таком пространстве нельзя сказать, что одни его элементы или состояния существуют «до» или «после» других (последовательно), и что в этом пространстве вообще происходят какие-то изменения, события. Сама возможность обособить время – по Канту, в качестве априорной формы внутреннего чувства – возникает только потому, что с добавлением времени в пространство «проникают» также необратимость и причинность, позволяющие выстроить различные состояния пространства в определенной, логически значимой последовательности. А «лопнувший шарик», в свою очередь, принадлежит к той же серии базовых, элементарных иллюстраций понятия «необратимость», что и «пролитое молоко», «выдавленная из тубика паста», «прокрученный фарш», «разбитая чашка» (в одном из стихотворений Егора Летова) и т.д. Разрыв шарика вводит в ситуацию вполне однозначное и непреодолимое различие между «до» и «после», т.е. демонстрирует принципиальную специфику понятия времени по отношению к понятию пространства и любым другим общим понятиям. Но посмотрим, что было дальше. После окончания чтения «Метафизического истолкования времени» диктор на фонограмме почему-то не переходит к следующему, пятому параграфу, а возвращается к началу предыдущего, третьего параграфа «Трансцендентальное истолкование понятия пространства». За счет этого вмешательства в фонограмму (неясного происхождения) небольшой четвертый параграф «Метафизическое истолкование времени» оказывается обрамленным с обеих сторон рассуждением о пространстве, т.е. становится как будто специально «выделенным» для того, чтобы Кузькин произвел свои «стационарные» действия на фоне чтения именно этого параграфа. Можно конечно представить, что в этом состоял исходный замысел Монастырского, и что фонограмма была «препарирована» как раз для достижения этого эффекта. Но, как я уже говорил, синхронизация остановки Кузькина с расположением этого фрагмента на фонограмме не была обеспечена никакими целесообразными действиями во время акции (даже наоборот), то есть она явно не входила в план акции и чисто логически представлялась весьма маловероятной. Казалось бы, Кузькин уже осуществил все запланированные манипуляции с предметами и мог бы отправляться в обратный путь. Но он почему-то медлит: начинает обмениваться с кем-то СМС-сообщениями, привязывает к лопнувшему

шарику на ветке уже откровенно ненужную дополнительную веревку, наконец, вступает в переговоры по мобильному телефону. Как становится понятно после прочтения рассказа об акции самого Кузькина, это и был момент начала активного вторжения в плавное, естественное развитие «кантовского» сюжета «второго» незапланированного шарика – шкатулки-яйца. По телефону решался вопрос о том, как должна быть организована его презентация основной группе и Монастырскому. В появлении на сцене «второго» шарика нетрудно усмотреть мотив символической компенсации за испорченный «первый» – новый сходный предмет встает на место утраченного («яичко не простое, золотое»). Но гораздо большее внимание привлекает здесь мотив, так сказать, «метафизической компенсации». Лопнувший резиновый шарик, как справедливо заметил Кузькин в своем рассказе, «обратно не склеишь», а вот раскрытый шарик-шкатулку всегда можно обратно закрыть. Шарик-шкатулка, с этой точки зрения, – гораздо более продвинутый технический объект, а миссия технических объектов, как должно быть ясно уже из самого рассматриваемого примера, состоит в том, чтобы «вытаскивать» нас из реального пространства всеобщей необратимости и переносить в идеальное пространство всеобщей обратимости, где уже нет непрерывно умирающих вещей, а есть только бессмертные функции. Получается, что «кантовская» демонстрация сущности времени через необратимый разрыв шарика как бы аннулируется, высмеивается, терпит фиаско за счет введения в ткань акции «шарика обратимого». При этом следует отметить, что, согласно рассказу Кузькина, тема необратимости после «гибели» резинового шарика все же очень настойчиво вклинивается в поток его переживаний и размышлений – об этом свидетельствует не только указание на его растерянность в сам момент происшествия (состояние Пятачка), но и то, что потом его неотступно преследует мысль о потерянном четвертом гвозде, от которого цепочка ассоциаций ведет к воспоминанию об «истории с Лопуховой» (шарик, гвоздик, иголочка, лопнул, Лопухова). Это еще один сюжет, наглядно раскрывающий лингвистическую, номинативную природу согласованной реальности. Далее. Разобравшись с проблемой презентации яйца, Кузькин все таки отправляется обратно в сторону просеки под чтение третьего параграфа КЧР, «Трансцендентальное истолкование понятия пространства», которое продолжается до слов «...чистое созерцание, называемое пространством», то есть до того места, с которого началось чтение этого же параграфа перед отправлением Кузькина вглубь леса. После этого дикторское воспроизведение кантовского текста делает еще один резкий скачок и переходит сразу к началу пятого параграфа «Трансцендентальное истолкование понятия времени»; и далее чтение главы «О времени» продолжается уже в нормальном, «невозмущенном» порядке – до смены в этом динамике записи Канта на запись чтения Анандамайтрейи, то есть до начала возвращения всей группы назад к машинам. Но вернемся к скачку в записи. Как уже можно было предположить из предыдущего изложения (хотя и вопреки обычной рациональной логике) этот второй искусственно организованный скачок между главой «О пространстве» и главой «О времени» приходится по ходу действия практически точно на тот момент, когда Кузькин выходит из леса и присоединяется к основной группе. После его возвращения и до начала движения всех к машинам акция продолжалась, можно сказать, в стационарном режиме, поскольку «кролик» был установлен на обочине все той же просеки, и весь ареал оставшегося действия был в пределах видимости с одной точки. Иными словами, получилось, что все этапы с принципиально различными режимами действия – движение Кузькина «туда», пребывание Кузькина «там», движение Кузькина обратно и оставшееся пребывание всей группы вместе с Кузькиным на просеке около кролика – были, так сказать,

четко артикулированы, маркированы чтением различных разделов «Трансцендентальной эстетики», причем этапы движения сопровождалось чтением фрагментов главы «О пространстве», а этапы пребывания в одном месте – чтением фрагментов главы «О времени». Как если бы все эти этапы были тщательно хронометрированы и подчинялись единой строгой режиссуре! Хотя, с другой стороны, очевидно, что сознательно никто такой четкой темпоральной режиссурой не занимался. Все просто «совпало». И этой композиционной законченности не помешало, а даже помогло то, что Кузькин задержался в лесу для переговоров о судьбе шкатулки-яйца.

Получается, что «обратимость» взяла вверх над «необратимостью»?

Мне кажется, что «необратимость» – т.е. разрыв шарика – все таки сложно было символически и метафизически «перекрыть» с помощью шкатулки-яйца. Ведь это было единственное событие, которого в данной ситуации вообще никто не хотел и не ожидал. А техника, вообще говоря, может быть обманчивой – если взглядеться пристальнее, то она все таки не «идеализирует» мир в полном смысле, на всю глубину, а скорее перенастраивает восприятие таким образом, что моменты идеальности (причем сравнительной) выходят на первый план, тогда как «радикальная реальность», связанная с необратимостью, затушевывается и вытесняется. До поры до времени. Впрочем, и нахождение Кузькиным на улице яйца, и цепочка событий, которая перенесла это яйцо на место действия, – все это череда каких-то полубессознательных решений. Так что здесь вполне можно говорить о «театрально-драматическом» столкновении каких-то надличностных, транслингвистических начал.

Мандал руководства?

У Монастырского в «Эстетике и магии» есть интересная формулировка: «Шуньявада – это мандала без предикатива руководства». Еще он там связывает ее с «дырой в коллективном бессознательном», дающей субъекту уникальную возможность законтчить (сквозь нее) напрямую с «непосредственностью», в обход всяких концептуальных и идеологических структур. Непонятно только, кто же этот субъект. Но в любом случае ясно, что такое описание – некий идеал, регулятивный принцип. Как конкретное историческое учение шуньявада тоже как-то по-своему институционализована, действуют отношения соперничества между разными школами, и присутствует, конечно, момент дисциплины, иерархии – пусть она и несравнимо мягче, чем в какой-нибудь армии. С другой стороны, можно ли назвать «мандалой» то же кантианство? Или что-то, в чем можно распознать синтез кантианства с мадхьямикой? Кант замечательно показал, что понятия, поддающиеся трансцендентальному истолкованию, т.е. априорные созерцания, обладают способностью «порождать» из себя новые синтетические знания, а стало быть и саму действительность. И не стоит забывать, что Кант является автором одного из известных проектов «всемирной республики», т.н. «Вечного мира», пусть даже некоторые считают этот проект своего рода «шуткой гения». Думаю, именно поэтому, несмотря на упомянутый «буддийский код», для меня лично наиболее эстетически насыщенным и запоминающимся оказался все же именно «кантовский» этап этой истории – с этим шариком, неслышно лопнувшим где-то в невидимой дали. Он стал «знамением» скорого конца всех территориальных претензий, приближающегося рождения в 21-м веке всемирной республики.

Лопнувший шарик как предвестие глобальной федерации?

Имеется в виду конец всех этих постмодернистских мучений с локальными культурными идентичностями, болезненных пост-колониальных синдромов на Западе и Востоке, перетряхивания неба и земли. Конец «пространства как непреодолимого различия мест». Примечательно, что акция состоялась сразу после завершения минских переговоров по Восточной Украине, и такое ощущение, что с этого момента началась какая-то бесконечная серия масштабных, затяжных международных переговоров – саммиты ШОС и BRICS, многомесячное решение «проблемы греческого долга», долгожданное Венское соглашение по ядерной программе Ирана, которому, правда, еще предстоит пройти ратификацию разными парламентами...

Еще вспоминается, что когда-то 90-е годы мы с Н.С. Панитковым – в порядке творческого бреда – обсуждали идею полнометражной игровой экранизации «Критики чистого разума». Была даже изготовлена киноафиша к этому гипотетическому фильму, как если бы он уже был снят. Думаю, что запись с видеорегистратора, который нес Кузькин, – просто бесценный готовый материал для такой экранизации. Непонятно только, что делать с перестановкой местами разделов.

О. Саркисян

Разрушение пространства сакрального

Андрей в фб написал, что самое важное на акции «Кощей бессмертный коллективных действий» была шуба Сабины – та же шуба, что и на акции «Русский мир». Для меня это уточнение сфокусировало весь пережитый опыт 11 февраля, после бессонной ночи когда я сидела онлайн в дворце независимости Беларуси, созерцала зеркальный пол этого дворца, невероятные его интерьеры, пустые залы переговоров и людей у которых не было никакого занятия, кроме ожидания, которое я и наблюдала онлайн. Я была с ними, там в этом дворце и наблюдала как они высококлассно умеют тянуть время или ожидать события.

Потом мы поехали на Киевогородское поле. Странно, но позвонила Алиса из ЦСИ Заря Владивостока. Все кто был в машине, особенно Сабина, страшно обрадовались этому факту, почему – стало понятно потом, когда выяснилось что с нами в машине был белый кролик из керролловской Алисы, который и заменил собой того известного зайца нонконформизма, который вовсе не был никогда его родственником. Подмена произошла естественно и незаметно. Но если керролловский белый кролик (западноевропейский) – параноик времени, он испытывает страх, что слишком медленно двигается и поэтому везде опаздывает, нонконформистский заяц скорее родовыми узами связан с курицей. Как раз сегодня по центральному каналу Российского телевидения об этом говорил Илья Кабаков (о нем сняли телисериал, первая серия которого и была показана на следующий день после акции «Кощей бессмертный Коллективных действий»). Так вот, Кабаков говорил, что параноик нонконформистского (советского) зайца в боязни движения, ему нужно сидеть и не двигаться, чтобы его не вычислил орел. Поэтому нонконформистский заяц как курица,

над которой произвели специальное гипнотическое действие, и она лежит, задрав лапки, и не может пошевелиться.

По дороге на Киевогородское поле мы обсуждали «духовку и нетленку» как феномен неофициального искусства. Вспоминали барачных поэтов и кухонных философов. Сабина и Герман Титов поражали меня своей эрудицией и я совсем разомлела от их щебетания. Сабина по ходу еще реагировала на билборды на английском языке. Ее внимание привлекли два сообщения – «Музей фольклорного искусства» (так кажется) и «Музей истории танка Т-34». Привлекло Сабину собственно, не только само появление этих англоязычных объектов на подмосковной дороге, но и разночтения, которые возникали для русскоязычной аудитории и англоязычной. Наш водитель логично объяснил это англоязычное чудо тем, что дорога, по которой мы ехали, заканчивалась в Сергеевом Посаде, месте полоничества интуристов.

Проехав вереницу заснеженных Т-34, мы свернули с автострады на проселочную дорогу. Дачный поселок, в котором угадывалось благородство и очарование дачных поселений пятидесятых годов, отстроенный основательно и забористо, гладил нас заснеженными ветками своих старых стройных елок.

Потом мы выехали к киевогородскому полю, на котором все девяностые и нулевые возводились бетонные и кирпичные замки, чем-то похожие отдаленно на старый поселок, но как его пластмассовая копия. Нас встретило солнце и рыжая собака, которая решила составить нам компанию. Дойдя с нами до места акции, она потом совершенно незаметно исчезла, просто телепортировалась, наверное, обратно в поселок, поняв что шашлыки ей не светят. Но узор ее следов на снегу на обратном пути радовал меня.

Мы приехали на двух машинах. Была очень камерная акция. Моня, Сабина, великий издатель концептуализма Герман и я приехали на одной машине. На другой МИШМАШ в полном составе с Андреем Кузькиным и Сережей Ситаром. Мы все облачили ноги в разноцветные мешки, замотали их разноцветными скочами и отправились в путь. Солнце светило и Герман с Сабиной захватили с собой солнцезащитные очки. Было тепло достаточно и не ветренно. Сереже Ситару Андрей вручил некий читающий текст гаджет, но Сережа быстро ушел вперед, так что я не могу сказать, о чем было повествование, сопровождавшее нас на акцию.

Пройдя немного по кромке оставшегося еще незастроенным куску Киевогородского поля, быстро вышли на просеку. Это была новая просека, которая кардинально меняла все пространство. По словам Андрея еще в августе ее не было. И вот перед нами открывалась широкая, но не слишком длинная просека, которая упиралась в грибницу блочных новостроек на горизонте, освещенных розовыми лучами холодного зимнего солнца. Позади нас на поле торчали заснеженные треугольники типа трехэтажных избышек, и получалось, что мы зависли где-то между прошлым и будущим, в том символическом изображении, в каком оно присутствовало в советское время: мы оказались между городом и деревней. На самом деле и город, и деревня были совершенно новехонькие. Они как ржавчина цивилизации разъедали наше священное сакральное миленькое пространство пустотного канона, эстетических опытов и чистого созерцания. В общем ничего веселого и обнадеживающего в этой просеке и созданном ей пейзаже не было. В перспективе маячило полное исчезновение нас вместе с киевогородским полем. Солнце предательски покинуло нас. Но мы на это не обратили внимание и начали обустривать полянку для белого кролика. Андрей хитро заметил, когда мы его установили, что часы белого кролика стоят.

Потом мы начали движение по глубокому снегу, утопая по пояс. Но это было конечно не так как в акциях прежних лет, когда участники пересекали таким манером героически все киевогородское поле. В нашем распоряжении было всего пару метров в ширину просеки.

Мы выстроились в линию. Перфразируя классику русских народных сказок, мы встали «повернувшись в кролику задом, а к лесу передом». Герман достал магический круг кощева яйца из черного пакета. Его как плащ героя водрузили на плечи Андрея Кузькина и Андрей Монастырский стал его инструктировать. Задача Кузькина заключалась в том, что он должен был, включив диктофон, который вещал отрешенным дикторским голосом фрагменты критики чистого разума Канта, углубляться в лес до тех пор, пока мы перестанем слышать какие-либо звуки чистого разума. Сообщить ему о полной потере звукового контакта должна была Маша, позвонив по мобильному телефону. Тогда Андрей должен был исполнить некоторый ритуал, зафиксировав его на видео и вернуться к нам. В самый ответственный момент, понятно, полетели самолеты и поехали машины и сквозь их шум мы напряженно вслушивались в тишину леса и в голос, вещающий о чистом сознании.

Здесь мне бы хотелось сказать пару слов о горизонте, который в данном случае был не столько визуальный, сколько звуко-текстовой. Я, конечно, могу говорить на эту тему бесконечно, но границу горизонта, «зону неразличения» в терминологии КД, очерчивало европейское сознание текстами Канта. Да. И оно уходило за горизонт в царство Кощея бессмертного, то есть не Кощея, конечно, а в царство коллективных действий. Но тут хитро получалось. Классические время и пространство размывались мифологическими структурами народной сказки. Так что сознание европейца 19 века, которое унес в лес Андрей Кузькин, ушло за горизонт. В тридевятое царство, в тридешатое государство, преодолев свои собственные границы. Извините за этот поэтический бред, но боюсь не смогу сказать об этом более вразумительно. В конце концов есть целый корпус текстов о созерцании и конструировании пространств в практиках КД. В данном случае проскальзнуло еще некоторое упоминание эстетического (где-то в тексте, читаемом дикторшей). Кажется, речь шла о благе и красоте. Я подумала о Василисе Прекрасной (или Премудрой- не важно), то есть о благе, которое похищает Кощей Бессмертный. Но в последствии меня больше увлекло конструктивное прочтение этого «пустого действия» (возможно событие происходило вне зоны нашего слуха – мы не слышали и не видели, что делал Кузькин в лесу). Но отчетливо в какой-то момент для меня возникли две пересекающиеся линии. Первая – просека по которой мы пришли на место акции. Ей соответствовал наш путь и визуально-пространственное измерение. Вторая линия возникала на отрезке от белого кролика до Кощея бессмертного и она была перпендикулярна просеке. И эту линию можно описывать во временном измерении.

Наше сказочное путешествие закончилась хорошо. Кузькин не пошел греться в соседний подъезд многоэтажного дома, не уехал на электричке, как некогда поэт Сева Некрасов (который, тоже получив инструкцию, не стал возвращаться после ее исполнения). Я вспоминаю это событие к слову о том, что аудиозапись, на которой Сева Некрасов читал свои стихи была оставлена на алтаре вместе с белым кроликом в лесу после акции. Андрей Кузькин вернулся к нам, да еще волшебным образом достал из кармана яйцо Фаберже, найденное по его утверждению накануне на каком-то столбике у дороги. Чудеса да и только. Потом еще оказалось, что он также нашел недавно несколько желтых коробочек медицинских на какой-то помойке, функции этих приборов - регистрация температурного режима и внутри него была игла!

Таким образом появились и яйцо, и сундучок, и игла. Я совершенно не понимаю, что с этим делать, но кажется у МИШМАШ и Кузькина есть мысли по этому поводу.

Для меня важным кажется отрезок, созданный во время акции между белым кроликом и Кощеем бессмертным. Они оба в каком-то смысле о времени. То есть сила Кощея в бессмертии – победой над временем, а белый кролик худо-бедно справляется с временем,

езде опаздывая, то есть замедляя его. И там еще чаепитие с застывшим временем фэйф о клон.

На обратном пути Ситару опять был выдан гаджет со звуком. Красная, похожая на пламя колоночка, которую он нес вдохновенно, как Данко сердце, а мы, уставшие и растерянные (это я про себя), бежали за ним. Текст в данном случае мне услышать удалось – голос Андрея Монастырского зачитывал о карме и ее истинном буддистском понимании. Таким образом и европейское сознание, персонифицированное в Канте, и буддизм, создали вместе текстовое поле практик КД, поддержав нас на оставшемся нам пяточке белого снега. Сворачивающееся физическое пространство репрезентации (или вернее эстетического созерцания) КД, в данной акции разворачивается в координатах текстуального пространства, «священных» (основополагающих систему мировоззрения) текстах КД.

Да, нужно еще заметить, что «разрушение пространств» - название семинара В. Подороги, который я посещала и продолжаю время от времени размышлять на вопросы, на этом семинаре обсуждаемые.

Ю. Лейдерман, А. Монастырский

Диалог о зайце

Ю.Л.: Действительно, очень много мелких деталей, мешаются в голове. Все эти Кашеи, Вильямсы и -- для меня особенно -- заяц с часами. Не знаю, зачем он нужен. Для меня в нем нечто "медгерменевтическое". Не вообще наша группа, а вот свойственное ей невсамделишное, сюсюкающее. И так думаешь -- мучаешься всю жизнь, пытаешься создать что-то, а потом поставят тебя под этакого приторного зайца, и это максимум, на что рассчитывать. Топографические передвижения фонограмм -- хороший момент, конечно. И непредвиденные элементы -- просека, випассана.

А.М.: Да, мишура, мусорная мишурность – это вообще главный признак акций последних лет, их на самом деле лишность, инерционное изготовление, поездки для поездок (искусство для искусства). Причем я в этом полностью отдаю себе отчет, именно такая мишурность меня обломала году в 86 году в работах Кабакова "Праздники", где на изображение, на правильно-хуевую живопись он квадратно-гнездовым методом наклеил фантики от конфет, откровенная такая мишура слоем, это он так совместил своего "мусорного человека", который ничего не выбрасывал, с жэковским художником "утра нашей родины". Но в этом есть некий любопытный бред гибрида, не требующий одобрения, отблеск интересного сумасшествия, хотя я это воспринял как явное "опускалово" по сравнению с предыдущими его работами мощными. К старости неизбежно накапливается мусор, прежде всего ментальный, да и физический, как у Крученых: дорога к дивану из кухни представляет собой извилистую и узкую тропинку среди горных навалов книг, бумаг, коробок, даже пустых бутылок (как у непьющего А. Абрамова). Оказаться на свалке – закономерный итог жизни творческих людей, все это написанное, нарисованное, бесконечно вытаскиваемое из леса с пустым концом, веревка времени действия. Да,

это все отходы производства пустоты – и огромный клубок, гора веревки, сорок лет вытаскиваемая из леса на поле, и “приторный” заяц-гипноз. Фантики, обёртки земли. Этот заяц с часами корреспондирует с зайцем из акции "Русский мир" (его, кстати, на акцию в своей сумке везла Сабина, одетая в ту самую шубу, в которой она была на "Русском мире" в 85 году), тот заяц был культовый, мистический, древний, восточный, а этот - культурно-литературный, кэрроловский, западный.

Этот с часами - типа 10-ый заяц Русского мира, что ли, из моей статьи Цзи-Цзи, или одиннадцатый, если учитывать и большого с отложениями золотых контуров-линий ушей на груди.

Заяц из статьи, из интерпретации, а не из леса!

Ю.Л.: Я не думаю, что образный мусор, отходы, свалка неперенный итог творчества. Они возникают только там, где появляется страсть к гарантиям и архиву. Но это нечто противоположное творчеству. Которое есть в каждый момент пребывания в точке, "откуда возвращение уже невозможно", -- по выражению Кафки. Point of no return. И зачем тем, кому отчаянно надо прорваться через этот лес, таскать за собой пустые бутылки. В реальной жизни художник, конечно, вынужден в какой-то мере хранить старые рисунки, наброски, т.п. Альтернативой этому было бы попросту рисование на воде. Однако, по моему практическому разумению, хранить имеет смысл лишь то, что может оставаться новым, свежим образом для тебя или для других, триггером какого-то нового события. Не знаю, как это относится к кэрроловскому кролику. Который даже не кэрроловский, а копия иллюстрации Тенниела. В этом его очевидное отличие от зайца из "Русского мира". Один был сделан Игорем или Леной (рисовал Н. Алексеев по моему эскизу - АМ), не знаю точно, и являлся там, на поле, довольно мощным, свежим -- за счет своей неясности -- образом, а другой -- просто амортизированное масс-медиальное клише. Правда, здесь возможен и следующий ход. Если мы говорим о ценности самого события, а событием субъективно для Андрея является как раз слипание такого кролика с академиком Вильямсом, "випассаной" и бог знает чем еще, то, получается, ему позволительно бережно хранить этих кроликов и захламлять ими путь из кухни к дивану. Т.е. мы возвращаемся к самой релятивности художественного события, жеста, которое "к старости", дескать, само по себе становится "приторным", "мусорным" и т.п. Но при этом остается полноценным в своей художественности?

А.М.: Очень хорошо, что ты упомянул слово “захламлять”. Этого кролика мне подарила моя дочь на день рождения по моей просьбе именно для акции (идея которой сначала вообще заключалась просто в визите места закупа медвежонка с кроликом в обнимку, завернутом в черную тряпку – просто поездка туда как на кладбище, на могилу, постоять – и обратно, причем кролика там не оставлять). И потом – с твоим участием тоже – возник сюжет аудиальной акции, с геометрическим движением голосов. Сначала я вообще хотел от него отказаться, но потом решил его использовать и там оставить, на месте действия, представив себе, какое чувство радости от находки этого кролика в лесу на просеке испытает какой-нибудь случайный лыжник, как он будет прижимать его к груди (а он ведь не дешевый!), показывать друзьям и родственникам, что он нашел, какую отличную вещь – вот эта фантазия и заставила меня оставить там кролика. А если не оставить, забрать – зачем он нужен? Чтобы превращался в барахло, захламлял квартиру? С одной стороны – чувство интересной находки, с другой – избавление от хлама.

После этой акции возникла интересная и чисто техническая интрига по отношению к акции в том месте “Подземная пятилетка”: сохранился ли закоп с медвежонком, или проруб просеки и выкорчевывание деревьев уничтожили его?

Ю.Л.: Все это опять упирается в неразрешимый вопрос о достоверности художественного события. Нечто для кого-то "работает", для кого-то "не работает". Для меня, скажем, этот заяц не работает.

16.2.15.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ АКЦИИ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОЕЗДКАМ ЗА ГОРОД

Грузинский лозунг

Над городом на склоне горы Мтацминда к перилам тропы было укреплено красное полотнище размером 10 м x 1 метр с надписью белыми буквами - текст перевода на грузинский язык Лозунга-1977 КД: "Я ни на что не жалею и мне все нравится, несмотря на то, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах" (Цитата из книги А. Монастырского "Ничего не происходит").

Тбилиси, 18.9.2014.

С. Хэнсен, Ю. Лейдерман, А. Турманидзе, М. Хюттель, Э. Добрингер, Х. Г. Вайтхазе (фото для сайта), Г. Край, В. Хилдебрант-Шат.
(Лозунг был изготовлен Druckhaus RUB).

ქართული ლოზუნგი

თბილისში, მთაწმინდის ფერდობზე, სავალი ბილიკის მოაჯირზე დამაგრებულ იქნა (10 მ X 1 მ) წითელი ნაჭერი თეთრი წარწერით, რომელიც კოლექტიური აქციის – „ლოზუნგი 1977“ – ქართულ ენაზე ნათარგმნ ტექსტს წარმოადგენდა: „მე არაფერს ვუჩივი და ყველაფერი მომწონს მიუხედავად იმისა, რომ აქ არასდროს ვყოფილვარ და არც ამ ადგილის შესახებ მსმენია რამე“. (ციტატა ანდრეი მონასტირსკის წიგნიდან „არაფერი ხდება“).

თბილისი, 18.9.2014

საბინე ჰენგსენი, იური ლაიდერმანი, არჩილ თურმანიძე, მარტინ ჰიუტელი, ელიზაბეტ დობრინგერი, ჰანს გერტ ვაიტჰაზე, გიზელა კრეი, ვიოლა ჰილდებრანდ-შატი.
(დამზადებულია Druckhaus RUB-ის მიერ).

GEORGISCHE LOSUNG

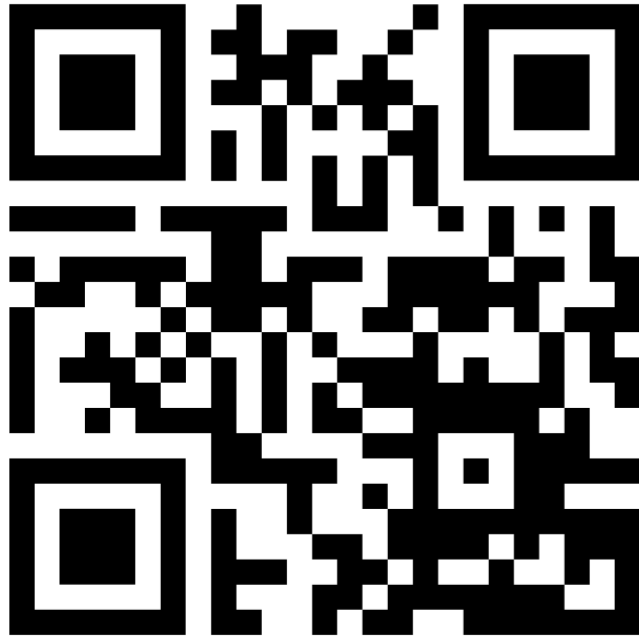
Oberhalb der Stadt am Berg Mtazminda wurde an einem Geländer eine rote Stoffbahn (10 m x 1 m) aufgehängt, auf der die „Losung 1977“ der Kollektiven Aktionen in weißer Schrift auf Georgisch zu lesen war: ICH BEKLAGE MICH ÜBER NICHTS UND MIR GEFÄLLT ALLES, UNGEACHTET DESSEN, DASS ICH NOCH NIE HIER WAR UND NICHTS ÜBER DIESE GEGEND WEISS. (Zitat aus Andrej Monastyrskijs Buch „Nichts geschieht“)

Tiflis, 18.9.2014

Sabine Hänsen, Jurij Leiderman, Archil Turmanidze, Martin Hüttel, Elisabeth Dobringer, Hans Gert Weithase, Gisela Krey, Viola Hildebrand-Schat
(Produktion: Druckhaus RUB)

[ASLSP]

СОДЕРЖАНИЕ

Пред-предисловие (АМ)	1
От составителя	2
Предисловие (АМ)	3
128	12
129	15
130	16
О Плавильщикове и Кожевникове	21
О Верховском	22
А.М. Между Грановским и Достоевским	23
131	25
А.М. Буря в лесу	28
А. Кузькин	30
Снятие красной намотки	34
А.М. Тема "Путешествия на запад" в ПЗГ КД	36
М. Бувайло	41
Д. Володин	42
С. Загний	43
А. Кузькин	44
М. Сумнина	55
Т. Пёникер	58
Ю. Лейдерман	60
Перемещение - 5	62
Зимовка в земле на просеке Хайдеггера	64
Т Р И	68
Передача иконы Паниткову	69
А.М. Явление Паниткова народу	71
Н.П. Померещилась мишура	75
С. Ситар	76
А. Кузькин. Это был такой день	80
О. Кройтор	84

М. Руденко	86
Подземная пятилетка	89
А.М. Пространство съедено медведями вместе с нами	90
А. Кузькин. О том, как я побывал на раскопе	91
М. Сумнина. Наблюдения и медведи	94
А.М. Проход через просеку Хайдеггера на поле Федорова	97
Лозунг - 2014 (промелькнувший)	99
Фамилии на лозунге	101
Г. Напреенко. Исчезающий лозунг	102
Ю. Лейдерман	103
И. Нилин	104
М. Чуйкова	104
Н. Белова	107
В. Геворгизова	108
Ю. Альберт	109
М. Руденко	109
Детская акция	114
Инструкция	115
Рассказы участников	115
Кашей Бессмертный Коллективных Действий	117
А.М. Випассана на могиле Вильямса	121
А. Кузькин	124
М. Сумнина	129
С. Ситар. Странные вещи происходят	131
О. Саркисян. Разрушение пространства сакрального	142
Ю. Лейдерман, А.М. Диалог о зайце	145
ИАИО к ПЗГ. Грузинский лозунг	148
[ASLSP]	150